

Если «Зеркало и свет» не принесет Хилари Мантел
третьего Букера — нет в мире справедливости.

St. Louis Post-Dispatch

Хилари Мантел

— Лауреат THE MAN BOOKER PRIZE 2009, 2012 —

ЗЕРКАЛО И СВЕТ

У римлян была «Энеида», у русских — «Война и мир»;
благодаря Хилари Мантел теперь и у нас в Англии есть подлинный эпос,
написанный на материале нашей истории.

Sunday Telegraph

Вулфхолл

Хилари Мантел
Зеркало и свет

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Мантел Х.

Зеркало и свет / Х. Мантел — «Азбука-Аттикус»,
2020 — (Вулфхолл)

ISBN 978-5-389-18523-4

Впервые на русском – «триумфальный финал завораживающей саги» (NPR), долгожданное завершение прославленной трилогии о Томасе Кромвеле, правой руке короля Генриха VIII, начатой романами «Вулфхолл» («лучший Букеровский лауреат за много лет», Scotsman) и «Введите обвиняемых», также получившим Букера, – случай беспрецедентный за всю историю премии. Мантел «воссоздала самый важный период новой английской истории: величайший английский прозаик современности оживляет известнейшие эпизоды из прошлого Англии», говорил председатель Букеровского жюри сэр Питер Стотард. Итак, после казни Анны Болейн и женитьбы короля на Джейн Сеймур позиции Кромвеля сильны, как никогда. Он подавляет Благодатное паломничество – восстание католиков, спровоцированное закрытием монастырей, – и один из руководителей восстания, лорд Дарси, перед казнью пророчески предупреждает Кромвеля, что королевская милость не вечна. Казалось бы, хорошо известно, чем кончится эта история, – однако роман Мантел читается увлекательнее любого детектива... В 2015 году телеканал Би-би-си экранизировал «Вулфхолл» и «Введите обвиняемых», главные роли исполнили Марк Райлэнс («Еще одна из рода Болейн», «Шпионский мост», «Дюнкерк»), Дэмиэн Льюис («Ромео и Джульетта», «Однажды в... Голливуде»), Клер Фой («Опочтарение», «Корона», «Человек на Луне»). Сериал, известный по-русски как «Волчий зал», был номинирован на премию «Золотой глобус» в трех категориях (выиграл в одной), на BAFTA – в восьми (выиграл в трех) и на «Эмми» – тоже в восьми.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18523-4

© Мантел Х., 2020

© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Действующие лица	14
Часть первая	19
I	19
II	33
III	117
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Хилари Мантел

Зеркало и свет

Этой книгой я поставила перед собой самую сложную творческую задачу за всю свою писательскую карьеру – но и результатом довольна, как никогда. Надеюсь, и читатели не будут разочарованы после такого долгого ожидания.

Хилари Мантел

По сравнению с романами Мантел о Томасе Кромвеле 99 % современной прозы выглядит бледно и бескровно.

The Times

У римлян была «Энеида», у русских – «Война и мир»; благодаря Хилари Мантел теперь и у нас в Англии есть подлинный эпос, написанный на материале нашей истории.

Sunday Telegraph

И снова шедевр. Пружина сюжета закручена неумолимо, на зависть иным триллерам. Хилари Мантел принципиально переосмыслила сам жанр исторического романа сверху донизу. Вся трилогия, вместе взятая, – величайшее достижение британской литературы в новом веке.

Observer

Редкие авторы не просто закапываются в окаменевшие напластования прошлого, но поднимают свою добычу к свету, чтобы снова блестела, нам на радость. Хилари Мантел – из их числа. «Зеркало и свет» – даже в большей степени, чем первые два романа трилогии, – обеспечивает полное погружение в сенориум былого и держит читателя тем сильнее, чем увереннее вторгается на территорию поэзии.

Саймон Шама, автор «Силы искусства» и «Глаз Рембрандта» (Financial Times)

Глубокий, драматичный, многоплановый, безумно увлекательный – не роман, а натуральное пиршество. И самое удивительное, что «Зеркало и свет» ничуть не уступает двум первым романам, получившим Букера. С чем бы сравнить... ну вот представьте, если бы третий «Крестный отец» был так же великолепен, как два первых.

Элизабет Гилберт, автор «Есть, молиться, любить» (The Wall Street Journal)

«Зеркало и свет» – как богато структурированный фриз, высеченный из безупречных изысканий, восхитительных характеров и экспрессионистского языка. Хилари Мантел – наш Микеланджело от литературы.

Oprah Magazine

Прошлое под пером Мантел буквально оживает: мы до последнего верим, что Кромвель имеет шанс спастись.

Vox

Если «Зеркало и свет» не принесет Хилари Мантел третьего Букера – нет в мире справедливости.

St. Louis Post-Dispatch

История Тюдоров утрачивает здесь всю тяжеловесную привычность и становится идеальным полигоном для характерно мантеловской мускулистой прозы и беспощадного остроумия, не говоря уж о ее давней зачарованности злом и насилием, религией и призраками.

Times Literary Supplement

«Зеркало и свет» являет нам новый эталон исторической прозы на поколения вперед.

Independent

Триумфальный финал завораживающей саги; многолетнее ожидание окупились страницей.

National Public Radio

Шедевр, который еще долго будет радовать читателей своими богатствами, меняясь с нами вместе и с нами вместе двигаясь в будущее.

Guardian

Закрыв «Зеркало и свет», я рыдала так, как не рыдала над книгой с детства. Из кремня по имени Томас Кромвель неподражаемая Хилари Мантел высекла неугасимую искру, искра же разгорелась жарким пламенем.

Сара Перри, автор «Змея в Эссексе» и «Мельмота» (Telegraph)

Ее трилогия о Кромвеле – величайшее достижение в жанре исторического романа за последнее десятилетие.

The New York Times Book Review

Ее Томас Кромвель – персонаж одновременно шекспировской глубины и модернистской сложности. Он мог бы быть Гамлетом – или пациентом из записных книжек Фрейда: то ныряет в детские воспоминания, то воспаряет к ангельским сферам.

The Atlantic

Противоречия и шероховатость – вот что придает ценность исторической прозе. Найти форму, а не навязать форму. И позволить читателю жить с неоднозначностью. Томас Кромвель – персонаж, для которого это особенно важно. Он почти что эталон неоднозначности. Есть Кромвель популярной истории и Кромвель академической науки, и это два разных человека. Мне удалось объединить два лагеря, и теперь подоспели новые биографии Кромвеля, от популярных до самых строгих и научных. Так что у нас будет непротиворечивый Кромвель... возможно.

Хилари Мантел

Хилари Мантел – писательница, умеющая видеть сквозь кровь. Силой свой прозы она рисует моральную неоднозначность и реальную неопределенность политической жизни... Она воссоздала самый важный период новой английской истории: величайший английский прозаик современности оживляет известнейшие эпизоды из прошлого Англии.

Сэр Питер Стотард, председатель жюри Букеровской премии

Литературная изобретательность Мантел не изменила; все так же метко и точно в каждом слове.

Маргарет Этвуд (Guardian)

Мантел вдохновенно говорит голосом Кромвеля. Когда она создает сцены и придумывает диалоги, она убедительнее любой исторической хроники.

Филиппа Грегори (Sunday Express)

Портрет Томаса Кромвеля, созданный блистательной и самобытной писательницей, не проверяет все каноны и вполне заслуженно получил Букеровскую премию.

Ф. Д. Джеймс (Sunday Telegraph: Books of the Year)

История Тюдоров, написанная мастерски и с большим знанием дела. Творение одного из лучших современных литераторов, этот грандиозный труд исследует психологию, политику и религиозное ханжество бурной эпохи Генриха VIII.

Кейт Мосс (The Times)

Настолько ново и неожиданно, что наши взгляды на историю и литературу уже никогда не будут прежними.

Том Холланд (Sunday Telegraph)

Удивительно, как Мантел воспроизводит язык и быт прошлого. Она перерывает исторические материалы и выкапывает мельчайшие, самые выразительные детали, воссоздающие прошлое как въявь. Диалоги настолько убедительны, что кажется, она в прежней жизни стенографировала разговоры в английских дворцах и тавернах.

Росс Кинг (Los Angeles Times)

Поистине завораживает. Написано виртуозно, с глубоким знанием эпохи; за счет богатейшей фактуры тюдоровский Лондон и окружение человека, идущего в гору, воссозданы с удивительным правдоподобием. Персонажи, как реальные, так и вымышленные, от ребячески упрямого короля до кардинальского шута, обретают жизнь и замечательно передают буйный дух эпохи.

К. Дж. Сэнсом (автор романа «Горбун лорда Кромвеля»)

Масштабное полотно с тончайшей проработкой деталей, композиция из множества персонажей, лапидарный стиль, создающий мощный эффект присутствия, остроумие, поэзия и богатство оттенков.

Сара Дюнан (автор «Рождения Венеры»)

Хотя мы прекрасно знаем, чем все закончится, проза Мантел завораживает и волнует; история борьбы за власть разворачивается на наших глазах.

The Times: Books of the Year

Книга, от которой невозможно оторваться... Мантел пишет историческую прозу с такой разговорной живостью, что чувствуешь себя мухой на стене Кромвелева кабинета. Полный восторг от первой страницы до последней.

Mail on Sunday

Гений Мантел в том, что она пересказывает хорошо известную историю, залезая людям в голову, отыскивая тайные уголки мыслей, видя то, чего не видят другие. Я немного смущаюсь писать слово «гений», но...

Daily Mail

Мантел совершает переворот в литературе.

Times Literary Supplement

Мантел продолжает строить осязаемый тюдоровский мир.

Guardian: Books of the Year

Романы Мантел ничем не уступают «Крестному отцу»: те же эпичность, драматизм и напряжение.

Scotsman

Захватывающая история ярости и ужаса.

Independent on Sunday

Шедевр изящества и увлекательности.

Marie Claire

Проза Мантел великолепна... фактурная и в то же время простая, наполненная жизненной энергией. Для этих книг изобретен собственный язык: не тюдоровский, но интонациями воспроизводящий дух эпохи.

Canberra Times

Упоительно читать творение писательницы в расцвете сил, сплетенной в счастливых объятиях с музой, которую она себе покорила. Мантел и Томас Кромвель созданы друг для друга.

Sydney Morning Herald

Мантел знает, что выбрать, как сделать сцену живой, как вылепить персонажей. Она как будто не умеет отрешиться или обмануть... она инстинктивно хватается за реальность. Короче говоря, это писатель, наделенный тем, чему нельзя научить, – даром писать увлекательно.

The New Yorker

Мантел решительно сметает с истории паутину, снимает потемневший глянец архаичных фраз и маскарадной сентиментальности исторических романов, так что прошлое предстает нам живым, свежим и непривычным.

The New York Times Book Review

В 2009 году Хилари Мантел произвела фурор своим захватывающим романом «Вулфхолл», получившим Букеровскую премию... Кто бы думал, что история может быть настолько завлекательной?

Vanity Fair

То, что зовется трилогией «Вулфхолла», – удивительный труд, рождающийся на наших глазах. Прошлое кажется близким и – что лучше всего – непредсказуемым. Даже если вы знаете историю, вы будете глотать страницу за страницей, торопясь узнать, что же случится дальше.

People

Теперь, когда этот литературный подвиг совершен снова, мы видим, что самый умный вовсе не Кромвель; самая умная – Мантел.

The Huffington Post

Ее персонажи – реальные и живые люди, носители противоборствующих идей своего времени. Мантел делает прошлое живым и насущным.

The Economist

Остроумием, смелостью и поразительной широтой исторического знания Мантел вдохнула новую жизнь в избранную ей область.

Bookslut

Просто исключительно... Завидую тем, кто еще этого не читал.

Daily Mail

Новый уровень. История ближайшего советника Генриха VIII – лучшая историческая проза, какую мне случалось читать. Потрясающее достижение.

Sunday Telegraph

Блистательно в каждом слове... выше всяких похвал.

Spectator

Не думайте, что можете взяться за эту книгу когда угодно, – планируйте загодя, потому что оторваться от нее невозможно и, пока не дочитаете, вы толком не сможете даже спать.

Country Life

Увлекательный пересказ знакомой истории в непривычном ракурсе – мы проживаем драму пятивековой давности как современную и животрепещущую.

The Times

Мантел – изумительный писатель, тонкий стилист, соединяющий абсолютную точность с захватывающей глубиной погружения, и одновременно тонкий наблюдатель человеческой натуры.

New Statesman: Books of the Year

Лучший Букеровский лауреат за много лет. Насыщенная атмосфера, смелый повествовательный стиль, безусловный шедевр.

Scotsman: Books of the Year

Соединяя современное понимание зла с иронией, Мантел переносит нас прямиком в разум человека XVI столетия.

The Economist: Books of the Year

Ее Кромвель человечен и правдоподобен, а воссозданный ею двор Генриха VIII пугающе убедителен.

Scotsman: Books of the Year

Смело и захватывающе.

Financial Times: Books of the Year

Блестяще... Тюдоровская Англия Мантел – это сочащееся кровью мясо, кишки и грязь. Мантел заставляет нас задумываться о том, что мы якобы знаем. Есть историческая правда, а есть правда творческая. Мантел... читит и ту и другую.

Spectator

Ошеломляюще прекрасно. Увлекательное повествование о борьбе за власть и политических махинациях и в то же время дивно поэтическое, полное ярких образов и фраз. Утонченное волшебство.

Daily Mail

Мантел создает мир настолько конкретный, что чувствуешь запах мокрого шерстяного плаща и колкие стебли тростника под ногами. Мы жадно ждем продолжения...

Daily Telegraph

Хилари Мантел не только безгранично талантлива, но и безгранично смела.

Observer

Мантел прекраснее всего в мрачных мелочах. Ощущение зла здесь густое, как дым от сожженной человеческой плоти, и от него перехватывает дыхание. Вот на что изредка способно слово в высшем своем проявлении.

Financial Times

Великолепно... Никогда еще не было такого сильного фаворита на Букер; не зря говорят, что Мантел наполнила само понятие исторического романа совершенно новым смыслом. В прозе Мантел есть безусловная уверенность Мюриель Спарк, и у читателя не возникает вопросов, откуда она столько знает про те времена, как не возникает сомнений и в ее оценке событий.

Evening Standard

Согласны мы с тем, как госпожа Мантел трактует историю, или нет, ее персонажи обладают собственной жизненной силой, шекспировской мощью. Стилистически ее подход «незримого наблюдателя» достигается через настоящее время, которым она владеет блестяще. Ее проза насыщена и энергична. Диалоги не рядятся в тюдоровскую мишуру, а написаны современным языком.

The Economist

Великолепный портрет общества в эпоху пугающих перемен, а в центре этого портрета – Томас Кромвель, могущественный советник Генриха. Проза Мантел – на удивление упругая и точная.

The Washington Post

Мантел интересуют вопросы добра и зла в применении к людям, наделенным огромной властью. Отсюда ненависть, ликование, сделки, шпионы, казни и роскошные наряды... Она всегда стремится к цвету, богатству, музыке. Она внимательно читала Шекспира, но слышны и отзвуки молодого Джеймса Джойса.

The New Yorker

Мантел не просто приближает прошлое, а одним махом переносит нас туда своей искусной и мрачной прозой. Мы – путешественники во времени, очутившиеся в чужом мире... Интриги и переживания далекой эпохи превращают книгу в долгое изысканное удовольствие.

The Boston Globe

Шедевр исторической литературы... олицетворяет то, что последнее время казалось таким же мифическим, как принцессы-змеи: великий английский роман.

Bloomberg News

Мантел исследует темные течения политики XVI века и создает на удивление современного персонажа и конфликты.

The Christian Science Monitor

История Кромвеля оживает в динамичной и умной прозе госпожи Мантел... Мантел берет традиционный исторический костяк и наращивает на него фантазмагорическое разнообразие трудов и тактик, успехов и уловок своих героев.

Washington Times

Не бывает новых историй, есть только новые способы их рассказать. Мантел как писатель дерзновенна не меньше Анны Болейн; она сочиняет личные разговоры известных людей, и они читаются так, будто она их подслушала.

People Magazine

Любители исторической прозы – и великой литературы – должны визжать от восторга.

USA Today

Это тугой клубок интриг, а исторические фигуры кажутся, как никогда, живыми и человеческими!

Miami Herald

Искусно сплетая историю и вымысел, Мантел рисует грандиозную картину тюдоровской Англии. Блестяще выстроенный сюжет и захватывающие диалоги...

St. Louis Post-Dispatch

На сцене истории выступает монарх, но кто-то должен за кулисами управлять всем балетом. Для Генриха VIII этим человеком был Томас Кромвель, по крайней мере часть его царствования. У Генриха был свой способ избавляться от надоевших приближенных – топор, – и многие его советники сложили головы на плахе. Кромвель (очень дальний родственник Оливера Кромвеля, который тоже многих казнил) эффективно привел в исполнение грандиозный королевский проект по отделению церкви от Рима, но в конце концов навлек на себя гнев раздражительного Генриха (того самого, у которого было столько жен!) и был казнен. Большинство американцев простительно путает Кромвелей, но англичане знают, что это два разных человека. Томаса обычно изображают хитрым безжалостным негодяем, который уничтожал монастыри и преследовал реальных и мнимых врагов короля, мешавших тому подмять под себя католическую церковь в Англии. Все это происходило в XVI веке, когда Англию раздирали религиозные споры, а король все не мог дожидаться наследника. Генрих был женат на Екатерине Арагонской, испанке, вдове его старшего брата, и та никак не могла родить сына. У нее была только дочь, Мария, которая позже наделала столько бед. С помощью Кромвеля Генрих променял Екатерину на более молодую и теоретически более плодотворную Анну Болейн. Хотя вся история больше отдает коневодством, любители королевских особ ею упиваются. Она романтизирована и мифологизирована, и часто человеческое измерение заслоняет все остальное. Хилари Мантел блистательно восстановила историческое измерение... Погрузившись в ее прозу, вы окажетесь в мире Кромвеля и увидите его с той полнотой, какую дает только литература.

Pittsburgh Post-Gazette

В отличие от аристократов, для которых простонародье – почти инопланетная раса, Кромвель помнит жизнь простых людей и насущные нужды страны: дороги, лучшее питание, даже карты... Мантел пишет ясно и без лишних ухищрений; она воссоздает эпоху, не прибегая к архаичной речи. Огромная подготовительная работа нигде не выпирает на поверхность, но мелкие подробности рисуют осязаемую картину. Действие в значительной мере состоит из диалогов, ведь для Кромвеля слова – хлеб насущный...

Portsmouth Herald

Можно с уверенностью сказать, что романы обращаются к периоду кардинального социокультурного прорыва. Томас Кромвель, по Х. Мантел, не только персонаж истории Англии, во многом определивший этот «дрейф» страны в сторону нового мироустройства, но и личность, которая, по сути, являла собою образ новой страны, нового мышления, отношения к людям, законам, правилам и нормам бытия.

История в представлении Мантел не только политика, политические события и политические фигуры, но нечто более объемное, глубокое, одновременно более сущностное и обобщенное. Мантел понимает, что с точки зрения реконструкции истории важно все ее «тело». Наверное, поэтому в романах так много того, что называется «реалии», артефакты, физическая

субстанция прошлого в ее телесности и осязаемости. Именно при их помощи скорее всего и легче всего реконструируется прошлое.

Борис Проскурнин (Филологический класс)

Читается этот политический экшн, скажем прямо, не всегда легко (а кто сказал, что заниматься интригами в Англии XVI века легко?), но очарование живого, трепещущего исторического действия того стоит. Да и харизма самого Томаса Кромвеля тоже – не обаяние зла, не обаяние наглого выскочки, но почти магические флюиды универсального ренессансного человека-который-кажется-знает-и-умеет-все... хотя, надо признаться, есть в мантелевском Кромвеле и что-то от крутых, опасных парней из американского кино. В любом случае у Хилари Мантел получилось создать персонаж, в который можно влюбиться, – а это, согласитесь, один из лучших способов выучить историю.

Мария Мельникова (Книжное обозрение)

Чем на этой поляне, вытопанной до залысин десятками писателей и сотнями историков, можно еще удивить? Оказалось, главным героем. Мантел выбрала Томаса Кромвеля, нежно полюбила, переименовала его давно сложившийся демонический образ и не прогадала. Если иные утверждают – льстил и манипулировал, автор отвечает: был внимателен и умел убеждать. И не жадный, а хозяйственный. Не хитрый, а рациональный. Не мстительный, а последовательный. Не выскочка, а *self-made man*.

Чтобы упрочить свидетельскую правдивость героя, автор плотно набивает тексты подлинными вещами. Когда упоминает латинское издание «Государя» Макиавелли, золоченую звезду для новогоднего дерева, подаренный архиепископом перстень, резные шахматы – не сомневайтесь: существование этих предметов документально подтверждено.

Остальное – кривотолки: главная движущая сила сюжетов. Все интригует против всех, о важнейших событиях узнают по сплетням, власть зиждется на заговорах, государственные решения зависят от придворных фейков. Мантел мастерски передает атмосферу словесной вакханалии – романная действительность соткана ею из диалогов. Отточенных, как меч казнившего Анну палача. Энергичных, как алчущие выгоды аристократы. Раскрывающих замыслы собеседников «от» и «до». И предельно информативных. Как те слухи, коими полнятся эти книги.

Big Kyiv

Мантел не предлагает никаких постмодернистских ребусов «переведи то время в наше», как это было, например, в «Имени Розы» Умберто Эко. И точно так же нет в ее книгах политической назидательности, ради которой пишут такие тексты многие современные романисты (из соотечественников, например, Дмитрий Быков и Леонид Юзефович), у которых прошлое – всего лишь метафора нашего времени, а знаменитые «мертвецы» оказываются всего лишь удобными трансляторами авторских мыслей о современном. Мантел же совсем не интересуется совпадением теперешней картинки с трафаретом прошлого. Вообще, если ее что-нибудь интересует, помимо собственно фигуры ее главного героя, – то это то, что называется «судом истории», и его справедливость.

При жизни Томас Кромвель практически официально был «самым ненавидимым человеком в Англии». Жесткость, с которой он закрывал монастыри и подавлял восстания монахов, угнетала даже короля, в пользу которого это все и делалось. При этом Кромвель, как оно часто и бывает, был умным государственным и прекрасным администратором.

«Не мертвые преследуют живых, а живые – мертвых. Кости и черепа вытряхивают из саванов, в лязгающие челюсти, как камни, бросают слова. Мы исправляем книги, оставшиеся от покойников, переписываем их жизнь». Если Хилари Мантел и стоило давать беспрецедентных Букеров – подряд за первую и вторую часть ее трилогии, – то за это высказывание. За признание своего (то есть писательского вообще) произвола, позволяющего делать давние жизни и смерти козырями в своей игре.

Анна Наринская (Коммерсантъ)

Сначала ты ждешь Букеровскую премию двадцать лет, а потом получаешь сразу две. Сейчас мне предстоит сложная задача: пойти и написать третью часть. Я, конечно, не рассчитываю стоять на этой сцене снова, но рассматриваю премию как знак доверия.

Хилари Мантел (из речи на Букеровской церемонии)

Мэри Робертсон в честь многолетней дружбы

Действующие лица

Покойники

Анна Болейн, королева Англии.

Ее предполагаемые любовники:

Джордж Болейн, виконт Рочфорд, ее брат.

Генри Норрис, главный из джентльменов, состоящих при короле.

Фрэнсис Уэстон и Уильям Брертон, джентльмены из окружения короля.

Марк Смитон, музыкант.

Дом Кромвеля

Томас Кромвель, позднее лорд Кромвель, государственный секретарь, лорд – хранитель малой королевской печати, викарий короля по делам церкви.

Грегори, его сын, единственный выживший ребенок от брака с Элизабет Уайкис.

Мерси Прайор, его теща.

Рейф Сэдлер, его старший писмоводитель, который вырос в семье Кромвеля, позднее приближенный короля.

Хелен, жена Рейфа.

Ричард Кромвель, его племянник, женатый на Франсис Мерфин.

Томас Авери, его домашний счетовод.

Терстон, его главный повар.

Дик Персер, псарь.

Женнеке, дочь Кромвеля (вымышленный персонаж).

Кристоф, слуга (вымышленный персонаж).

Мэтью, слуга, ранее служивший в Вулфхолле (вымышленный персонаж).

Бастингс, рулевой барки (вымышленный персонаж).

Семья и двор короля

Генрих VIII.

Джейн Сеймур, его третья жена.

Эдуард, его малолетний сын, рожденный в 1537 году, наследник престола.

Генри Фицрой, герцог Ричмондский, незаконнорожденный сын Генриха от Элизабет Блаунт, женатый на Мэри Говард, дочери герцога Норфолка.

Мария, дочь Генриха от Екатерины Арагонской, лишена права престолонаследия после того, как брак ее родителей был признан недействительным.

Елизавета, малолетняя дочь Генриха от Анны Болейн, лишена права престолонаследия после того, как второй брак короля был признан недействительным.

Анна, сестра герцога Вильгельма Клевского, четвертая жена Генриха.

Кэтрин Говард, фрейлина Анны, пятая жена Генриха.

Маргарет Дуглас, племянница Генриха, дочь его сестры Маргариты от второго брака с Арчибалдом Дугласом, графом Ангусом, выросла при дворе Генриха.

Уильям Беттс, врач.

Уолтер Кромер, врач.

Джон Чамберс, врач.

Ганс Гольбейн, художник.

Секстон, известный как Заплата, шут, ранее состоял при Вулси.

Семейство Сеймуров

Эдвард Сеймур, старший сын, женатый на Энн (Нэн) Стэнхоуп.

Леди Марджери Сеймур, его мать.

Томас Сеймур, его младший брат.

Элизабет Сеймур, его сестра; вдова сэра Антони Отреда, впоследствии жена Грегори Кромвеля.

Политики и церковники

Томас Ризли, прозванный Зовите-меня, хранитель личной королевской печати, бывший протеже Гардинера, впоследствии переметнувшийся к Кромвелю.

Стивен Гардинер, епископ Винчестерский, посол во Франции, бывший секретарь кардинала Вулси, впоследствии королевский секретарь, чья должность перешла к Кромвелю.

Ричард Рич, спикер палаты общин, канцлер палаты приращений.

Томас Одли, лорд-канцлер.

Томас Кранмер, архиепископ Кентерберийский.

Роберт Барнс, лютеранский священник.

Хью Латимер, реформат, епископ Вустерский.

Ричард Сэмпсон, епископ Чичестерский, специалист в каноническом праве, консерватор.

Катберт Тунстолл, епископ Даремский, бывший епископ Лондонский.

Джон Стоксли, епископ Лондонский, консерватор, соратник казненного Томаса Мора.

Эдмунд Боннер, посол во Франции после Гардинера, епископ Лондонский после Стоксли.

Джон Ламберт, священник-реформат, обвиненный в ереси и сожженный на костре в 1538 году.

Придворные и аристократы

Томас Говард, герцог Норфолкский.

Генри Говард, его сын, граф Суррейский.

Мэри Говард, его дочь, замужем за Фицроем, королевским бастардом.

Томас Говард, его единокровный брат, известный как Правдивый Том.

Чарльз Брэндон, герцог Суффолкский, старый друг Генриха, был женат на его покойной сестре Марии.

Томас Уайетт, друг Кромвеля, поэт, дипломат, предполагаемый любовник Анны Болейн.

Генри Уайетт, его престарелый отец, давний сторонник Тюдоров.

Бесс Даррелл, любовница Уайетта, ранее фрейлина Екатерины Арагонской.

Уильям Фицуильям, позднее лорд-адмирал и граф Саутгемптон, союзник Кромвеля.

Николас Кэрю, видный придворный, сторонник Марии, дочери короля.

Элиза Кэрю, его жена, сестра Фрэнсиса Брайана.

Фрэнсис Брайан, прозванный Наместником Сатаны, закоренелый игрок и недипломатичный дипломат, шурин Николааса Кэрю.

Томас Калпепер, джентльмен из свиты короля.

Филип Хоуби, джентльмен из свиты короля.
Джейн Рочфорд, фрейлина, вдова казненного Джорджа Болейна.
Томас Болейн, граф Уилтширский, отец Анны Болейн и Джорджа Болейна.
Мэри Шелтон, кузина Анны Болейн и бывшая фрейлина.
Мэри Маунтигл, фрейлина.
Нэн Зуш, фрейлина.
Кэтрин, леди Латимер, урожденная Кэтрин Парр.
Генри Буршье, граф Эссекский.

Двор королевских детей

Джон Шелтон, распорядитель двора королевских дочерей.
Энн Шелтон, его жена, тетя Анны Болейн.
Леди Брайан, мать Фрэнсиса Брайана и Элизы Кэрю, воспитательница королевских дочерей Марии и Елизаветы, позднее малолетнего Эдуарда.

В монастыре в Шефтсбери

Элизабет Зуш, настоятельница.
Доротея Вулси, известная как Доротея Клэнси, незаконнорожденная дочь кардинала.

Соперники Генриха в борьбе за трон

Генри Куртенэ, маркиз Эксетерский, потомок дочери Эдуарда IV.
Гертруда, его жена.
Маргарет Поль, графиня Солсбери, племянница Эдуарда IV.
Генри, лорд Монтегю, ее старший сын.
Реджинальд Поль, ее сын, предполагаемый вождь крестового похода с целью вернуть Англию под власть папы.
Джеффри Поль, ее сын.
Констанция, жена Джеффри.

Дипломаты

Эташ Шапюи, посол императора Карла V в Лондоне, франкоговорящий савояр.
Диего Уртадо де Мендоса, посол императора.
Жан де Дентвиль, французский посол.
Луи де Перро, сеньор де Кастильон, французский посол.
Антуан де Кастельно, епископ Тарба, французский посол.
Шарль де Марильяк, французский посол.
Гохштеден, посланник Клеве.
Олислегер, посланник Клеве.
Харст, посланник Клеве.

В Кале

Лорд Лайл, лорд-наместник, губернатор, дядя короля.
Хонор, его жена.

Энн Бассет, одна из дочерей Хонор от первого брака.
Джон Хуси, чиновник из гарнизона Кале, поверенный Лайла.

В Тауэре

Сэр Уильям Кингстон, королевский советник, комендант Тауэра.
Эдмунд Уолсингем, смотритель Тауэра, его заместитель.
Мартин, тюремный надзиратель (вымышленный персонаж).

Друзья Кромвеля

Хемфри Монмаут, лондонский купец, побывавший в тюрьме за то, что дал приют Уильяму Тиндейлу, переводчику Библии на английский язык.
Роберт Пакингтон, купец и член парламента.
Стивен Воэн, антверпенский купец.
Маргарет Вернон, аббатиса, ранее наставница Грегори.
Джон Бойл, монах-расстрига, драматург.

*Frères humains qui après nous vivez
N'ayez les cuers contre nous endurciz.*

*Терпимей будьте, братья-люди, к нам,
Что раньше вас прошли земным путем¹.*

Франсуа Вийон

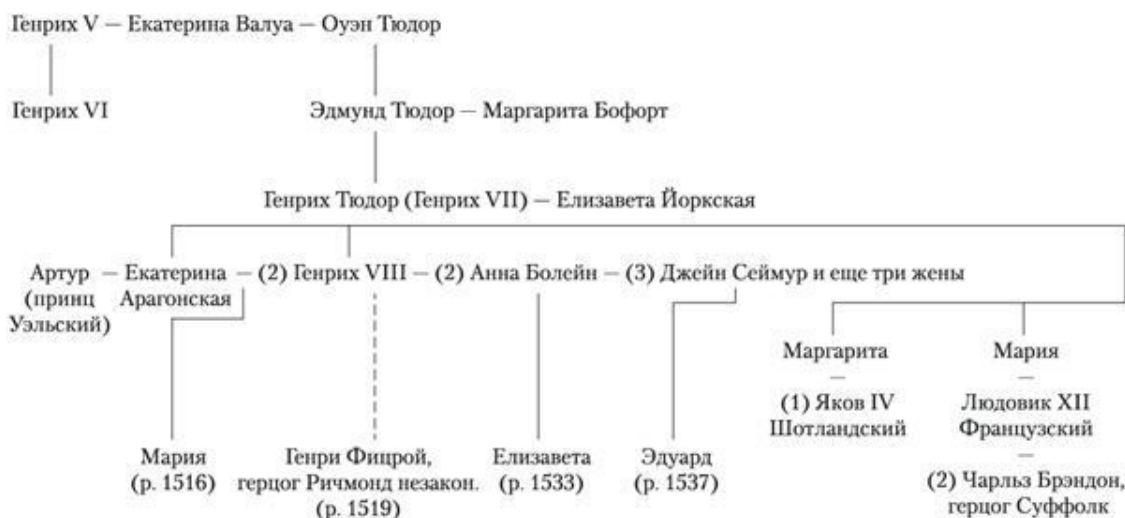
*Взгляни наверх, крепчает ветер,
Готовы мы отплыть.*

«Потоп», миракль

---

¹ Перевод Ю. Корнеева.

Тюдоры (упрощенная схема)

Генрих Тюдор (Генрих VII) претендовал на трон на том основании, что его мать, Маргарита Бофорт, была праправнучкой Эдуарда III. Брак Генриха Тюдора и Елизаветы Йоркской соединил семейства Тюдоров и Йорков.

Соперники Генриха VIII из семейства Йорков

Часть первая

I

Обломки (1)

Лондон, май 1536 г.

Королеве срубили голову, он уходит. Острый приступ голода напоминает ему, что сейчас время второго завтрака или раннего обеда. Для событий этого утра еще не придумано правил. Очевидцы, преклонившие колени, чтобы проводить ее душу, встают и надевают шляпы. Под шляпами ошеломленные лица.

Он возвращается похвалить палача, который исполнил работу с изяществом и блеском, и, хотя король был щедр, важно наградить за отличную службу не только кошельком, но и словами. Бывший бедняк, он знает по опыту.

Маленькое тело лежит там, где упало: на животе, раскинув руки, оно плывет в алом, кровь сочится сквозь доски эшафота. Француз – за ним посылали в Кале – запеленал голову в ткань и передал одной из женщин, которые прислуживали Анне в последние минуты. Он наблюдает, как, приняв узел у палача, женщина вздрагивает от затылка до пят. Впрочем, узел она сжимает крепко, голова тяжелее, чем кажется. Ему, бывавшему на полях сражений, это известно.

Женщины ведут себя весьма похвально. Анна бы ими гордилась. Они не позволяют никому из мужчин ее коснуться; выставляют вперед ладони, отстраняют тех, кто вызвался помочь. Оскальзываясь в крови, склоняются над тщедушным телом. Он слышит их сдержанные вдохи, когда они поднимают за ткань то, что осталось от Анны. Женщины боятся, что ткань порвется и пальцы коснутся холодеющей плоти. Обходят пропитанную кровью подушку, на которой она преклонила колени. Краем глаза он видит, как кто-то срывается с места – легкий на подъем тощий придворный в кожаном джеркине. Ловкач Фрэнсис Брайан спешит сообщить королю, что отныне тот – свободный мужчина. Фрэнсис – кузен мертвой королевы, однако не забывает, что и будущая королева – его кузина.

Под гроб приспособили узкий сундук для стрел, как раз по размеру. Женщина, которая держит узел, опускается на колени вместе со своей подмокшей ношей. Поскольку места в сундуке больше нет, голову помещают в ноги трупа. Женщина встает, крестится. Окружающие повторяют ее жест, его рука послушно следует за всеми, затем он спохватывается и сжимает пальцы в кулак.

Бросив прощальный взгляд, женщины отступают, держа руки на весу, чтобы не запачкать платья. Кто-то из подчиненных Кингстона приносит льняные полотенца, слишком поздно. Эти люди меня поражают, говорит он француз. У них было несколько дней, чтобы найти гроб. Они знали, что ей не жить. Никаких сомнений не было.

– Может, и были, мэтр Кремюзель. – (Ни один француз не способен произнести его имя правильно.) – Может, и были, поскольку, как я понимаю, сама дама надеялась, что король пришлет гонца остановить казнь. Видели, как она смотрела через плечо, поднимаясь по ступеням?

– Он о ней и думать забыл. Все его мысли о новой невесте.

– *Alors*², пусть на этот раз все сложится, – говорит француз. – Надейтесь на лучшее. Если меня вызовут снова, я запрошу больше.

Палач отворачивается и начинает чистить меч, обращаясь с ним любовно, словно оружие – его друг.

---

² Итак (*фр.*).

– Толедская сталь. – Француз протягивает меч, предлагая ему полюбоваться. – Чтобы заполучить такой клинок, до сих пор кланяемся испанцам.

Он, Кромвель, трогает пальцем лезвие. Сегодня, глядя на него, в это трудно поверить, но его отец был кузнецом. Его влечет ко всему железному, стальному, к тому, что извлечено из земли и выковано, к тому, что плавится, чеканится, заостряется. На мече гравировка: терновый венец и молитва.

Зрители понемногу расходятся, придворные, олдермены и городские чиновники, в шелках и золотых цепях, в ливреях Тюдоров, со знаками отличия лондонских гильдий. Два десятка очевидцев, и никто толком не понимает, свидетелем чего стал. Они знают, что королева мертва, но все произошло так быстро, что еще не уложилось в голове.

– Она не страдала, Кромвель, – говорит Чарльз Брэндон.

– Милорд Суффолк, не переживайте, она страдала.

Брэндон ему омерзителен. Когда все преклонили колени, герцог остался стоять. Слишком много чести; герцог ненавидит королеву. Он вспоминает, какой нетвердой походкой она шла к эшафоту, ее взгляд через плечо, который не ускользнул от француза. Даже произнеся последнее слово и призвав молиться за короля, она продолжает всматриваться поверх толпы. И все же не позволила надежде себя ослабить. Редкая женщина способна так встретить свой конец, да и мужчин немного. Он заметил, что ее начала бить дрожь, но это было уже после молитвы. Обошлись без плахи, француз просто велел Анне встать на колени. Одна из женщин завязала повязку. Она не видела ни меча, ни даже его тени, клинок вошел в шею с тихим свистом, мягче, чем ножницы в шелк. Все мы – точнее, большинство, не Брэндон – сожалеет, что до такого дошло.

Сундук несут в часовню, плиты подняты: Анну положат рядом с братом Джорджем Болейном.

– При жизни они делили ложе, – говорит Брэндон, – весьма удобно, что теперь они делят гробницу. Посмотрим, как они будут любиться там.

– Идемте, господин секретарь, – говорит комендант Тауэра. – Предлагаю легкий завтрак, если вы окажете мне честь. Все мы сегодня встали ни свет ни заря.

– Вы можете есть, сэр? – Его сын Грегори сегодня впервые видел смерть.

– Мы должны трудиться, чтобы есть, и есть, чтобы трудиться, – говорит Кингстон. – Зачем королю слуги, которые из-за мыслей о куске хлеба не могут сосредоточиться?

– Сосредоточиться, – повторяет Грегори.

Недавно сына послали учиться искусству риторики, и, хотя Грегори еще не овладел приемами красноречия, он стал внимательнее к отдельно взятым словам. Иногда кажется, будто он выстраивает их в ряд, чтобы рассмотреть, иногда – тычет в них палкой, а порой – от этого сравнения невозможно удержаться – подбирается к ним, крутя хвостом, словно пес, обнюхивающий какашки других собак.

– Сэр Уильям, а бывало раньше, чтобы английскую королеву казнили? – спрашивает Грегори коменданта.

– Насколько я знаю, нет, – отвечает комендант. – Во всяком случае, юноша, при мне такого не случилось.

– Это заметно, – говорит он, Кромвель. – Так все ваши промахи последних дней просто из-за отсутствия опыта? Вы не способны с первого раза что-нибудь сделать правильно?

Кингстон залиvisto смеется. Вероятно, думает, что он пошутил.

– Видите, милорд Суффолк, – обращается комендант к Чарльзу Брэндону, – Кромвель считает, мне не мешает набраться опыта в отрубании голов.

Этого я не говорил, думает он, а вслух произносит:

– Сундук для стрел был удачной находкой.

– Я бросил бы ее в навозную кучу, – откликается Брэндон. – А под ней закопал бы ее братца. И заставил бы их отца смотреть. О чем вы только думали, Кромвель? Зачем оставили его в живых? От него одни неприятности.

Он гневно оборачивается к герцогу, впрочем зачастую его гнев притворный.

– Милорд Суффолк, вам часто случалось оскорблять короля и после на коленях умолять о прощении. И, зная вас, не сомневаюсь, что на этом вы не остановитесь. Так что же? Вам нужен король, которому неведомо милосердие? Если вы, как утверждаете, любите короля, подумайте о его душе. Однажды он предстанет перед Господом и ответит за каждого подданного. Если я говорю, что Томас Болейн не опасен для государства, значит не опасен. И если я говорю, что он будет жить в мире и покое, то так тому и быть.

Гуляющие придворные поглядывают на них: Суффолк, с огромной бородой, сверкающие глаза, мощная грудь, и государственный секретарь, одетый неярко, приземистый, в теле. Придворные с опаской обходят ссорящихся, удаляясь судачить в дальний конец лужайки.

– Господи помилуй! – говорит Брэндон. – Вы решили преподать мне урок? Мне, пэру королевства? Вы, оттуда, откуда вы взялись?

– Я стою там, куда меня поставил король. И если я намерен преподать вам урок, вам придется его усвоить.

Он, Кромвель, думает, остановись, что ты творишь? Обычно он сама учтивость. Но если смолчать у эшафота, то где тогда говорить правду?

Он косится на сына. С коронации Анны прошло три года без одного месяца. Некоторые из нас стали мудрее, другие – выше. Грегори, когда он велел ему присутствовать на казни, сказал, что не сможет: «Она женщина, я не выдержу». Однако мальчик следил за лицом и речами. Всякий раз, когда ты будешь среди людей, учил он Грегори, знай, они оценивают тебя, прикидывают, достоин ли встать рядом со мной на королевской службе.

Они отступают, чтобы отвесить поклоны герцогу Ричмондскому, Генри Фицрою, королевскому бастарду. Это красивый юноша, унаследовавший от отца тонкую розоватую кожу и рыжие волосы: нежное растеньице, гибкий, как тростинка, ему еще предстоит вытянуться и возмужать. С высоты своего роста Ричмонд нависает над ними.

– Господин секретарь? Этим утром Англия стала лучше.

Грегори спрашивает:

– Милорд, вы тоже не встали на колени. Почему?

Ричмонд вспыхивает. Он понимает, что не прав, и, как его отец, не умеет это скрыть, но, как отец, готов с пеной у рта отстаивать свою неправоту.

– Я не хочу быть лицемером, Грегори. Милорд отец сказал мне, что Болейн хотела меня отравить. Хвасталась этим. Теперь ее nepотpeбствa разоблачены и она понесла заслуженное наказание.

– Вы не больны, милорд? – Слишком много вина вчера вечером, догадывается он: пили за будущее Ричмонда, не иначе.

– Просто устал. Мне нужно выспаться. Выбросить это зрелище из головы.

Грегори провожает Ричмонда глазами:

– Как вы думаете, он станет королем?

– Если станет, он тебя не забудет, – весело отвечает он.

– Он и так меня помнит, – говорит Грегори. – Я сболтнул лишнего?

– Иногда полезно говорить то, что у тебя на уме. В особых случаях. Даром тебе это не пройдет, но говорить все равно следует.

– Не думаю, что стану советником, – замечает Грегори. – Вряд ли я когда-нибудь это освою: открывать рот или молчать, смотреть или отводить взгляд. Вы сказали, когда палач занесет меч, после чего она умрет, – так вот, когда он занесет меч, вы сказали, опустить голову и закрыть глаза. Но я наблюдал за вами – вы смотрели.

– А что мне оставалось? – Он берет сына за руку. – Иначе покойница приставила бы отрубленную голову на место, выхватила у палача меч и гнала бы меня до самого Уайтхолла. Может быть, она и мертва, думает он, но все еще способна меня погубить.

Завтрак. Пшеничные булочки из лучшей муки, кружащее голову крепкое вино. Герцог Норфолк, дядя покойной, кивает ему:

– Не всякий труп влезет в сундук для стрел, другому пришлось бы руки отрубить. Вы не думаете, что Кингстон сдает?

Грегори удивлен:

– Сэр Уильям не старше вас, милорд.

Раздается гогот:

– Считаешь, шестидесятилетних надо, как старых лошадей, ссылат в деревню щипать траву?

– Грегори считает, из них давно пора варить клей. – Он обнимает сына за плечи. – И скоро сварит его из собственного отца.

– Но вы гораздо моложе милорда Норфолка. – Грегори оборачивается к герцогу, подробно объясняет: – Мой отец здоровяк, если не считать лихорадки, которую он подхватил в Италии. Да, он работает от зари до зари, но работа еще никого не сводила в могилу, как он любит повторять. Врачи говорят, его не свалишь с ног пушечным ядром.

Те, кто присутствовал на казни, своими глазами видели, что с прежней королевой покончено, и теперь теснятся в открытых дверях. Городские чиновники, отпихивая друг друга, спешат перемолвиться с ним словечком. У всех на устах один вопрос: господин секретарь, когда мы увидим новую королеву? Когда Джейн удостоит нас чести ее лицезреть? Проедет ли она по городу верхом или проплывет на королевской барке? Какой герб выберет, какой девиз? Когда нам усадить художников и мастеров за работу? Скоро ли коронация? Какой подарок придется ей по душе, как угодить будущей королеве?

– Мешок с деньгами будет всегда кстати, – отвечает он. – Вряд ли она покажется на публике до свадьбы, но ждать осталось недолго. Она по-старомодному набожна, поэтому стяги и расписные ткани с изображением ангелов, святых и Девы Марии придутся ей по вкусу.

– Придется поискать, что у нас залежалось со времен Екатерины, – говорит лорд-мэр.

– Весьма благоразумно, сэр Джон, к тому же сэкономит городскую казну.

– У нас есть триптих с житием святой Вероники, – замечает престарелый член гильдии. – На первой доске плачущая святая стоит на пути к Голгофе, а Христос несет мимо свой крест. На второй...

– Разумеется, – бормочет он.

– ...на второй святая вытирает лицо Спасителя, на третьей держит окровавленный плат, на котором проступает образ Христа, запечатленный Его драгоценной кровью.

– Моя жена заметила, – говорит комендант Кингстон, – что утром дама вместо обычного своего чепца надела головной убор по образцу тех, которые носила покойная Екатерина. Жена задумалась, что бы это значило.

Возможно, то был знак уважения умирающей королевы королеве умершей. Этим утром они встретятся в иной стране, им будет о чем поговорить.

– Если бы моя племянница подражала Екатерине в скромности, кротости и покорности, – говорит Норфолк, – то сберегла бы голову на плечах.

Грегори от изумления пятится, врезаясь в лорд-мэра:

– Но, милорд, Екатерина не была покорной! Она годами отказывалась подчиниться королю, который велел ей отступить и дать ему развод! Разве вы не сами ездили убеждать ее, а она заперлась у себя в комнате, и вы все Святки кричали ей через дверь?

– Вы перепутали меня с милордом Суффолком, – бросает герцог. – Еще один бесполезный старый дурень, так, Грегори? Чарльз Брэндон – это великан с большой бородой, а я жилистый старикан с дурным нравом. Видите разницу?

– Ах да, припоминаю, – говорит Грегори. – Эта история так прищлась по душе моему отцу, что мы сделали из нее пьесу, которую поставили в Двенадцатую ночь. Моему кузену Ричарду, который изображал милорда Суффолка, приделали кудельную бороду до пояса, а мастер Рейф Сэдлер, натянув юбку, честил герцога по-испански. Отцу досталась роль двери.

– Жаль, я не видел. – Норфолк трет кончик носа. – Нет-нет, Грегори, я не шучу. – Они с Чарльзом Брэндонем давние соперники и радуются промахам друг друга. – Интересно, что вы поставите на следующее Рождество?

Грегори открывает рот и снова закрывает. Будущее – чистый белый лист. Он, Кромвель, спешит вмешаться, пока сын не начал этот лист заполнять:

– Джентльмены, могу поведать вам, какой девиз избрала новая королева. «Повиноваться и служить».

Гости пробуют слова на вкус.

Брэндон хохочет:

– Лучше подстелить соломки, не так ли?

– Совершенно согласен. – Норфолк опрокидывает мадеру. – Отныне, кто бы ни вздумал перечить Генриху, это будет не Томас Говард.

Он тычет себя пальцем в грудь, словно иначе его не поймут. Затем хлопает государственного секретаря по плечу, всем видом подчеркивая доброе расположение:

– И что теперь, Кромвель?

Не обманывайтесь. Дядюшка Норфолк нам не товарищ, не союзник и не друг. Он хлопает нас, чтобы оценить нашу твердость. Оглядывает бычью шею Кромвеля, примеряется, какой клинок подойдет.

В десять они оставляют честную компанию. Снаружи солнечные лучи пятнают траву. Он шагает в тень, его племянник Ричард Кромвель рядом.

– Надо бы навестить Уайетта.

– Все хорошо, сэр?

– Лучше не бывает, – отвечает он честно.

Именно Ричард несколько дней назад привел Томаса Уайетта в Тауэр, не применяя силу, не зовя стражников. Словно пригласил на прогулку по берегу реки. Ричард наказал относиться к узнику со всевозможным почтением, поместить его в удобную камеру в надвратной башне: туда и ведет их надзиратель Мартин.

– Как заключенный?

Словно речь идет не об Уайетте, а о простом узнике, до которого ему не больше дела, чем до любого другого.

Мартин отвечает:

– По-моему, сэр, он никак не может забыть тех пятерых джентльменов, что третьего дня лишились голов.

Мартин произносит это небрежно, будто потерять голову все равно что шляпу.

– Мастер Уайетт удивляется, почему его не было среди них, – продолжает Мартин. – А еще он все время ходит, сэр. Потом садится, на столе бумага. Кажется, будто собирается писать, но нет. Не спит. Глухой ночью требует света. Подвигает к столу табурет, очиняет перо. Шесть утра, светло как днем, ты приносишь ему хлеб и эль, он сидит перед чистым листом, а свеча горит. Только добру перевод.

– Приноси ему свечи. Я оплачу.

– Хотя должен признать, он настоящий джентльмен. Не такой гордец, как те, другие. Генри Норриса называли Добрый Норрис, но с нами обращался как с собаками. Истинного джентльмена по тому и видно, что он учтив даже в дни испытаний.

– Я запомню, Мартин, – говорит он серьезно. – Как поживает моя крестница?

– Ей уже два, можете поверить?

В ту неделю, когда родилась дочь Мартина, он навещал в Тауэре Томаса Мора. То было самое начало их поединка; он еще надеялся, что Мор уступит королю и спасет свою жизнь. «Будете крестным?» – спросил его Мартин. Он выбрал имя Грейс, так звали его умершую младшую дочь.

Мартин говорит:

– Мы не можем присматривать за узником каждую минуту. Боюсь, мастер Уайетт наложит на себя руки.

Ричард смеется:

– Мартин, неужто среди твоих подопечных не было поэтов? Любителей тяжело вздыхать, а если молиться, то непременно в рифму? Поэт подвержен меланхолии, но, уверяю тебя, способен позаботиться о себе не хуже прочих. Ему нужны пища и питье, а если у него что-нибудь заболит или кольнет, ты об этом услышишь.

– Уайетт пишет сонет, когда ушибет палец на ноге, – замечает он.

– Поэты благоденствуют, – подхватывает Ричард, – а вся боль достается их друзьям.

Мартин сообщает узнику об их прибытии легким стуком в дверь, словно за ней покоит знатного лорда.

– Посетители, мастер Уайетт.

В комнате танцуют солнечные блики, молодой человек сидит за столом в луче света.

– Отодвиньтесь, Уайетт, – говорит Ричард. – Солнце падает вам прямо на лысину.

Он забывает, как груба молодость. Когда король спрашивает: «Я лысею, Сухарь?» – он отвечает: «Форма головы вашего величества восхитит любого живописца».

Уайетт проводит ладонью по редким светлым волосам:

– Выпадают, не успеешь оглянуться, Ричард. К моим сорока ни одна женщина на меня и не взглянет, если только не вздумает проломить мне череп ложечкой для яйца.

Каждую минуту Уайетт готов расплакаться или расхохотаться, но ни смех, ни слезы не имеют значения. Еще живой, когда пятеро казнены, живой и не перестающий этому изумляться, он трепещет на грани нестерпимой боли, словно человек, который подвешен на крюке и упирается в пол лишь пальцами ног. Он, Кромвель, слышал о таком способе допроса, но не имел надобности к нему прибегать. Заводите руки узнику за спину и подвешиваете его на потолочной балке. Вес тела удерживает лишь эта крохотная точка опоры. Если узник шевельнется или если выбить из-под него ноги, он повиснет на руках и вывихнет оба плеча. Хотя это лишнее, незачем никого калечить, пусть болтается в воздухе, пока не удовлетворит ваше любопытство.

– В любом случае мы уже позавтракали, – говорит он. – Комендант Кингстон такой рас-тяпа, что мы боялись, как бы он не угостил нас заплесневелым хлебом.

– Он не привык, – говорит Уайетт. – Отрубить голову английской королеве и пяти ее любовникам. Такое выпадает не каждую неделю.

Он раскачивается, раскачивается на крюке, вот-вот оступится и завопит.

– Итак, все кончено? Иначе бы вас здесь не было.

Ричард пересекает комнату, склоняется над затылком Уайетта, треплет его по плечу, твердо и по-дружески, словно хозяин любимого пса. Уайетт неподвижен, лицо в ладонях. Ричард поднимает глаза: сами скажете, сэръ?

Он наклоняет голову: говори ты.

– Она храбро встретила смерть, – произносит Ричард. – Говорила мало и по делу, просила прощения, благодарила короля за милосердие и не пыталась оправдаться.

Уайетт поднимает голову, в глазах изумление.

– Она никого не обвиняла?

– Не ей обвинять кого бы то ни было, – мягко замечает Ричард.

– Но вы же знаете Анну. У нее было здесь время подумать. Должно быть, она спрашивала себя, – его голубые глаза косятся в сторону, – почему я здесь, где свидетельства против меня? Наверняка она молилась за пятерых казненных и недоумевала, почему среди них нет Уайетта?

– Вряд ли она обрадовалась бы, увидев вашу голову на плахе, – говорит он. – Знаю, любви между вами не осталось, знаю, насколько злобный был у нее нрав, но едва ли она желала увеличить число мужчин, которых погубила.

– Не уверен, – говорит Уайетт. – Возможно, она сочла бы это справедливостью.

Ему хочется, чтобы Ричард наклонился и зажал Уайетту рот.

– Том Уайетт, – говорит он, – покончим с этим. Возможно, вы чувствуете, что исповедь облегчит душу. Коли так, пошлите за священником, скажите, что должны, получите отпущение грехов и заплатите ему за молчание. Но, бога ради, не исповедуйтесь мне. – Он мягко добавляет: – Вы сделали то, что трудно было сделать. Вы сказали то, что должны были сказать. Но больше ни слова.

– Иначе платить придется нам, – говорит Ричард. – Ради вас мой дядя прошел по лезвию ножа. Подозрения короля были настолько сильны, что никто другой не сумел бы их развеять, и, если бы не мой дядя, король казнил бы вас вместе с остальными. А к тому же, – Ричард поднимает глаза, – сэр, можно ему сказать? Суд не нуждался в показаниях, которые вы нам дали. Ваше имя не упоминалось. Ее брат сам себя осудил, открыто насмехаясь над королем и утверждая перед лицом судей, что, несмотря на всю похвальбу, Генрих не способен удовлетворить женщину.

– Именно так, – говорит он, глядя в потрясенное лицо узника, – чего вы хотели от Джорджа Болейна? А мне пришлось терпеть этого глупца годами.

– А жена Джорджа, – продолжает Ричард, – оставила письменное признание, в котором утверждает, что видела, как ее муж целовал свою сестру и его язык был у нее во рту, а также, что они часто запирались вдвоем и проводили вместе часы.

Уайетт отодвигает табурет от стола, подставляет лицо свету, и солнечные лучи стирают с него всякое выражение.

– Фрейлины Анны, – продолжает Ричард, – тоже свидетельствовали против нее. Рассказали обо всех этих хождениях в темноте. Так что обошлись без вашей помощи. Они сообщили, что это продолжалось целых два года, если не больше.

Господи, думает он, довольно. Вынимает из-за пазухи стопку сложенных листов, бросает на стол:

– Это ваши показания. Сами уничтожьте или доверите мне?

– Сам, – говорит Уайетт.

Он до сих пор мне не доверяет. Господь свидетель, думает он, я всегда был с ним честен. Всю неделю, час за часом, он торговался за жизнь Уайетта. В обмен предлагал Генриху свидетельства узника о прелюбодеяниях королевы. Прелюбодействовал ли с ней сам Уайетт – об этом он не спрашивал и никогда не спросит. Короля заверил, что нет, впрочем без лишних слов. Если он ввел Генриха в заблуждение, лучше об этом не знать.

– Я обещал вашему отцу за вами присмотреть. Я исполнил обещание.

– Премного обязан.

Снаружи красные коршуны чертят небо над Тауэром. Король решил не выставлять на всеобщее обозрение головы Аннинных любовников. Если придется ехать по Лондонскому мосту

с новой женой, его город должен быть чист и прибран. Коршунов лишили добычи; неудивительно, замечает он Ричарду, что они кружат над Томом Уайеттом.

Ричард говорит:

– Сами видите. Достойный человек. Даже тюремщики от него без ума. Ночной горшок и тот в восторге, что Уайетт до него снисходит.

– Мартин пытался обиняками вызнать, что его ждет.

– Ага, – говорит Ричард. – Еще привяжешься к нему ненароком. И что потом?

– Здесь он пока в безопасности.

– Аресты прекратятся? Уайетт был последним?

– Да.

– Значит, с этим покончено?

– Покончено? Нет.

Сейчас Томасу Кромвелю пятьдесят. Те же быстрые глазки, то же непробиваемое коренное тело, то же расписание дня. Его дом там, где он просыпается: в архивах на Чансери-лейн, в его городском доме в Остин-фрайарз, с королем в Уайтхолле или в любом из тех мест, где случится заночевать Генриху. Встает в пять, читает молитвы, совершает омовение, завтракает. В шесть принимает посетителей, рядом с ним его племянник Ричард Кромвель. Барка государственного секретаря доставляет его вверх или вниз по реке в Гринвич, в Хэмптон-корт, на монетный двор или в арсенал Тауэра. Хотя он до сих пор простолюдин, большинство согласится, что Кромвель – второй человек в Англии. Он викарий короля по делам церкви. У него есть право вмешиваться в работу любого ведомства, любого департамента королевского двора. Он держит в голове английские законы, псалмы и пророков, колонки королевских бухгалтерских книг, а также родословную, размер владений и доход каждого влиятельного англичанина. Он знаменит своей памятью, и король любит его проверять, вытаскивая на свет подробности забытых судебных дел двадцатилетней давности. Иногда он крошит пальцами сухие стебли розмарина или руты, чтобы запах пробудил воспоминания. Однако всем известно, это для вида. Он не помнит только того, чего никогда не знал.

Его главная обязанность (в настоящее время) избавлять короля от старых жен и снабжать новыми. Дни его длинны и наполнены трудами, всегда найдутся законы, которые следует написать, или послы, которых следует улестить и ввести в заблуждение. Он трудится при свече летними сумерками и зимними закатами, когда темнеет в три пополудни. Даже его ночи ему не принадлежат. Часто он спит в соседней с королем комнате, и Генрих будит его среди ночи, чтобы допросить о поступлениях в казну, или просит истолковать сон.

Иногда Кромвелю приходит в голову, что ему следует жениться, – уже семь лет, как он потерял Элизабет и дочерей. Но какая женщина смиритса с его образом жизни?

Дома его встречает Рейф Сэдлер. При виде хозяина он стягивает шляпу:

– Сэр?

– Все позади.

Рейф ждет, не сводит глаз с его лица.

– Рассказывать нечего. Достойный конец. Король?

– Мы почти его не видели. Бродил между часовней и спальней, говорил со своим капелланом. – Рейф теперь доверенное лицо Генриха, у короля на посылках. – Я решил зайти на случай, если вы захотите что-нибудь ему передать.

На словах. То, что нельзя доверить чернилам. Он задумывается. Что можно сказать мужчине, который только что убил жену?

– Ничего. Ступай домой к жене.

– Хелен будет рада узнать, что несчастья дамы остались позади.

Он удивлен:

– Хелен же ее не жалеет?

Рейф смущен:

– Она считает Анну защитницей евангельской веры, которая, как вы знаете, близка сердцу моей жены.

– Ах да, – говорит он, – но я сумею защитить ее лучше.

– И потом, все женщины сочувствуют, когда что-то случается с их сестрой. Они жалостливее нас, и без их жалости наш мир стал бы суровее.

– Анна не заслуживает жалости, – говорит он. – Ты не рассказывал Хелен, что она угрожала отрубить мне голову? И, как нам известно, хотела укоротить жизнь короля.

– Да, сэр, – отвечает Рейф, словно успокаивая его. – Это подтвердили в суде, верно? Однако Хелен спросит – простите меня, естественный вопрос для женщины, – что станет с дочерью Анны Болейн? Король от нее отречется? Он не может быть уверен, что она его дочь, но и в противоположном не может быть уверен...

– Теперь это не важно, – говорит он. – Даже если Элиза – дочь Генриха, она все равно незаконнорожденная. Как мы теперь знаем, его брак с Анной никогда не был законным.

Рейф чешет макушку, отчего его рыжие волосы встают хохолком.

– Выходит, если его брак с Екатериной также незаконен, король ни разу не был женат. Дважды был молодоженом, но не мужем – такое когда-нибудь случалось с королями? Может быть, в Ветхом Завете? Дай Бог, чтобы мистрис Сеймур не оплошала и подарила ему сына. Нам без наследника никак. Дочь короля от Екатерины незаконнорожденная. Как и дочь Анны. Остается его сын Ричмонд, который всегда был бастардом. – Рейф нахлобучивает шляпу. – Пошел я домой.

Рейф выскальзывает за дверь, оставляя ее открытой.

– До завтра, сэр, – доносится с лестницы.

Он встает, запирается, но у двери медлит, рука застыла на деревянной панели. Рейф вырос в доме, и ему недостает его постоянного присутствия – у Рейфа собственный дом, семья и новые обязанности при дворе. Он помогает карьере Рейфа, который для него все равно что сын, почтительный, не знающий усталости, заботливый, и – что немаловажно – Рейфа любит и ему доверяет король.

Он садится за стол. На дворе еще май, а уже две английские королевы отправились на тот свет. Перед ним письмо Эсташа Шапюи, императорского посла, хотя предназначено письмо не ему, а новости, в нем изложенные, не первой свежести. Посол использует новый шифр, но, вероятно, его можно прочесть. Должно быть, ликует, сообщая императору Карлу, что конкубина доживает последние часы.

Он трудится над письмом, пока не начинает различать имена, включая собственное, затем обращается к иным заботам, оставляя письмо мастеру Ризли, королю дешифровщиков.

Когда колокола бьют к вечерне, он слышит, как внизу мастер Ризли смеется с Грегори.

– Поднимайтесь, Зовите-меня! – кричит он, и молодой человек, прыгая через две ступени, взлетает по лестнице и размашистым шагом входит, в руке письмо.

– Из Франции, сэр, от епископа Гардинера.

Письмо предусмотрительно вскрыто, чтобы ему не трудиться самому.

Зовите-меня-Ризли? Эта шутка из тех времен, когда Том Уайетт был кудряв, Екатерина была королевой, Томас Вулси правил Англией, а он, Томас Кромвель, еще спал по ночам. Зовите-меня однажды вбежал в Остин-фрайарз – изящный юноша, деятельный, нервный, как заяц. Мы оценили его дублет с разрезами, шляпу с пером и сверкающий кинжал на поясе. Как же мы смеялись. Он был обходителен, схватывал на лету, любил поспорить и ждал, что им будут восхищаться. В Кембридже Стивен Гардинер был его наставником и многому его

научил, но епископу не хватало терпения, в котором нуждался Зовите-меня. Он хотел, чтобы его слушали, хотел делиться своими мыслями; по-заячьи настороженный, чего-то недопонимая, что-то угадывая, вечно натянутый как струна.

– Гардинер сообщает, что французский двор бурлит, сэр. Ходят слухи, что у королевы была сотня любовников. Король Франциск веселится от души.

– Еще бы.

– Вот Гардинер и спрашивает, что ему, как английскому послу, отвечать?

Французское воображение живо дорисует подробности, которые упускает Стивен: чем занималась покойная королева, с кем, сколько раз и в каких позах.

– Нехорошо давшему обет безбрачия смущать свой ум подобным, – говорит он. – Наш долг, мастер Ризли, уберечь епископа от греха.

Ризли встречает его взгляд и хохочет. Пребывая вдали от Англии, Гардинер ждет, что Зовите-меня будет снабжать его самыми подробными сведениями. Учитель вправе рассчитывать на благодарность ученика. У Ризли есть должность, он хранитель личной королевской печати. Есть доход, красавица-жена, расположение короля. В настоящую минуту он владеет вниманием государственного секретаря.

– Грегори выглядит довольным, – замечает Ризли.

– Грегори рад, что все позади. Он никогда такого не видел. Впрочем, никто из нас не видел.

– Наш бедный государь, – говорит Зовите-меня. – Его добротой воспользовались. Ни один мужчина не страдал так, как страдал он. Две такие жены, как принцесса Арагонская и Анна Болейн! Такие острые языки, такие порочные сердца. – Он присаживается на краешек табурета. – Двор бурлит. Все хотят знать, конец ли это. И что вам сказал Уайетт без протокола.

– Пусть себе бурлит.

– Спрашивают, будут ли еще аресты.

– Неизвестно.

Ризли улыбается:

– Это вы решаете.

– Не знаю.

Он чувствует усталость. Семь лет король добивался Анны. Три года правления, три недели, чтобы довести дело до суда, три удара сердца, чтобы все завершить. Три удара его сердца – не только ее. И это цена, о которой не следует забывать.

– Сэр, – Зовите-меня подается вперед, – пора заняться герцогом Норфолком. Внушите королю сомнения в его преданности. Сделайте это сейчас, пока герцог в опале. Другого случая может не представиться.

– Сегодня утром герцог был со мной на редкость любезен. Учитывая, что мы погубили его племянницу.

– Томас Говард равно любезен с врагами и с друзьями.

– Верно.

Герцогиня Норфолкская, которую герцог бросил, отзывается о нем теми же словами, если не хуже.

– Теперь, – говорит Зовите-меня, – когда Анна и его племянник Джордж опозорены, самое время герцогу со стыдом удалиться в свои владения.

– Стыд и дядюшка Норфолк несовместимы.

– Я слышал, он требует объявить Ричмонда наследником. Герцог рассуждает так: если мой зять станет королем, а моя дочь сядет на трон рядом с ним, вся Англия будет под пятой Говарда. Говорит: «Раз все трое детей Генриха теперь незаконные, почему бы не выбрать Ричмонда? По крайней мере, он может сидеть на лошади и держать меч, это не хворающая карлица леди Мария и не Элиза, которая так мала, что способна обкакаться на публике».

Он говорит:

– Не сомневаюсь, Ричмонд стал бы отличным королем, но мысль о пяте Говарда невыносима.

Взгляд мастера Ризли останавливается на нем:

– Друзья леди Марии хотят вернуть ее ко двору. Они рассчитывают, что парламент, когда соберется, провозгласит ее наследницей. И они ждут, что вы исполните свои обещания. Обратите сердце короля к дочери.

– Ждут? – переспрашивает он. – Вы меня удивляете. Если я что-нибудь кому-нибудь обещал, то не им.

Зовите-меня пугается:

– Сэр, старые семейства – ваши союзники, они помогли вам сбросить Болейнов. Они ждут благодарности. Они старались не для того, чтобы Ричмонд стал королем, а Норфолк захватил власть.

– Стало быть, мне придется выбирать? – спрашивает он. – Из ваших слов следует, что обе стороны сцепятся между собой и в этой войне уцелеют либо друзья леди Марии, либо Норфолк. А вы не задумывались, что, кто бы ни одержал верх, первым делом он расправится со мной?

Дверь открывается. Зовите-меня вздрагивает. Входит Ричард Кромвель:

– А вы кого ждали, Зовите-меня? Епископа Винчестерского?

Вообразите Гардинера в дверях в легком дуновении серы, он бьет раздвоенными копытами, опрокидывая чернильницу. Вообразите слюну, что стекает у него по подбородку, когда он вскрывает сундуки и роется в бумагах, вращая злобным глазом.

– Письмо от Николаса Кэрю, – говорит Ричард.

– А я вас предупреждал, – произносит Зовите-меня. – Люди Марии. Уже.

– Кстати, – замечает Ричард, – кошка снова сбежала.

С письмом в руке он спешит к окну:

– Где она?

Зовите-меня позади него:

– Какая кошка?

Он ломает печать:

– Вон там, на дереве!

Он опускает глаза к письму. Сэр Николас просит о встрече.

– И это кошка? – удивляется Зовите-меня. – Это полосатое чудище?

– Она приехала в ящике из Дамаска. Я купил ее у итальянского торговца, и вы не поверите, сколько я ему заплатил. Кошка не должна выходить за порог, иначе загуляет с лондонскими котами. Мне следует подыскать ей полосатого мужа. – Он открывает окно. – Кристоф, она на дереве!

Кэрю предлагает собрать представителей старых династий: Куртенэ во главе с маркизом Эксетерским и Полей, которых будет представлять лорд Монтегю. Как потомки короля Эдуарда и его братьев, они ближе всех стоят к трону. Они якобы защищают интересы королевской дочери Марии. Если им не суждено самим управлять Англией, как раньше Плантагенетам, они надеются управлять ею через королевскую дочь. Предмет их восхищения – ее родословная, кровь, унаследованная от испанской матери. Печальная малышка Мария волнует их куда меньше. И я не премину намекнуть ей об этом при встрече, думает он. Ее судьбу нельзя доверять людям, грезящим о прошлом.

Кэрю, Куртенэ, Поли – все как один паписты. Кэрю – старый боевой товарищ Генриха, но также друг королевы Екатерины. Невозможное сочетание для нынешних времен. Воображает себя образцом благородства и любимцем фортуны. Для Кэрю, Куртенэ, Полей и их сторонников Болейны были грубым промахом, ошибкой, которую исправил палач. Разумеется,

Томаса Кромвеля также не мешает подправить, низведя до писаря, ему не привыкать к низкому положению – пусть добывает нам деньги, но много на себя не берет. Раб, которого можно растоптать на пути к грядущему величию.

– Зовите-меня прав, – обращается он к Ричарду. – Сэру Николасу не мешало бы умерить спесь. – Он поднимает письмо. – Эти люди ждут, что я прибегу к ним по свистку.

– Они ждут, что вы станете им служить, – говорит Ризли. – Иначе они вас раздавят.

Под окном толпится вся молодежь Остин-фрайарз, повара, писари, мальчики на побегушках.

– Кажется, мой сын лишился разума. Грегори, – говорит он в окно, – кошку сетью не поймает. Она тебя заметила, отойди от дерева.

– Посмотрите, Кристоф трясет дерево, – говорит Ричард. – Недоумок.

– Прислушайтесь к моим словам, сэр, – умоляет Зовите-меня. – Не далее как на прошлой неделе...

– Ничего удивительного, – обращается он к Ричарду, – что кошка сбежала. Устала от воздержания. Хочет найти своего принца. Так что там случилось на прошлой неделе?

– Я слышал разговор о кардинале. Смотрите, Кромвелю хватило двух лет, чтобы отомстить врагам Вулси. Томас Мор мертв. Королева Анна мертва. Те, кто оскорблял кардинала, – Брертон, Норрис – хотя Норрис был не худшим...

Норрис, думает он, никогда не сказал кардиналу плохого слова в лицо. Только за глаза. Паразит и захребетник ваш Добрый Норрис, лицемер.

– Если бы я хотел отомстить за Вулси, – говорит он, – мне пришлось бы расправиться с половиной королевства.

– Я только передаю, что болтают люди.

– Наконец-то Дик Персер, – говорит Ричард, высываясь из окна. – Сними ее оттуда, малый, пока не стемнело.

– Они спрашивают себя, – продолжает Ризли, – кто главный враг кардинала? И отвечают: король. Как отомстит Томас Кромвель королю, своему правителю и властелину, когда представится возможность?

В темнеющем саду ловцы кошки воздели руки, словно молятся на луну. Различить смутный силуэт на дереве способен лишь зоркий глаз, кошка почти слилась с веткой, на которой лежит, свесив лапы. Он вспоминает Марлинспайка, кардинальского кота, которого принес в Остин-фрайарз, когда тот уместился в кармане. Марлинспайк вырос и сбежал на поиски кошачьего счастья.

Я выше этого, думает он: этого дня, этого меркнувшего света, этих силков. Я та кошка из Дамаска. Мне пришлось так долго сюда добираться, что меня на моей ветке ничто не испугает и не смутит.

И все-таки вопрос Ризли свербит в голове, просачиваясь в мозг, словно прохладный ручеек по стене подвала. Он в смятении: во-первых, тем, что такой вопрос задан. Во-вторых, тем, кто мог его задать. И в-третьих, он не знает ответа.

Ричард оборачивается от окна:

– Что говорит Кристоф, сэр?

Он переводит: аргы мальчишки не просто понять.

– Кристоф клянется, что во Франции они всегда ловили котом сетью, даже малые дети, и, если к нему прислушаются, он покажет, как это делается. – Он обращается к Ризли: – Вопрос...

– Только не обижайтесь...

– ...исходит от Гардинера?

– Потому что, кроме этого чертова паскудника, епископа Винчестерского, кто мог такое сказать? – подхватывает Ричард.

Зовите-меня отвечает:

– Когда я передаю слова Винчестера, я только передаю его слова. Я не говорю ни за него, ни в его пользу.

– Хорошо, – говорит Ричард, – потому что иначе я оторву тебе башку и зашвырну на дерево, к кошке.

– Ричард, поверьте, я не сторонник епископа. Иначе я был бы с ним в составе посольства, а не с вами здесь. – На глаза Ризли набегают слезы. – Я пытаюсь образумить господина секретаря, а вам бы только возиться с кошкой да угрожать мне. Вы заставляете меня продираться через тернии.

– Я вижу ваши раны, – говорит он мягко. – Когда будете писать Стивену Гардинеру, скажите, что ради него я пороюсь среди трофеев. Джордж Болейн получал от Винчестерской епархии две сотни фунтов в год. Для начала вернем епископу эти деньги.

Едва ли это смягчит Гардинера, думает он. Всего лишь демонстрация добрых намерений разочарованному человеку. Стивен так надеялся, что падение Анны увлечет на дно и его, Кромвеля.

– Вы упомянули о врагах кардинала, – говорит Ричард. – Я бы причислил к ним епископа Гардинера. Однако он ведь не пострадал?

– Он считает, что пострадал, – говорит Ризли. – Был доверенным лицом кардинала, пока мастер Кромвель его не оттеснил. Королевским секретарем, пока мастер Кромвель не отнял у него пост. Король удалил его от двора, и он думает, это происки мастера Кромвеля.

Верно, все так и есть. Гардинер знает, как навредить, даже из Франции. Знает, как расчесать кожу и впрыснуть отраву.

– Мысль, что я затаил злобу против моего государя, не что иное, как измышления больного епископского разума. Что у меня есть, кроме того, что мне даровал Генрих? Кто я без него? Все мои упования только на короля.

Ризли спрашивает:

– Но вы напишете Николасу Кэрю? Вы готовы с ним встретиться? Мне кажется, это необходимо.

– Чтобы его успокоить? – спрашивает Ричард. – Нет. – Закрывает окно. – Ставлю на Персера.

– А я на кошку.

Он воображает, каким кажется кошке мир сверху: сквозь призму громадного глаза руки возбужденных людей раскручиваются, словно ленты, маня во тьме. Возможно, она думает, что они на нее молятся. Или решила, что добралась до звезд. Возможно, тьма расступается перед ней вспышками и пятнами света, крыши и фронтоны кажутся тенями на воде. И когда она всматривается в сеть, то видит не ее, а просветы между ячейками.

– По-моему, следует выпить, – говорит он Ризли. – А еще зажечь свечи и камин. Пришлите Кристофа, когда вернется из сада. Пусть покажет нам, как у них во Франции разводят огонь. Возможно, мы сожжем письмо Кэрю, мастер Ризли, как думаете?

– Что я думаю? – Зовите-меня ощеривается почти как сам Гардинер. – Я думаю, что Норфолк против вас, епископ тоже, а теперь вы хотите настроить против себя старые семейства. Храни вас Господь, сэр. Вы мой хозяин, вам я служу и за вас молюсь. Но святые угодники! Вы же не думаете, будто эти люди свалили Болейнов, чтобы сделать вас хозяином положения?

– Думаем, – говорит Ричард. – Именно так мы и думаем. Возможно, это вышло случайно, но мы постараемся, чтобы так все и оставалось.

Как тверда рука Ричарда, когда он протягивает ему кубок. Как тверда его рука, когда он кубок принимает.

– Лорд Лайл прислал это вино из Кале, – говорит он.

– За гибель наших врагов, – говорит Ричард, – и удачу друзьям.

– Надеюсь, вы их различаете, – говорит Ризли.

– Зовите-меня, согрейте ваше бедное дрожащее сердце. – Он бросает взгляд на окно, замечает свое мутное отражение в стекле. – Можете написать Гардинеру, что скоро он получит деньги. А потом займитесь шифром.

Кто-то принес в сад факел. Слабое мерцание заполняет окна. Его тень в окне поднимает руку, наклоняет голову.

– Пейте за мое здоровье.

Ночью ему снится смерть Анны Болейн в виде триптиха. На первой доске он стоит и смотрит, как королева восходит на эшафот в своем тяжелом гейбле. На второй она в белом чепце преклоняет колени, а француз поднимает меч. На последней доске на ткани, в которую завернута отрубленная голова, проступает кровавый лик.

Он просыпается, когда ткань сдергивают. Если на ней запечатлелось лицо Анны, он все равно уже ничего не видит. Сегодня двадцатое мая тысяча пятьсот тридцать шестого года.

II

Спасение обломков

Лондон, лето 1536 г.

Где мой оранжевый джеркин? – спрашивает он. – У меня был оранжевый джеркин.

– Я его не видел, – отвечает Кристоф. Тон скептический, словно они рассуждают о комете.

– Я перестал носить его до того, как взял тебя в дом. Ты был за морем, украшал собой навозную кучу в Кале.

– Вы меня оскорбляете! – Кристоф возмущен. – А ведь именно я поймал кошку.

– Нет, не ты! – возражает Грегори. – Это был Дик Персер. Кристоф только стоял и улюлюкал. А теперь ждет благодарностей.

Его племянник Ричард говорит:

– Вы перестали носить его после падения кардинала. Не лежало сердце.

– Зато сегодня я бодр и весел. И не собираюсь предстать перед женихом с кислой миной.

– С нашим королем одежду нужно шить двухстороннюю, – замечает Кристоф. – Никогда не знаешь, будешь плясать или подыхать.

– Твой английский все свободнее, Кристоф, – замечает он.

– Этого не скажешь про ваш французский.

– Чего ты хотел от старого солдата? Слагать стихи на нем я не собираюсь.

– Зато ругаетесь вы отменно, – говорит Кристоф ободряюще. – Лучше всех, кого я знаю. Лучше моего папаша, который был вор не из последних и держал в страхе всю округу.

– Интересно, признал бы тебя отец? – спрашивает Ричард. – Таким, каким ты стал? Наполовину англичанином в ливрее моего дяди?

Кристоф поджимает губы:

– Его небось давно повесили.

– Ты жалеешь о нем?

– Плевал я на него.

– Не надо так говорить, – произносит он умиротворяюще. – Джеркин, Кристоф? Поищешь?

Грегори замечает:

– Последний раз, когда мы все вместе выходили из дома...

– Не надо, молчи, – перебивает его Ричард. – Даже не вспоминай.

– Понимаю, – соглашается Грегори. – Мои учителя внушили мне это с младых ногтей.

Не говорить об отрубленных головах на свадьбе.

Вообще-то, королевская свадьба состоялась вчера, маленькая приватная церемония. Сегодня депутаты верноподданных готовы поздравить новую королеву. Цвета его повседневной одежды – тусклые дорогие оттенки, которые итальянцы именуют *berettino*³: серо-коричневая палая листва Дня святой Цецилии, серо-сизый свет Рождественского поста. Однако сегодня повод обязывает. Изумленный Кристоф помогает ему облачиться в праздничное одеяние, когда вбегает Зовите-меня-Ризли.

– Я не опоздал? – Ризли пятится. – Сэр, вы собираетесь идти в этом?

– Разумеется! – Кристоф оскорблен. – А вас никто не спрашивает.

– Я только хотел напомнить, что темно-желтый носили люди кардинала, и если это напомнит королю... ему может не понравиться такое напоминание... – Зовите-меня запинается. Вче-

---

³ Пепельный, серый (*ит.*).

рашней разговор словно пятно на его собственном джеркине, которое он не может стереть. – Хотя, конечно, ему может понравиться, – добавляет он смиренно.

– Если ему не понравится, он велит мне снять джеркин с плеч. Главное, чтоб не голову.

Зовите-меня вздрагивает. Он очень чувствителен, даже для рыжеволосого. Когда они выходят на солнце, Ризли съезживается.

– Зовите-меня, – говорит Грегори, – вы знаете, что Дик Персер забрался на дерево и снял кошку. Отец, разве ему не положена прибавка к жалованью?

Кристоф что-то бормочет. Похоже на «еретик».

– Что? – спрашивает он.

– Дик Персер – еретик, – говорит Кристоф. – Он верит, что облатка всего лишь хлеб.

– Как и мы! – восклицает Грегори. – Безусловно... хотя... – Сомнения отражаются на его лице.

– Грегори, – говорит Ричард, – мы ждем от тебя меньше теологии и больше развязности. Тебе предстоит встреча с новыми королевскими братьями – сегодня Сеймуры в фаворе. Если Джейн подарит королю сына, они еще больше возвысятся, Нед и Том. Но будь начеку. И мы будем.

Ибо это Англия, счастливая страна, земля чудес, где под ногами валяются золотые самородки, а в ручьях течет кларет. Белые соколы Болейнов словно жалкие воробьи на заборе, а феникс Сеймуров устремился ввысь. Благородные представители славного рода, лесничие, хозяева Вулфхолла, новые родственники короля теперь ровня Говардам, Тэлботам, Перси и Куртенэ. Кромвели – отец, сын и племянник – тоже могут похвастаться происхождением. Разве не все мы родом из Эдема? «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто джентльменом был тогда?» На этой неделе, когда Кромвели выходят из дома, джентльмены в Англии расступаются.

Король облачен в изумрудный бархат – лужайка, сияющая алмазами. Отойдя от старого друга Уильяма Фицуильяма, своего казначея, он берет под руку государственного секретаря, отводит в нишу окна, где стоит, моргая в солнечном свете. Сегодня последний день мая.

Итак, первая брачная ночь: как спросить? Невеста выглядит такой невинной, что, забейся она под кровать и пролежи до утра на спине, читая молитвы, он бы не удивился. А Генрих, как утверждают многие женщины, нуждается в поощрении.

Король шепчет:

– Такая свежесть. Такой такт. Такая девичья *pudeur*⁴.

– Рад за вас, ваше величество. – Он думает, да, да, но как тебе удалось?

– Из ада в рай, и всего за одну ночь!

Такой ответ его устраивает.

Король говорит:

– Задача, как всем известно, стояла непростая, деликатная... и вы, Томас, проявили твердость и расторопность. – Король оглядывает комнату. – Джентльмены и, должен признаться, не только джентльмены, но и дамы спрашивают меня: не пора ли мастеру Кромвелю получить награду за труды? Вы знаете, я не спешил продвигать вас, но потому лишь, что боялся оставлять палату общин без вашего присмотра. Однако, – Генрих улыбается, – палате лордов твердая рука нужна не меньше. Именно там теперь ваше место.

Он кланяется. Маленькие радуги порхают по каменной кладке.

– Королева со своими фрейлинами, – говорит король. – Набирается смелости. Я просил ее показаться двору. Ступайте к ней, шепните несколько одобряющих слов. Приведите ее, если сможете.

---

⁴ Застенчивость, стыдливость (*фр.*).

Он отворачивается, и посол Шапюи тут как тут. Один из франкоговорящих подданных императора, не испанец, а савояр. Шапюи в Англии уже довольно давно, однако не смеет вести разговоры на нашем языке; для дипломатического разговора его английский недостаточно хорош. Чуткие уши посла уловили слово «*pudeur*», и он с улыбкой спрашивает:

– Итак, господин секретарь, кому пришлось стыдиться?

– Стыдиться? Напротив, гордиться. Невеста проявила истинную скромность.

– Я думал, что стыдиться пришлось вашему королю. Учитывая недавние события. И просочившиеся слухи о том, что предыдущую он удовлетворить не мог.

– На сей счет мы располагаем только свидетельством Джорджа Болейна.

– Что ж, если королева, как вы утверждаете, делила постель с Джорджем – собственным братом, – естественно, что именно ему она поведала о бессилии мужа. Впрочем, теперь, с отрубленной головой, лорду Рочфорду затруднительно отстаивать свою точку зрения. – Посол сверкает глазами, кривит губы, но он держит себя в руках. – Стало быть, вчера новобрачный показал себя с лучшей стороны. И он думает, что до прошлой ночи мадам Джейн сохраняла невинность? Разумеется, откуда ему знать. Он считал девственницей Анну Болейн, чем, уж мне-то поверьте, удивил всю Европу.

С послом не поспоришь. В этом деликатном вопросе обвести Генриха вокруг пальца не сложнее, чем сыграть на дудочке.

– Полагаю, он потешится с мадам Джейн месяца два, – рассуждает Шапюи, – пока не положит глаз на другую. И сразу обнаружится, что Джейн ввела короля в заблуждение и брак незаконен, поскольку до свадьбы она дала обещание другому джентльмену, не так ли?

Эташ забрасывает удочку наобум. Он знает, что голова Анны Болейн слетела с плеч, но хочет знать, на каком основании расторгнут брак. Ибо брак должен быть расторгнут: казни недостаточно, чтобы исключить Элизу из числа наследников престола, – следует доказать, что брак с самого начала был незаконен. И как королевский клир это проделал? Он, Томас Кромвель, не намерен удовлетворять любопытство посла. Он наклоняет голову и торит путь сквозь толпу, на ходу меняя языки. Новая королева говорит только на родном английском, да и то нечасто. Ее брат Эдвард хорошо знает французский, младший, Том Сеймур, – неизвестно, что тот говорит, но слушать не желает никого.

Женщины вокруг Джейн разодеты в пух и прах, и в сердце позднего утра аромат лаванды струится в воздухе, словно пузырьки смеха. Какая жалость, что душистые травы бессильны против высокородных вдов, которые обступили свою добычу, словно часовые в парче. Женщины Болейнов растворились: ни бедной Мэри Шелтон, которая надеялась выйти за Гарри Норриса, ни бдительной Джейн Рочфорд, вдовы Джорджа. Вокруг лица, которых не видали при дворе со времен королевы Екатерины; в центре толпы бледная молчаливая Джейн выглядит крохотной фигуркой из теста. Генрих щедро одарил ее драгоценностями казненной женщины, а золотошвеи спешно расшили платье сердечками и узелками влюбленных. Она делает движение ему навстречу, один из узелков отваливается. Джейн наклоняется, но фрейлина оказывается шустрее.

Джейн шепчет:

– Спасибо, мадам.

На лице Джейн смущение. Ей не верится, что Маргарет Дуглас – племянница короля, дочь шотландской королевы – у нее на посылках. Мег Дуглас хорошенькая девица лет девяти-двенадцати. Она выпрямляется – свет вспыхивает на рыжих волосах – и занимает свое место. На ней французский головной убор во вкусе Анны Болейн, но большинство женщин вернулись к старомодным гейблам. Рядом с Мег ее ближайшая подруга Мэри Фицрой, молоденькая жена Ричмонда. Ее муж, вероятно, уже ушел, поздравив отца с новым браком. Юной супруге нет семнадцати, неуклюжий гейбл придает ей вид прилизанный и настороженный, глаза стреляют по сторонам. Она замечает его, локтем толкает Мег, опускает глаза, выдыхает:

– Кромвель.

Обе отводят взгляд, словно не желая его видеть. Фрейлинам Анны не по душе вспоминать, как они, поняв, что дни королевы сочтены, наперебой с ним откровенничали. Чем делились, какие показания давали. Кромвель сплутует, вложит нужные слова в ваши уста. С его обходительностью он заставит вас сказать то, чего вы вовсе не имели в виду.

Его опережает семейство новой королевы: ее мать леди Марджери и двое братьев. Эдвард Сеймур выглядит довольным, Том Сеймур – развязным, а одет с такой вызывающей роскошью, которую даже Джордж Болейн счел бы *de trop*⁵. Взгляд леди Марджери пронзает знатных вдов. Ни одной из них не удалось сохранить остатки былой красоты, ни одна не сподобилась выдать дочку за короля. С прямой спиной она низко приседает перед Джейн, а когда выпрямляется, явственно слышен хруст коленных суставов. Поэт Скелтон однажды сравнил Марджери с примулой. Но сейчас ей шестьдесят.

Взгляд Джейн скользит поверх ее родных, затем она поворачивает голову, позволяя ему скользнуть поверх Кромвеля.

– Господин секретарь, – произносит она. Долгая пауза, пока королева преодолевает робость. Наконец она шепчет: – Хотите... поцеловать мне руку? Или что-нибудь еще... в таком роде...

Он опускается на колени, губы касаются изумруда, который ему уже доводилось лобызать на узкой руке покойной Анны. Короткими пальчиками другой руки Джейн гладит его по плечу, словно говоря, ах, нам обоим тошно, но мы переживем это утро.

– Ваша сестра не с вами? – спрашивает он Джейн.

– Бесс в пути, – отвечает леди Марджери.

– Все случилось так внезапно, – говорит Джейн. – Бесс никогда не думала, что я выйду замуж. Она еще в трауре по мужу.

– Довольно ей носить черное. Позвольте предложить свои услуги. Я знаю хороших итальянских портных.

Леди Марджери сверлит его испытующим взглядом. Затем отворачивается и взмахом руки велит вдовам отступить. На мгновение взгляды знатных старух сцепляются с ее взглядом. Они втягивают воздух, словно от боли, приподнимают подолы и пятятся. Ничего не поделаешь – кому, как не прямым родственникам королевы, подвергнуть ее неделикатному допросу, столь естественному наутро после первой брачной ночи.

– Итак, сестра? – начинает Том Сеймур.

– Тише, Том, – говорит его брат Эдвард, оглядываясь через плечо.

Он, Кромвель, стоит непрошибаемой стеной между семьей и двором.

– Итак, – повторяет новая королева.

– Нам хватило бы словечка, – вступает ее мать. – Просто знать, как ты себя чувствуешь этим утром.

Джейн размышляет. Долго разглядывает свои туфельки. Том Сеймур ерзает. Кажется, он готов ущипнуть сестрицу, как некогда в детской. Джейн набирает воздух в легкие.

– Итак? – требует Том.

Джейн шепчет:

– Братья, миледи мать... мастер Кромвель... я скажу только, что совершенно не ожидала того, что попросит у меня король.

Братья смотрят на мать. Разумеется, девица в курсе, как мужчины совокупляются с женщинами? К тому же она уже не девица.

– Разумеется, – говорит леди Марджери. – Тебе двадцать семь лет, Джейн, простите, ваша милость.

---

⁵ Излишний, чрезмерный (*фр.*).

– Да, – соглашается Джейн.

– Королю не следовало обхаживать тебя, как тринадцатилетнюю, – говорит мать. – Если он выказал нетерпение, то таковы все мужчины.

– Ты привыкнешь, – утешает сестру Том. – Это цена, которую приходится платить за все. Джейн кивает с несчастным видом.

– Уверена, король не был груб, – заявляет леди Марджери.

– Нет, не груб. – Джейн поднимает глаза. – Дело в том, что он хочет от меня очень странного. Я и вообразить не могла, что жена такое должна.

Они смотрят друг на друга. Губы Джейн движутся, она словно проговаривает слова про себя, прежде чем произнести вслух.

– Впрочем, наверное... право, я не знаю... наверное, мужчинам это нравится.

Эдвард почти отчаялся. Том решает взмолиться:

– Господин секретарь?

Почему он? Разве он в ответе за вкусы короля?

Лицо леди Марджери застывает.

– Это что-то неприятное, Джейн?

– Наверное, да, – отвечает королева. – Хотя, конечно, я еще не пробовала.

Том делает страшное лицо:

– Я советую, сестра, делай все, что он просит.

– Дело в другом, – говорит Эдвард, – что бы там ни было... его капризы... его требования... они способствуют зачатию ребенка?

– Думаю, что нет, – отвечает Джейн.

– Вы должны с ним поговорить, – обращается к нему Эдвард. – Кромвель, вы должны напомнить ему, как надлежит вести себя христианину.

Он заключает ручки Джейн в свои ладони. Смелый жест, но ничего другого не остается.

– Ваша милость, отбросьте стыдливость и расскажите, чего от вас требует король.

Ее руки ускользают из его рук, бледная фигурка утекает, она раздвигает братьев, шаткой походкой продвигаясь к своему королю, своему двору и своему будущему.

Шепчет на ходу:

– Он хочет, чтобы я поехала с ним в Дувр осматривать укрепления.

Без улыбки Джейн преодолевает огромный зал. Все глаза обращены к ней. Держится надменно, бормочет кто-то. Не знай вы Джейн, можно подумать, это и впрямь так. Генрих протягивает ей руки, словно ребенку, который учится ходить, и горячо целует. На его губах вопрос, она шепчет ответ. Он склоняет голову, чтобы расслышать ее слова, лицо гордое, взволнованное. Шапюи толпится со знатными старухами и с их мужским потомством. И, словно делегат – делегат от них к Кромвелю, – посол отделяется от толпы и обращается к нему:

– Похоже, она надела на себя все украшения, как флорентийская невеста. Впрочем, для такой простушки держится неплохо. Ей идет в отличие от предыдущей, у которой чем богаче был наряд, тем меньше ее красил.

– Под конец. Возможно.

Он вспоминает дни, когда кардинал был жив и Анне не требовалось иных украшений, кроме ее глаз. Последние месяцы она таяла, а ее лицо заострялось. Когда Анна сошла с барки у Тауэра, ускользнула из его рук, уперлась локтями и коленями в булыжную мостовую, он поднял ее, и она была не тяжелей воздуха.

– Итак, – говорит Шапюи, – пока ваш король в добром расположении духа, заставьте его признать принцессу Марию наследницей.

– Разумеется, вслед за его сыном от новой жены.

Шапюи кивает.

– Заставьте вашего господина поговорить с папой, – отвечает он послу. – Над моим господином висит булла об отлучении. Негоже угрожать королю в его собственном королевстве.

– Вся Европа желает залечить эту рану. Пусть король обратится к Риму с покаянным письмом и отменит закон, отделивший вашу страну от Вселенской церкви. Как только это будет сделано, его святейшество с распростертыми объятиями примет заблудшую овцу и возобновит взимание доходов с Англии.

– Полагаю, с процентами за выпавшие года?

– Разве это не обычная банковская практика? Кроме того...

– Как, это еще не все?

– Король Генрих должен отозвать своих послов. Нам известно, что вы ведете переговоры с лютеранскими правителями. Мы хотим, чтобы вы их прекратили.

Он кивает. Шапюи просит его зачеркнуть труды последних четырех лет. Вернуть Англию Риму. Признать первый брак Генриха законным, а его дочь от этого брака – наследницей престола. Разорвать дипломатические отношения с немецкими княжествами. Отречься от Евангелия, обнять папу и преклонить колена перед идолами.

– А чем в эти дивные новые дни заняться мне? – спрашивает он. – Мне, Томасу Кромвелю?

– Вернуться к кузнечному ремеслу?

– Боюсь, я утратил навык. Пожалуй, выберу дальнюю дорогу, как поступил мальчишкой. Пересеку море и предложу услуги пехотинца королю Франции. Как думаете, он будет рад меня видеть?

– Это не единственный вариант, – говорит Шапюи. – Вы можете остаться на своем посту и принять щедрый предварительный гонорар от императора. Он понимает сложности возвращения вашей страны к *status quo ante*⁶. – Посол улыбается ему, затем поворачивается, рука взлетает в приветствии. – Карю!

Плюшевый фасад, широкая грудь шита золотом. Неужто это сам Николас Кэрю?

Вельможа живо поправляет посла:

– Кэ-рю.

Ждет повторения.

Шапюи разводит руками:

– Мне это не по силам, сэр.

Кэрю не настаивает, обращается к государственному секретарю:

– Мы должны встретиться.

– Это честь для меня, сэр Николас.

– Принцессе Марии нужен эскорт, чтобы вернуться ко двору. Приезжайте ко мне в Беддингтон.

– Лучше вы ко мне. Я занят.

Сэр Николас сердится:

– Мои друзья ждут...

– Можете привести с собой ваших друзей.

Сэр Николас придвигается ближе:

– Мы заключили с вами сделку, Кромвель. И теперь рассчитываем получить по счету.

Он не отвечает, просто отодвигает сэра Николаса с дороги. Проходя мимо, прикладывает руку к сердцу. Может показаться, его срывает с места внезапная забота. Однако это не так, никаких срочных дел у него нет.

Его мальчишки тут как тут.

Ричард спрашивает:

---

⁶ Положение, которое было прежде (лат.).

– Чего хотел сэр Николас Кара Господня?

– Получить по счету.

Прав был Ризли – это сделка. По версии Кэрю: мы, друзья принцессы Марии, поможем тебе свалить Анну Болейн, а потом, если будешь перед нами пресмыкаться, не станем тебя уничтожать. У государственного секретаря иная версия. Вы помогаете мне свалить Анну, и... и ничего.

Ричард спрашивает:

– Вы знаете, что король спал с женой Кэрю? До ее свадьбы и после.

– Нет! – говорит Грегори. – А мне не рано знать? А остальные знают? А Кэрю знает, что все знают?

Ричард ухмыляется:

– Он знает, что мы знаем.

Это лучше слухов, это власть: сведения о внутренней экономике двора, из счетных контор, где устанавливают меру обещаний и взвешивают монеты стыда.

Ричард говорит:

– Мне самому по душе Элиза Кэрю. Для холостяка...

– Нам это ни к чему, – замечает он.

– Когда это вас останавливало? Не далее чем две недели назад вы с женой графа Вустерского заперлись одни в комнате.

Добывал улики.

– А вышла она, улыбаясь, – говорит Ричард.

Потому что я заплатил ее долги.

Грегори замечает:

– К тому же она с пузом. И от кого ребенок, болтают разное.

– Пошли, – говорит Ричард, – пока не вернулся сэр Николас Кара Господня. Сейчас мы над ним посмеемся.

Однако тут из-за угла выскальзывает Рейф. Он от короля, и выражение его лица – если вы в состоянии его прочесть – смесь почтительности, осторожности и недоверчивости.

– Король зовет вас, сэр.

Он кивает:

– А вы, мальчики, ступайте домой. – В голову приходит мысль. – Ричард...

Племянник оборачивается.

Он шепчет:

– Загляни к Уильяму Фицуильяму. Узнай, готов ли он поддержать меня в королевском совете. Он знает, что у Генриха на уме. Знает не хуже прочих.

Именно Фицуильям пришел к нему в прошлом марте, рассказал, как ненавидят Болейнов, и дал понять, что эта ненависть способна объединить их врагов, сплотить вокруг общей цели. Именно он намекнул на готовность короля к переменам, намекнул со спокойной уверенностью человека, знающего Генриха с молодых лет.

Ричард говорит:

– Думаю, он пойдет за вами, сэр.

– Выясни, на что он надеется, – говорит он. – И внуши ему, что его надежды оправданны.

– Сэр... – перебивает Рейф.

Он берет Рейфа под руку. Компания джентльменов оборачивается и смотрит на них. Рейф оглядывается через плечо, оставляя их за спиной, разодетых, словно собрались позировать Гансу: шелковые чулки, шелковистые бородки, кинжалы в ножнах черного бархата, алые книжечки в руках. Все они Говарды или родня Говардов, а один, младший единокровный брат герцога Норфолка, даже имя носит такое же. Томас Говард меньшей. Спутать их невозможно. Молодой Говард – худший поэт при дворе, старый в жизни не сочинил ни строчки.

Рейф говорит:

– Настроение у короля не такое радужное, каким кажется. Сегодня он сомневается в том, во что верил еще вчера. Спрашивает, справедлив ли был приговор? В виновности Анны он уверен, но как насчет джентльменов? Помните, сэр, с какой неохотой он подписывал бумаги? Как нам пришлось на него насест? Теперь его вновь одолевают сомнения. «Гарри Норрис был моим старым другом, – говорит король. – Возможно ли, что он предал меня с моей женой? А Марк? Лютнист, мальчишка, неужто она согрешила бы с таким?»

Некогда жизнь короля протекала на виду у двора. Он обедал в огромном зале, говорил вслух все, что думал, испражнялся за одной тонкой занавеской и совокуплялся за другой. Ныне правители ценят уединение: их охраняют слуги в мягких туфлях, а в королевских покоях тишина. Министр, который спешит на доклад со шляпой в руке, вынужден приспосабливаться к новым порядкам, быть уступчивым и терпеливым. Обычно, когда требовалось успокоить королевскую совесть, он звал архиепископа. Однако сейчас это не поможет. С тех пор как осудили покойную королеву, Кранмер сам не находит покоя.

У дверей его встречают. В старые дни – и то сказать, всего месяц назад – бдительные королевские джентльмены преградили бы ему путь. Гарри Норрис, выскальзывая навстречу: «Сожаляю, господин секретарь, его величество молится». И сколько он намерен молиться, Гарри? «О, без сомнения, все утро...» И Норрис, очаровательно посмеиваясь, испаряется, а из-за двери слышится хихиканье этой мартышки Фрэнсиса Уэстона.

Придворные недоумевают, неужели королева делила ложе с таким ухмыляющимся щенком, как Уэстон?

Нам остается только пожимать плечами.

Король обмяк в кресле, локти лежат на коленях. Прошел час с тех пор, как Генрих скрылся от глаз подданных, и изумрудное сияние потускнело. С ним Чарльз Брэндон, нависает над королем, словно часовой.

Он опускается на одно колено: «Ваше величество». Поднимаясь, вежливо бормочет: «Милорд Суффолк».

Герцог осторожно кивает.

Генрих спрашивает:

– Сухарь, вы слышали историю о Екатеринойной гробнице?

Суффолк говорит:

– Об этом болтают во всех тавернах и на всех ярмарочных площадях. Как только голова Анны упала с плеч, свеча рядом с гробницей вспыхнула сама по себе. – Герцог смотрит с беспокойством, словно и впрямь считает такое возможным. – Вам необязательно в это верить, Кромвель. Я вот не верю.

Генрих раздражен:

– Разумеется, верить необязательно. Откуда эти слухи, Сухарь?

– Из Дувра.

– Вот как. – Генрих явно не ожидал ответа. – Она похоронена в Питерборо. Что может быть известно в Дувре?

– Ничего, ваше величество.

Он намерен и дальше отвечать односложно, пока король не отошлет Брэндона восвояси.

– Если эта история родом из Дувра, – замечает тот, – значит ее выдумали французы.

– Порочишь французов, Чарльз, – говорит Генрих, – а от их денег не отказываешься.

Герцог оскорблен:

– Но я же этого не скрываю!

– Видите ли, ваше величество, – вставляет он, – милорд Суффолк берет также деньги у императора, так что одно уравнивает другое.

– Знаю, – говорит Генрих. – Господь свидетель, Чарльз, если бы мои советники не брали денег, мне пришлось бы платить им самому, а Сухарю пришлось бы изыскивать на это средства.

– Сэр, – обращается он к королю, – что будет с Томасом Болейном? Возможно, не стоит отбирать у него графский титул?

– До того как я его возвысил, Болейн был небогат, – отвечает Генрих. – Однако он сослужил стране некоторую службу.

– К тому же, сэр, он искренне стыдится преступлений, которые совершили его дочь и сын. Генрих кивает:

– Хорошо. Только он должен отказаться от этого глупого титула «монсеньор». И не попадаться мне на глаза. Пусть сидит в своих землях, подальше от меня. Как и герцог Норфолк. Я больше не желаю видеть никого из Болейнов, Говардов и их родни.

До тех пор, разумеется, пока французы или император не задумает вторгнуться в наши земли либо шотландцы не перейдут границу. Если запахнет войной, первым делом вы вспомните о Говардах.

– Болейн останется графом Уилтширским, – говорит он. – А вот должность хранителя малой королевской печати...

– С этим справитесь вы, Сухарь.

Он кланяется:

– И если вашему величеству будет угодно, я оставлю за собой также должность государственного секретаря.

Стивен Гардинер занимал ее, пока, как тонко заметил мастер Ризли, его не сместили. Он не желает, чтобы Стивен наусничал, выплескивая королю свои гнилостные измышления в надежде, что его вернут ко двору. И единственный способ этого не допустить – взять все на себя.

Однако Генрих его не слушает. На столе перед ним стопка из трех книжиц в переплете алой кожи, перевязанная зеленой лентой. Рядом его ореховая шкатулка для писем, еще времен Екатерины, украшенная ее вензелем и гранатом, ее эмблемой.

Генрих говорит:

– Моя дочь Мария прислала письмо. Не помню, чтобы я разрешал ей мне писать. Может быть, вы?

– Я бы не посмел.

Он был бы не прочь заглянуть в шкатулку.

– Кажется, она питает надежды, что может стать моей наследницей. Как будто считает, Джейн не сумеет родить сына.

– Она сумеет, сэр.

– Легко сказать, одна уже клялась, но не сдержала клятвы. Наш брак чист, говорила она, Господь вознаградит вас. Но прошлой ночью во сне...

Надо же, вы тоже ее видели: Ану Болену в кровавом воротнике.

Генрих спрашивает:

– Я поступил правильно?

Правильно? Непомерность вопроса удерживает его, словно рука на запястье. Был ли я беспристрастен? Нет. Был ли рассудителен? Нет. Хотел ли я блага моей стране? Да.

– Что сделано, то сделано, – говорит он.

– Как вы можете так говорить? Словно нет греха? Нет раскаяния?

– Не оглядывайтесь назад, сэр. Вперед – вот единственное направление, какое позволяет Господь. Королева подарит вам сына. Ваша сокровищница наполняется, законы блюдутся. Вся Европа с восхищением смотрит на то, как вы противостоите ложным притязаниям Рима на власть.

– Смотрит-то смотрит, но без восхищения.

Пусть так. Они полагают, что Англия – низко висящий плод. Обессиленная дичь. Добыча для чужеземных владык и их охотников.

– Наши крепости растут, – говорит он. – Форты. Никто не осмелится.

– Если папа меня отлучит, император и Франция получат благословение вторгнуться в Англию. По крайней мере, так скажет им папа.

– Они не развяжут войну ради благословения, сэр. Вспомните, как часто они говорили: «Мы пойдем крестовым походом на турок»? И где их обещания?

– Тот, кто завоюет Англию, получит отпущение грехов. Желających найдется немало.

– Успеют нагрешить еще. – Он стоит над Генрихом – пришло время напомнить королю, ради чего была пролита кровь. – Каждый день я беседую с послом императора. Вы знаете, что его господин готов заключить с нами союз. При жизни Анны Болейн он был вынужден вам противостоять. Теперь вы устранили причину раздора. Имея союзником императора, мы можем не бояться короля Франциска. – (Хотя, думает он, с Франциском я тоже веду переговоры, постоянно.) – А если император подведет, у нас есть друзья среди немецких князей.

– Еретики, – встречает Брэндон. – А дальше что, Сухарь? Союз с сатаной?

Он раздражен:

– Милорд, немецкие князья не еретики и ничем не хуже наших правителей, они являют пример для своих подданных, отказываясь вручать их тела и души Риму.

Генрих обращается к герцогу:

– Милорд Суффолк, вы не могли бы нас оставить?

Чарльз выглядит недовольным:

– Как будет угодно. Но помни мои слова и не вешай носа, Гарри. В прошлом году жена родила мне здорового сына, а я старше тебя.

Герцог выходит. Король смотрит ему вслед с тоской, словно Брэндон отправляется в долгое путешествие.

– «Гарри», – повторяет он. Собственное имя в его устах звучит нежно. – Суффолк забывается. Но для него я всегда останусь мальчишкой. Его не убедить, что мы оба давно немолоды. – Рука короля незаметно поглаживает книжицы, ласкает мягкую алую кожу. – Вы знали, что у Джейн нет собственных книг? Только маленькая поясная, с драгоценным камнем, да и тот недорогой. Я подарю ей эти.

– Они ее обрадуют, сэр.

– Книги принадлежали Екатерине. Это духовные наставления. Джейн много молится. – Королю не по себе. Можно подумать, будто молитвы – его единственная надежда. – Сухарь, все может случиться. Что, если завтра я умру? Я не могу оставить королевство на дочерей, одна из которых наполовину испанка и не отличается добрым нравом, другая еще дитя, и обе рождены вне законного брака. Следующая в очереди на трон – дочь королевы Шотландии, но, зная мою сестру, – король вздыхает, – кто поручится, что Мег законнорожденная? Я спрашиваю себя: женщина, слабая телом и духом, способна ли она править, учитывая изъяны ее пола? И даже если она наделена твердостью характера и живым умом, наступит день, когда ей придется выбрать мужа, посадить на трон чужеземца или возвысить подданного, – кому она сможет довериться? Поставить женщину у власти – значит всего лишь отсрочить беды, и пусть десять – двадцать лет все будет идти своим чередом, однажды беды вас настигнут. Остается одно. Мы должны объявить наследником юного Ричмонда. Я поручаю это вам, но что скажет парламент?

Ничего хорошего, думает он.

– Я полагаю, они станут убеждать ваше величество довериться Господу и приложить все усилия, чтобы увенчать нынешний брак рождением наследника. А мы тем временем примем закон, который позволит вам выбрать наследника по вашему усмотрению. И необязательно объявлять свой выбор. Не стоит ни в ком возбуждать излишних надежд.

Кажется, будто Генрих слушает вполуха, – на самом деле это значит, что он весь обратился в слух.

– Ее библиотеку описали. – Покойной Анны, имеет в виду Генрих. – Там есть крамольные сочинения, почти на грани ереси. А также среди книг ее брата.

Превосходные французские тома: имена Джорджа и Анны рядом, черный лев Рочфордов и коронованный сокол, надпись его рукой: «Эта книга принадлежит мне, Джорджу Рочфорду». Он ждет. Король успокаивает свою совесть: убеждает себя, что Болейны и их присные – враги Божьи. Едва ли хоть какая-нибудь из этих книг покажется ему еретической. Впрочем, как и Генриху, когда его разум прояснится. Король поднимает один из алых томиков, заглядывает внутрь, высказывая наконец то, что тревожит его по-настоящему:

– Палата общин заявит, что я не вправе распоряжаться короной. – Жалкий икающий смешок. – Они укажут мне мое место, Сухарь.

– С них станется, – улыбается он. – Они могут даже обратиться к вам «Гарри», но я найду на них управу, сэр.

– Кто в эту сессию спикер?

– Ричард Рич.

– Понятно. Вы спите по ночам, Сухарь?

В вопросе нет подвоха – никакого скрытого смысла.

– Ибо, – добавляет Генрих, – хранитель малой королевской печати – высокий пост, к тому же вы мой викарий по делам церкви, и скоро епископы соберутся на собор, а еще, к моему удовольствию, вы остаетесь королевским секретарем. Кто еще способен нести такую ношу? Впрочем, в этом вы похожи на кардинала – трудитесь за десятерых. Я часто спрашиваю себя, откуда вы взялись?

– Из Патни, ваше величество.

– Это мне известно, я другого не понимаю: что делает вас таким, какой вы есть? Чудны дела Твои, Господи, – говорит Генрих, и на сем разговор завершается.

В кордегардии его ждет Чарльз Брэндон.

– Послушайте, Кромвель, я знаю, вы злитесь, что я не преклонил колени, когда этой потаскухе рубили голову.

Он поднимает руку, но остановить Чарльза – все равно что остановить несущегося на тебя быка.

– А вы не забыли, как она меня донимала? – орет герцог. – Обвиняла в том, что я сношаю собственную дочь!

Все головы в людном помещении поворачиваются к ним. Он лихорадочно перебирает в голове отпрысков Чарльза, законных и незаконных.

– Будто здесь Вулфхолл! – бушует герцог и тут же поправляется: – Не то чтобы я верил в клевету про старого сэра Джона. Это Анна Болейн утверждала, что он блудит с невесткой. А на самом деле отвлекала внимание от шашней с собственным братцем!

– Возможно, милорд, впрочем неудивительно, что она затаила на вас обиду. Именно вы рассказали королю про нее и Тома Уайетта.

– Да, я, и не отказываюсь от своих слов! Разве мог я спокойно стоять и смотреть, как моему старому товарищу наставляют рога? Гарри не понравилось, он вышвырнул меня вон, как собаку. Что ж, он король, а король всегда убивает гонца. – Герцог понижает голос. – Но я всегда, даже под страхом смерти, буду говорить ему то, что он должен знать, потому что я его друг. Я подсаживал его в седло, Сухарь, когда он был зеленым юнцом. Подставлял плечо, когда он держал наперевес свое первое копьё, готовясь ко встрече с настоящим противником, а не с размалеванной деревяшкой. Его рука в перчатке дрожала, и я сказал ему ни больше ни меньше:

«*Courage, mon brave!*»⁷ – специально выучил фразу по-французски. И после первых проб на турнирах не было никого храбрее, чем Гарри. Как опытный воин, я помог ему, вы же знаете, я был старше, тогда и сейчас. – Лицо герцога разглаживается. – Ваш малец Грегори тоже хорош на ристалище. Отличная выправка, лучшая сбруя и оружие, прямой, честный, почтительный. И ваш племянник Ричард крепкий малый, правда не так изящен, поздно начал, но мяса на костях хватает, – поверьте мне, они с Грегори из той породы, что не свернут с пути, только вперед! Страх им неведом. Голос крови. – С высоты своего роста герцог смотрит на него сверху вниз. – Это у вас в роду. Думаю, бывает жребий и похуже, чем родиться сыном кузнеца. Каким-нибудь дурачком, грызущим перо. А у этих в крови железо, а не чернила.

Отец Чарльза пал при Босворте, где был рядом с Генрихом Тюдором. Говорят, он нес тюдоровское знамя, хотя кто поручится, что в действительности было на поле боя? Если он пал рядом со стягом, рука живого подхватила древко; Тюдоры входили в силу, а с ними Брэндоны.

Он говорит:

– Мой отец был пивоваром, не только кузнецом. Варил отвратительный эль.

– Прискорбно слышать, – искренне сочувствует Чарльз. – А теперь слушайте, что я скажу. Гарри понимает, что поступил дурно. Сначала женился на вдове брата, затем его угораздило взять в жены ведьму. Он говорит, доколе мне искупать грехи? Ему известно, чем промышляют ведьмы – забирают мужскую силу. Заставляют твой корень усохнуть. Я сказал ему, ваше величество, хватит киснуть. Позовите архиепископа, очистите совесть и начните сначала. Мне не нравится, что эти мысли одолевают его, словно проклятие. Вы советуете ему идти вперед, не оглядываясь. От вас он это выслушает. Я что, он держит меня за дурачка. – Герцог протягивает ему мощную длань. – Итак, друзья?

Союзники, думает он. Что-то теперь скажет герцог Норфолк?

В Остин-фрайарз вечная толпа у ворот, люди выкрикивают его имя, суют прошения.

– Дорогу, дорогу! – Кристоф собирает бумаги. – Назад, крысы! Не лезьте к господину секретарю!

– Эй, Кромвель! – кричит кто-то. – Вместо того чтобы держать этого французского шута, взял бы на службу доброго англичанина!

Это подливает масла в огонь: половина Лондона хочет проникнуть за ворота и служить Кромвелю, и сейчас они выкрикивают свои имена, а также имена сыновей и племянников.

– Спокойно, друзья. – Его голос перекрывает крики. – Король может сделать меня великим, и тогда жду вас всех погреться у моего камелька.

Они смеются. Он уже стал великим, и лондонцы это знают. Его собственность огорожена высокими стенами, его дом полон людьми днем и ночью. Стражники салютуют ему, он минует двор и входит в дверь. Слева и справа от двери два отверстия. В них можно высунуть шпагу или дуло. Любой злодей будет заколот или пронзен пулей сразу с двух сторон. Терстон, его главный повар, как-то сказал:

– Я не военный, сэр, но по мне это слишком: прикончив врага у ворот, вы зарежете его еще раз в дверях?

– Никакая предосторожность не лишняя, – отвечал он. – В наши времена гость войдет в ворота другом, а по пути через двор превратится во врага.

Некогда Остин-фрайарз был невелик: двенадцать комнат, которые он снял для себя, своих писарей, Лиззи, дочерей и тещи Мерси Прайор. Ныне Мерси вошла в преклонный возраст. Она хозяйка дома, но по большей части сидит у себя с книгой на коленях. Она напоминает ему изображение святой Варвары, которое ему случилось видеть в Антверпене, – святая читала посреди стройки на фоне лесов и необожженного кирпича. Строителей принято ругать

⁷ «Смелее, мой храбрец!» (фр.)

– за то, что затягивают работу и завышают расходы, за пыль и шум, но он любит грохот и стук, их болтовню и песенки, их тайные приемчики и секреты. Мальчишкой он вечно забирался на чужие крыши. Покажи ему лестницу – и он мигом взлетит вверх в поисках обзора. Но что он видел с крыши? Только Патни.

В гостиной его ждет племянник Ричард. Стоя под шпалерой, подарком короля, он распечатывает собственноручное письмо королевской дочери.

Ричард говорит:

– По-моему, леди Мария решила, что возвращается.

Он идет к себе, отбиваясь от писарей, которые тащатся вслед за ним, нагруженные стопками бумаг, конторскими книгами, распухшими от статutow и прецедентов, пергаменами и свитками.

– Потом, мальчики, потом...

В его комнате резкий аромат можжевельника и корицы. Он снимает оранжевый джеркин. Окна закрыты ставнями от полуденной жары, и в полутьме ткань светится, словно в руках у него огонь. В дни темнее нынешних некоторые жалкие богословы утверждали, что если бы Господь пожелал, чтобы мы ходили в цветном, то создал бы цветных овец. Вместо этого Божественное провидение даровало нам красильщиков и материалы для их ремесла. В городе, среди грязно-серого и сизого, мышиного и цвета ослиного крупы, золото заставляет сердце биться чаще. Под серым обложным дождем, поливающим Лондон зимой и летом, промельк лазури напоминает нам о небесах. Как солдат на поле битвы поднимает глаза и видит трепетание ярких знамен, так и работник среди дневных трудов радуется королевскому пурпуру, серебру, пламени и оттенку зимородкова крыла на платье вельможи на фоне блеклых английских небес.

Ричард входит за ним, закрывает за собой дверь. Становится тихо. Он привычным жестом прикладывает руку к груди и вынимает из внутреннего кармана кинжал.

– Даже теперь? – удивляется Ричард.

– Особенно теперь. – Без привычной тяжести рядом с сердцем он не чувствовал бы себя собой.

– Я понимаю, на улице, – говорит Ричард. – Но при дворе? Не могу представить себе обстоятельства, при которых он вам понадобится.

Вот и я не могу, думает он. Именно поэтому мне нужен кинжал. Он трогает лезвие большим пальцем. Первый нож он сделал себе сам еще мальчишкой. Отличный кинжал, ему до сих пор не хватает того клинка.

– Ступай к Шапюи, – велит он Ричарду. – Кланяйся ему от меня и пригласи его на ужин. Если откажется, скажи, я внезапно почувствовал неодолимую страсть к дипломатии и хочу заключить сделку до заката. И если он не придет, придется позвать французского посла.

– Отлично придумано.

Ричард уходит, а он, без оранжевого джеркина и без кинжала, спускается во внутренний двор, на свежий воздух, идет на кухню навестить Терстона.

Он слышит повара раньше, чем видит: какой-то несчастный жалеет, что родился на свет.

– Я говорил тебе раз, – ревет Терстон, – говорил два, говорил три, а в следующий раз, если ты возьмешь для чеснока эту ступку, я собственноручно вытряхну твои мозги, разотру пестиком и отдам Дику Персеру накормить собак.

Он проходит холодную комнату, где с крюков свисают два павлина, горло перерезано, на шпорах гири. Заворачивает за угол, видит лицо мальчишки, которого распекают:

– Мэтью? Мэтью из Вулфхолла?

Терстон фыркает:

– Из Вулфхолла? Прямоком из ада!

Он удивлен, встретив мальчишку здесь:

– Я взял тебя в писари, а не на кухню.

– Да, сэр, я им говорил.

Бледный честный Мэтью каждое утро приносил ему письма, когда в прошлом году король посещал Сеймуров. Тогда он решил, что такому миловидному и смышленому мальчишке не стоит прозябать в провинции. Бледное личико озарилось, когда он спросил Мэтью, не хочет ли тот повидать мир.

– Этот мальчик не на своем месте, – говорит он Терстону. – Произошла ошибка.

– Отлично, забирайте, иначе я его покалечу!

– Снимай. – Он показывает на заляпанный фартук.

– Правда, сэр?

– Пришло твое время. – Он помогает мальчишке снять фартук, без которого тот выглядит очень тощим. – Как поживает твой приятель Роб? Есть от него известия?

– Да, сэр. Он делает, как было велено, держит ухо востро и честно записывает всех, кто бывает в Вулфхолле. Только я не могу добраться до вас, чтобы передать новости.

– Прости, что с тобой обошлись так сурово. Перейди двор, найди Томаса Авери и скажи, что я велел обучить тебя счетоводству. Если освоишь это ремесло, твои услуги могут пригодиться в других домах.

Мальчишка обижен:

– Но мне нравится у вас!

– Несмотря на этого грубияна? – Он показывает на Терстона. – Если я тебя куда-нибудь отошлю, ты все равно останешься на моей службе.

– И мне придется взять другое имя? – Мальчишка натягивает на плечи воображаемый джеркин. – Я вас понял, сэр.

Терстон говорит:

– Хорошо, хоть кто-то понял.

Вокруг две дюжины мальчишек тащат по каменному полу корзины с провизией, точат ножи для резки овощей, пересчитывают яйца, делают пометки в списках, ощипывают птицу. Дела в доме идут своим чередом без его участия. Здесь кровавые пудинги томятся на плите, чистится рыба; а через двор востроглазые писари сидят на табуретах, готовые строчить письма. Здесь жаровни и латунные кастрюли; там перочинные ножички, воск для печатей, ленты и шелковые шнурки, чернильные слова, что ползут по пергаменту, гусиные перья. Он вспоминает тот день во Флоренции, когда наверх позвали его. «Эй, англичанин, тебя зовут в контору». И как он неспешно снял фартук, повесил на гвоздь и навсегда оставил позади медные сковороды и тазы, ряды кувшинов для масла и вина в нише, каждый высотой с семилетнего мальчишку. Он прыгал через две ступеньки, а когда пересекал *sala*⁸, слышал, как капли из фонтана в стене падали в мраморную чашу, тихий неритмичный барабанный бой: кап-кап... кап... кап-кап-кап. Мальчишка, которые скреб ступени, посторонился, давая ему дорогу. Он пел: «Скарамелла идет на войну...»

Он говорит Терстону:

– У нас ужинает Шапюи, только мы двое.

– А то как же. – Терстон просеивает муку, поднимая белые клубы. – Кто-то мне сказал, этот испанец, что вечно толчется в вашем доме, и твой хозяин сгубили королеву, потому что она мешала их дружбе.

– Шапюи не испанец, а савояр, не притворяйся, будто не знаешь.

Терстон одаривает его взглядом, в котором читается: не хватало еще различать чужеземцев между собой, это унижительно и бессмысленно.

---

⁸ Зал (*ит.*).

– Я знаю, что император – король Испании и господин половины мира. Неудивительно, что вы хотите забраться к нему в постель.

– А что делать, – говорит он. – Прижму его к груди.

– Когда к нам снова пожалует король? – спрашивает Терстон. – Хотя откуда у короля взяться аппетиту? Кто стерпит, когда твои яйца открыто обсуждают при дворе?

– Откуда мне знать? Со мной такого не случилось.

– Весь Лондон слышал. – Терстону явно по душе тема разговора. – Конечно, что именно сказал Джордж, мы не знаем, он говорил по-французски, но мы думаем что-то вроде: у короля встает и он заправляет куда надо, но ненадолго, поэтому дама не получает удовольствия.

– Вот видишь, надо было учить французский.

– Суть я уловил. – Терстона не сбить с толку. – Если ты не ублажишь даму, она не понесет, а если понесет, то ребеночек не доживет до крещения. Вспомните королеву-испанку. В молодости она рожала дюжинами. И ни один не выжил, кроме малышки Марии, которая размером с мышь.

У его ног блестящие угри извиваются в корыте, сплетаясь друг с другом, словно ждут, что их забьют и замаринуют.

Он спрашивает Терстона:

– Что говорят на улицах? Про Анну?

Терстон хмурится:

– Никто ее не любил, даже женщины. Говорят, если она занималась этим с братцем, ясно, почему никто из ее детей не задержался в утробе. Ребенок от брата, или зачатый в пятницу, или когда суешь бабе сзади – все это против природы. Они сами вываливаются, бедные грешные создания. А ради чего им рождаться? Чтобы тут же отдать концы?

Терстон верит в то, что говорит. Кровосмешение греховно, мы все это признаем, но греховно и соитие в любой позе, кроме одобренной священниками. А равно соитие в пятницу, когда Христос был распят, в воскресенье, субботу и среду. Послушать церковников, так грешно входить в женщину во время Рождественского и Великого поста, а равно в дни почитания святых, которыми пестрит календарь. Больше половины года следует воздерживаться по той или иной причине. Удивительно, что дети еще появляются на свет.

– Некоторые женщины любят быть сверху, – рассуждает Терстон. – Разве это угодно Господу? Вообразите, какие жалкие отродья от этого заводятся. Обычно им не протянуть и недели.

Послушать Терстона, так дети все равно что черствые булки или вянувший цветок – недели не протянут. Однажды они с Лиззи потеряли ребенка. Терстон сварил куриный бульон, чтобы поддержать ее силы, и молился за хозяйку, пока резал овощи. Это было на Фенчерч-стрит. В те дни он перебивался случайными заработками, Грегори держался за материнскую юбку, Энн еще не отняли от груди, а Грейс не было и в помине. Тогда Терстон был простым поваром, а не главным, под командой у которого армия помощников. Он помнит, как бульон поставили перед Лиззи, как слезы капали в тарелку и бульон унесли нетронутым.

– Так и будете стоять без дела? – спрашивает Терстон. – Или забьете для меня этих угрей?

Он смотрит на корыто с угрями. Сам он в бытность поваром держал угрей в их стихии, пока не закипит вода в кастрюле. Впрочем, что толку спорить? Он закатывает рукава.

– И шкуру с них спустите, – говорит Терстон.

– Студентом в Италии, – рассуждает посол Шапюи, – я на ужин довольствовался хлебом с оливками.

– Нет пищи здоровее, – соглашается он. – Однако английский климат не годится для оливок.

– Изредка мог позволить себе немного зеленых бобов в стручках. Стаканчик *vin santo*⁹.

---

⁹ Святое вино (*ит.*), сорт белого десертного вина.

Из уважения к гостю Грегори сам вносит льняное полотенце и таз. Пальцы посла теребят стебли сухой лаванды.

– Вы собираетесь охотиться летом, мастер Грегори?

– Надеюсь, – отвечает Грегори и опускает голову, а посол осеняет себя крестным знаменем и произносит молитву перед едой.

Часто забывают, что Шапюи – духовное лицо. Интересно, как у него с женщинами? Блюдет ли посол обет безбрачия или, как и хозяин дома, не выставляет свои похождения напоказ?

Приносят угрей, приготовленных двумя способами: соленых, под миндальным соусом, и запеченных в апельсиновом соке. К угрю подают пирог со шпинатом, зеленый, как летний вечер, приправленный мускатным орехом и сбрызнутый розовой водой. Блестит серебро, салфетки сложены в форме тюдоровских роз, полотенца, которыми накрывают хлеб и столовые приборы, расшиты серебряными веночками.

– *Bon appetite*¹⁰, – желает он послу. – Я получил письмо.

– От принцессы Марии. И что она пишет?

– Вы знаете, что она пишет. А теперь послушайте, что скажу я. – Он подается вперед. – Принцесса, как вы ее называете, а вернее, леди Мария верит, что отец вернет ее ко двору. Она считает, что с новой мачехой ее беды остались позади. Вы должны ее в этом разубедить, или это сделаю я.

Шапюи двумя пальцами берет кусок угря.

– Все эти годы она винила в своих страданиях Анну Болейн. Считала, что именно конкубина разлучила ее с матерью и заперла в глуши. Она чтит своего отца и верит в его мудрость. Как и должно дочери, разумеется.

– Тогда ей следует принести присягу. До сих пор она увивалась, но теперь время пришло. Все подданные должны сделать это по требованию короля.

– Давайте уточним, чего именно вы от нее хотите. Она должна признать, что брак ее матери не имел законной силы, и хотя она старшая из детей короля, но трон не наследует. Она также должна будет признать наследницей малолетнюю дочь казненной Болейн.

– Клятву пересмотрят. Там не будет упоминания об Элизе.

– Отлично. Поскольку, как я понимаю, она дочь Генри Норриса. Или лютниста? Это восхитительно, – говорит посол про угря. – Итак, чего добивается Генрих? Мой господин не согласится признать наследником вместо Марии молодого Ричмонда. Как и король Франции.

– Парламент установит порядок престолонаследования.

– Seriously? Не прихоть короля? – Посол хихикает. – Вы сказали об этом Генриху?

– Мария утверждает, что не хочет быть королевой. Говорит, что поддержит того, кого выберет отец. Однако не соглашается признавать его главой церкви.

– Верно, – кивает посол.

Старый епископ Фишер отверг присягу, и в прошлом году Генрих его казнил. Томас Мор отверг присягу и стал короче на голову.

Он говорит:

– Мария тешит себя иллюзиями. Неужто она думает, будто мы повернемся к Риму, потому что Анна Болейн мертва?

Шапюи вздыхает:

– Жаль, Томас, что в старые дни в Риме мы друг друга не знали. Каким удовольствием было бы разделять с вами трапезу! Там готовят такие крошечные равиоли с начинкой из сыра и трав. Легкие, воздушные, если повар знает свое дело. – Посол поправляет салфетку на плече. – Разумеется, император желает королю успеха в новом браке. Его печалит, впрочем, что ваш господин не счел нужным прислушаться к его советам относительно выбора невесты. Он мог

---

¹⁰ Приятного аппетита (*фр.*).

бы получить в жены герцогиню Миланскую, прелестную вдову шестнадцати лет от роду. Но что сделано, то сделано, будем исходить из того, что есть. Император надеется, что, если мадам Джейн родит королю наследника, это будет способствовать миру и благоденствию. Вам, мон шер, я желаю, чтобы новый брак сделал Генриха более... – посол заводит глаза, – податливым. И что бы ни говорил о его трудностях в постели брат покойной королевы, мы должны пожелать королю... как там у Боккаччо? – «восстания плоти»?

Мальчик приносит телятину. Он, Кромвель, сам берет нож для нарезания мяса.

– Я полагаю, – Шапюи делает паузу, дожидаясь ухода слуги, – я полагаю, что в Германии сейчас недоумевают. Ваши друзья-еретики знают, что мадам Джейн была фрейлиной королевы Екатерины. Они спрашивают себя, неужто Кремюэль обезумел? Зачем погубил konkубину, такую же еретичку, как он сам, и привел на ее место верную дочь Рима? – Посол касается пальцем губ. – Не иначе, Кремюэль что-то замышляет. Однако, как я всегда говорю императору, Кремюэль всегда что-то замышляет. И, судя по событиям двухнедельной давности, его замыслы всегда успешны.

– Я не виновен в смерти Анны, – говорит он. – Она сама себя сгубила, она и ее джентльмены.

– Но в удобное для вас время.

Он кладет нож на стол, перламутровая ручка блестит.

– Едва ли я мог назначить время для их ссоры.

– Вы говорили, что не знаете, как от нее избавиться, но должны это сделать, иначе она избавится от вас. Говорили, что вернетесь домой и попытаетесь вообразить, как это могло бы случиться. Видимо, вы обладаете самым сильным воображением в Англии. По-моему, Генрих ужаснулся тому, что вскрылось при расследовании. – Шапюи вытирает пальцы. – Что за картину вы вложили в голову христиан! Королева Англии лежит на спине, задрав юбку: «Все сюда, все ко мне!»

– Эта картина заставляет вас ворочаться по ночам?

– Генри Норрис, лучший друг короля. Фрэнсис Уэстон, тщеславный юнец, которого уго-раздило проходить мимо, когда она была не одета. Сельский головорез с Севера Уилл Брертон. Мальчишка Смитон... выходит, не такая уж она гордычка, если легла с мальчишкой, которого наняли играть на лютне. Какая ненасытность! Неужто ей не хватало братца? – Шапюи кладет салфетку на стол. – Я все понимаю: Генрих устал от нее и возжелал малютку Джейн. «Кремюэль, – сказал он, – найдите способ от нее избавиться». Однако он был не готов к тому, что вскрыется в результате вашего расследования. Возможно, мон шер, он не простит вам, что вы его выставили на посмешище.

– Напротив, он пожаловал мне титул.

– Когда-нибудь это вам аукнется. У Генриха долгая память. А сегодня примите мои поздравления. Вы стали милордом. Барон Кромвель...

– Уимблдонский.

– О нет, пощадите! Возьмите другое имя. Этого мне не выговорить.

– И теперь я лорд – хранитель малой королевской печати.

– Это высокий пост?

– Мне больше не нужно.

Посол берет ломтик телятины:

– А знаете, совсем неплохо.

– Предупреждаю вас, – говорит он. – Если Мария разозлит отца, его гнев докатится до ваших дверей.

– Если ваш повар захочет сменить место, пришлите к моим дверям заодно и его. – Шапюи берет со стола вилку, восхищаясь зубцами. – Мы оба знаем, что принцесса не станет приносить клятву, провозглашающую ее отца главой церкви. Она не может присягать тому, что счи-

тает неестественным. Может быть, чем подвергать гонениям, король отправит ее в обитель? И больше не будет подозревать в том, что она жаждет трона? Это станет достойным уходом от мира. Она может удалиться в один из великих монастырей, где впоследствии станет аббатисой.

– Шефтсбери подойдет? Или Уилтон? – Он опускает кубок. – Ах, оставьте, посол! Она готова удалиться в обитель не больше вашего. Если мир с его тревожными так Марии безразличен, почему бы не присягнуть, и дело с концом? Тогда все от нее отстанут.

– Мария может отказаться от будущих притязаний, но не от прошлого. Она не признает, что ее родители не состояли в законном браке. Не смиритесь с тем, что ее мать назовут шлюхой.

– Никто не называл ее шлюхой. Вдовствующей принцессой. Вы не забыли, что после расставания Генрих относился к ней с почтением и не жалел расходов на ее содержание?

– Послушайте, Екатерина умерла! – с горячностью произносит посол. – Оставьте ее, пусть покоится с миром!

Однако она не желает покоиться с миром. Даже из могилы Екатерина тянется к дочери. Приходит по ночам, рядом с ней тощий старик, ее советник епископ Фишер, а в руках у нее свиток доводов в свою пользу. Когда пришло известие о смерти Екатерины, при дворе устроили танцы, но в день похорон у Анны Болейн случился выкидыш. Труп восстал из гроба и принялся душить разлучницу, пока у той не застучали зубы; встряхнул ее так, что королевский сын выскочил из утробы.

– Посол, – он соединяет кончики пальцев, – позвольте мне заверить вас, что Генрих любит дочь. Однако он ждет от нее покорности, как отец и правитель.

– Более всего Мария почитает Отца Небесного.

– Но если ей суждено умереть, ее душа предстанет пред Господом, отягощенная грехом непокорности.

– Вы злодей, – говорит Шапюи. – Верны себе. Вместо того чтобы утешать, угрожаете. Генрих не станет убивать собственную дочь.

– Кто знает, что на уме у Генриха? Только не я.

– Так и передам императору. Подданные Генриха живут в страхе. Я уговариваю моего господина: ваш христианский долг – освободить Англию. Даже узурпатор Ричард Скорпион не был так презираем, как нынешний правитель.

– Мне не нравится выражение: «нынешний правитель». Граничит с изменой. Всякий, кто его употребляет, подразумевает другого претендента.

– Изменить может только тот, кто должен хранить верность. Я ничего не должен Генриху, за исключением формальной благодарности за гостеприимство, которое я могу назвать весьма символическим и не идущим ни в какое сравнение, – посол кланяется, – с вашим радушием. Вся Европа знает, как туманно его будущее. Только в январе...

Отложите вилку, думает он, хватит меня закалывать. Память о том дне жива до сих пор. Цепенящий холод и смутнение. Его выдернули из-за письменного стола – увидеть несчастье своими глазами. Конь Генриха рухнул на ристалище. Генрих ударился головой, его принесли в шатер. Король лежал восковой, словно кукла, ни дыхания, ни пульса, мы решили, он умер. Он помнит, как положил руку королю на грудь и ощутил слабое биение жизни, – но неужели это он, как впоследствии рассказывали очевидцы, воззвал к Господу и, не боясь переломать королевские ребра, со всей силы ударил короля в грудь? Как он мог такое забыть? Генрих дернулся, захрипел, его вырвало, и король сел. Обратно в мир живых. «Кромвель, это вы? – сказал Генрих. – А я думал, что увижу ангелов».

– Хорошо, – говорит Шапюи, – не станем упоминать этот эпизод, если он лишает вас аппетита. Однако нельзя не признать, что в Англии есть люди, представители лучших семейств, которые остаются верными сынами Рима.

– Как такое возможно? – спрашивает он. – Все они принесли присягу. Куртенэ, Поли. Все признали Генриха не только своим королем, которому обязаны служить, но и главой церкви.

– Разумеется, – отвечает Шапюи. – А что им было делать? Какой выбор вы им оставили?
– Вероятно, вы считаете, что клятвы для них ничего не значат. И ждете, что они нарушат слово.

– Вовсе нет, – успокаивает его посол. – Уверен, они не пойдут против помазанника Божия. Я беспокоюсь, что, возмущенный попранием древних прав, какой-нибудь их сторонник нанесет королю смертельный удар. Хватит простого кинжала. Все может произойти и без человеческого участия. Чума убивает за день, потовая лихорадка – за несколько часов. Вы знаете, что я прав, и, если я прокричу это лондонцам с кафедры у стен собора Святого Павла, вы не посмеете меня повесить.

– Не посмею. – Он улыбается. – Но, к вашему сведению, бывало, что послов убивали на улицах. Я ни на что не намекаю.

Посол опускает голову. Ковыряется в листьях салата. Сладкий латук, горьковатый эндивий. Мэтью входит с фруктами.

– Боюсь, абрикосы снова не уродились, – сетует он. – Кажется, я не ел их уже несколько лет. Надеюсь, епископ Гардинер угостит меня абрикосами, если заглянет на огонек.

Шапюи смеется:

– Предварительно замочив их в кислоте. Вы знаете, что он уверяет французов, будто Генрих собирается вернуть страну в объятия Рима?

Он не знает, но подозревал.

– Вместо абрикосов мы заготавливаем персики.

Шапюи доволен.

– Вы готовите их по венецианскому рецепту. – Он зачерпывает ложку и лукаво смотрит на него поверх десерта. – Что будет с Гуйеттом?

– С кем? А, с Уайеттом. Он в Тауэре.

– Я прекрасно знаю, где он. Там, где вы можете за ним присмотреть, пока он сочиняет свои загадочные вирши. Почему вы его защищаете? Его место на плахе.

– Его отец был другом моего бывшего хозяина, кардинала.

– И просил вас покрывать преступные деяния сына? – смеется посол.

– Я дал ему слово, – сухо отвечает он.

– Выходит, это обещание для вас свято. Но почему? Когда ничто другое не свято? Я вас не понимаю, Кремюэль. Вы не боитесь, когда следует бояться. Вы как будто играете костями, залитыми свинцом.

– В игральные кости заливают свинец? Как интересно.

– Вы обманываете самых знатных людей королевства.

– Вы про Кэрю и прочих?

– Они знают, что вы в них нуждаетесь. Вам не выстоять в одиночку. Если новый брак короля продлится недолго, что тогда? Сегодня вы в фаворе, но что с вами будет, если Генрих лишит вас своей милости? Вспомните кардинала. Его не спасла даже принадлежность к духовному сословию. Если бы он не умер по пути в Лондон, Генрих отрубил бы ему голову вместе с кардинальской шапкой. И некому будет вас защитить. У вас есть сторонники. Сеймуры вам обязаны. Фицуильям помог вам избавиться от конкубины. Но за вашей спиной нет родословной. Вы были и остаетесь сыном кузнеца. И ваша жизнь зависит от следующего удара королевского сердца, а ваше будущее – от того, улыбнется он или нахмурится.

В январе, когда я думал, что Генрих умер, и когда все вокруг вопили не своим голосом, я вскочил и сказал: «Я иду, я рядом». Но прежде чем выйти из комнаты, я посыпал бумаги песком и взял со стола турецкий стилет с гравированным подсолнухом на рукояти, который лежал там для красоты. Теперь у меня было с собой два кинжала. Потом я нашел Генриха и заставил его воскреснуть из мертвых.

– Я помню те крохотные равиоли, – говорит он. – В доме Фрескобальди, когда кончался Великий пост, их начинали рубленой свиной, а за столом посыпали сахаром.

– Похоже на банкиров, – фыркает Шапюи. – Никакого вкуса, одни деньги.

Ризли вливается в Остин-фрайарз, когда они приходят с вечерней молитвы.

Ричард говорит:

– Здесь Зовите-меня, но вам на сегодня достаточно. Выставить его?

– Нет. Я хочу послать его к Марии.

– Вы доверите ему такое дело?

– Я пошлю с ним Рейфа, если король его отпустит. Однако Мария очень чувствительна к собственному статусу и может решить, что Рейф связан...

– С нами, – заканчивает фразу Рейф.

В то время как мастер Ризли происходит из семьи потомственных герольдов. Герольды имеют собственный статус и очень им дорожат. Зовите-меня входит с пергаментом в руке:

– Когда мы начнем обращаться к вам лорд Кромвель, сэр?

– Когда пожелаете.

– Я подумал... теперь, когда вам пожалован титул, не стоит ли вернуться к вашему происхождению? – Он разворачивает разноцветный свиток. – Это герб Ральфа Кромвеля из замка Таттершолл. Он был казначеем великого Гарри, завоевавшего Францию.

Сколько можно?

– Я не имею никакого отношения к лорду Ральфу, равно как и он ко мне. Вы знаете, кем был мой отец и откуда я родом. Если не знаете, спросите Стивена Гардинера. Он посылал своего человека в Патни выведать мои секреты.

Зовите-меня изнывает от желания спросить: и выведал? Но от темы не отклоняется:

– Вы должны пересмотреть свои взгляды на этот вопрос. Так будет удобнее королю.

Ричард говорит:

– Удобней, чем сейчас, ему уже никогда не будет.

– Однако если бы вы носили древнее имя, то пользовались бы большим уважением. Не только среди вельмож, но и среди простонародья, не говоря о чужеземных дворах. За границей говорят, будто Генрих вас прогнал, а на ваше место посадил двух епископов.

– Держу пари, один из них – Гардинер. – Он обожает эти умозрительные миры, что прорастают в складках правды. – А что еще говорят?

– Что любовников конкубины четвертовали, а ее заставили смотреть, прежде чем сожгли на костре. Считают нас такими же варварами, как сами. Говорят, все семейство под замком. Предвижу, ее отцу будет нелегко убедить людей, что он жив. Я полагаю, вы не тронули его, потому что... – Зовите-меня запинается. – Потому что он поступил так, как вы ему велели. Люди должны знать, что за это полагается награда.

Если можно назвать наградой такую жизнь, какая предстоит Томасу Болейну.

Он говорит:

– Я верю в экономию. Палачу нужно платить, Ризли. Думаете, он предлагает свои услуги *gratis*?¹¹

Зовите-меня замолкает, моргает, набирает побольше воздуха и с искренним рвением продолжает:

– Говорят, что леди Мария уже вернулась ко двору и примерила драгоценности покойной королевы. Что король собирается выдать ее замуж за сына французского короля герцога Ангулемского и что герцог будет жить в Англии, готовясь взойти на престол.

– Я слышал, она не имеет склонности к замужеству.

---

¹¹ Бескорыстно (лат.).

– Так вы обсуждали с ней этот вопрос?

– Кто-то же должен поддерживать надежды французов.

Зовите-меня сомневается, – возможно, его дразнят? Он, лорд Кромвель, изучает герб другого лорда Кромвеля:

– Я предпочел бы корнуольских галок кардинала. Что сегодня из Кале?

В Кале злоба и междоусобицы знатных семейств заперты внутри городских стен. Эти крошащиеся стены, английская защита – бездонная яма для денег, кишашая слухами, подтачиваемая интригами. Кале – своего рода чистилище. Несчастный ждет не дождется, но не прощения, а попутного ветра. Все, о чем говорят в крепости, несется через море с шипением и грохотом волн, разбиваясь о стены Уайтхолла. Кале наша последняя опора на материке, его пределы – наша последняя территория. Управлять Кале должен самый стойкий и верный из слуг короля. Вместо этого там правит лорд Лайл. Он приходится Генриху дядей, один из бастардов короля Эдуарда, и Генрих обожает товарища по детским играм. Лорд Лайл уже хлопочет о том, чтобы его не забыли при дележке имущества Болейнов. Раньше, для того чтобы выбивать синекуры и поблажки, у него был Гарри Норрис, не позволявший королю о нем забыть. Прошли те времена, теперь Норрис кормит могильных червей.

Зовите-меня говорит:

– Это жена Лайла мутит воду. Она ведьма, к тому же папистка. Вы знаете, что у нее есть дочери от первого брака? Она вечно пыталась пристроить их в свиту Анны. А теперь рассчитывает на новую королеву.

– Мне кажется, у Джейн хватает фрейлин, – говорит он. – Зовите-меня, я попрошу вас с Рейфом поехать в Хансдон. Попытайтесь образумить Марию. Но будьте с ней ласковы. Она нездорова.

Письмо Марии по-прежнему лежит у него в кармане. Даже в собственном доме он не решается оставить его без присмотра. Мария пишет, что у нее слезятся глаза, ноют зубы, а по ночам она не может сомкнуть век. И только свидание с отцом способно ее утешить. Неверные друзья разлучили их. Когда они будут изгнаны или сокрушены мечом правосудия, когда ложные советчики будут сброшены в Темзу, тогда король, ее отец, обратится к ней, и пелена спадет с его глаз, и он увидит свою дочь и наследницу в истинном свете.

Однако сначала король должен призвать ее к себе. Позволить ей согреться в лучах его славы. До той поры она – дева в зачарованном саду. Ждет того, кто прорвется сквозь колючие заросли и разрушит чары.

– Поезжайте сами, сэр, – говорит Ризли.

Он мотает головой.

– Не желаете быть разносчиком дурных вестей?

– Она любит отца, – говорит он. – И ей придется ему поверить. Король не потерпит своеволия. Тем более от собственного дитяти.

Солнце садится, последний теплый луч ложится на стол. На столе «Декреталии папы Григория» с обширными примечаниями и монограммой: «ТС» – *Thomas Cardinalis*. В неверных сумерках, в которых тени словно текучая вода, он видит фигуру королевской дочери: она съжилась, ушла в себя, лицо бледное, упрямое. Его зачаровывает осторожное смещение света, где она, живой призрак, выстраивает себя по частям. Она на него не смотрит – он смотрит на нее.

– Ризли, вы должны сказать ей: «Смирение, мадам, вот добродетель, которая вас спасет. Истинное смирение – это не раболепство, оно не унижит вас, не затронет вашу совесть. Скорее его можно назвать преданностью».

– Так и быть, – говорит Зовите-меня, – раз вы считаете, что я должен обращаться к ней, как вы обращаетесь к палате общин. Вероятно, следует упомянуть, что смирение снимает немалую долю ответственности.

– Думаю, это ее утешит. Но не говорите с ней как с малым ребенком. И не пытайтесь ее запугать. Она храбра, как ее мать, и способна дать отпор. Более того, она упряма, как мать, и может занять оборону. Если она разозлится, отступите и передайте слово Рейфу. Вы должны воззвать к ее женской природе. К ее дочерней любви. Скажите ей, как это ранит ее отца, – он прикладывает руку к сердцу, – ранит вот здесь, скажите, что ей следует думать не о мертвых, а о живых.

Фигура мастера Ризли расплывается: он теряет очертания, его окутывает ночь. Ему хочется, чтобы принцесса не исчезала, пока она не растает в пламени его воли, а это случится, если он найдет нужные слова, которые заставят ее усомниться в собственной правоте.

– Сэр, – говорит Ризли, – по-моему, вам известно то, что неизвестно остальным.

– Мне? Ничего я не знаю. Никто мне ничего не рассказывает.

– Это как-то связано с Уайеттом?

Рейф сказал, что стихи, обвиняющие Уайетта, полные зашифрованных обвинений и горьких шуток, имеют хождение между придворными в непосредственной близости от короля. Листок вкладывают в молитвенник, втискивают в перчатку, используют в игре вместо пикового короля.

– Все напуганы, – говорит Зовите-меня. – Все оглядываются через плечо. Гадают, не будет ли выдвинуто новых обвинений. Я беседовал с Фрэнсисом Брайаном, и, когда всплыло имя Уайетта, он потерял нить разговора и посмотрел на меня так, словно видит впервые.

– Фрэнсис? – смеется он. – Вероятно, был пьян.

– По-моему, дамы тоже боятся. Когда я доставил послание королеве Джейн, они встрепенулись, начали переглядываться, подавать друг другу знаки...

– Мой бедный мальчик! Вы входите – и женщины начинают переглядываться. Неужели с вами такое впервые? Расскажите мне, какие знаки они подавали друг другу, и я постараюсь их расшифровать.

Зовите-меня вспыхивает:

– Сэр, это не шутки. Королева – та, другая – заплатила за деяния, которые совершила, но этим дело не кончилось. Тыходишь в комнату, слышишь, как хлопает дверь, как кто-то шархается при твоём приближении. И в то же время чувствуешь, что за тобой следят.

Следят, а ты как думал?

– Все решили, – продолжает Зовите-меня, – что Анну сгубило признание Уайетта, но никто не понимает, что заставило его так поступить, его считали храбрым и...

– Неразумным?

– Не совсем. Скорее галантным. Все гадают, чем Анна ему насолила и почему мед обратился желчью? Лучше бы их похоронили в одной могиле, чем...

Неудивительно, что ты запинаешься. Порой наши фантазии, словно танцоры, неожиданно и резко взмывают вверх. И мы видим ящик для стрел, узкий даже для одного тела.

– Они считают, что Уайетт должен был умереть ради любви, а сами ради нее не готовы перейти улицу.

Он думает об Уайетте в тюрьме. Сумерки напозают от ручейков и протоков Темзы, последний луч света скользит, словно шелк, всплывает на поверхность, уходит под воду. Свет движется, в то время как вода неподвижна. Он видит Уайетта издаека, словно отражение в зеркале или сквозь время.

Он говорит Ризли:

– Доброго пути. Запоминайте все, что скажет Мария. Как выйдете от нее, сразу запишите.

Он идет в спальню, Кристоф топаёт за ним.

– Этот чудной Мэтью, – говорит Кристоф. – Я слышал, его повысили. Отошлите его обратно в Вулфхолл. Ему только свиней пасти, а не прислуживать лорду.

– Надо было мне самому поехать к Марии, – говорит он. – Вернулся бы прежде, чем об этом начнут судачить.

Он затворяет дверь, завершая день.

Кристоф говорит:

– Как раньше, когда мы ездили в Кимболтон, чтобы втайне повидать старую королеву. Когда мы остановились на постоялом дворе, женка трактирщика...

– Прекрати, хватит уже.

– ...запрыгнула к вам в постель. На следующее утро вы велели мне заплатить по счету и дали свой кошелек. А в Кимболтоне мы остановились у церкви. Помните, я свистнул и появился священник?

Он помнит каменного дьявола, его змеиные объятия, зеленовато-голубые перья на крыльях архангела Михаила, его разящий меч.

– Мы решили тогда, вам нужно исповедаться. Надеялись послушать. Но вы не стали исповедоваться. И даже если мы раскаемся, прощения нам не видать, если мы намерены грешить снова.

Он видит себя в оконном стекле, раздетого до рубахи, яркий всполох белого. Без парчи и бархата он выглядит грузным – тяжелый отруб мясницкой туши. Его седеющие волосы коротко стрижены, и нечему смягчить черты, которыми наказал его Господь: маленькие рот и глаза, большой нос. Нынче он носит льняные рубахи столь тонкие, что сквозь них можно читать английские законы. У него есть бархатный зеленый джеркин, который сшили в прошлом году и прислали в Вулфхолл; есть пурпурный джеркин для верховой езды. От прошлой коронации у него остался темно-багровый, в котором, как сказала фрейлина Анны, он был похож на ходячий синяк. Если человека создает одежда, то он создан, но никто, даже в юности, не говорил ему: «Наш Томмазо сегодня красавчик». В лучшем случае: «Раненько надо проснуться, чтобы опередить этого дюжего английского ублюдка». Никто не скажет, что он хорошо смотрится в седле, – он просто садится на лошадь и едет куда надо. Он пускает лошадь неспешным шагом, но на месте оказывается раньше прочих.

Ночь теплая, но Кристоф развел слабый, потрескивающий огонь и поставил на него мисочку с ароматическими травами и ладаном – эта смесь убивает любую заразу. Толстые восковые свечи, ждущие прикосновения тонкой свечи, чернила, записная книга, открытая на чистой странице, в случае если он проснется и решит внести еще пункт в список завтрашних дел. Похоже, мне нужно выспаться, говорит он Кристофу, и Кристоф отвечает: посла давно след простыл, даже Зовите-меня убрался, мастер Ричард дома с женой, король читает молитвы или пытается ублажить королеву, птицы сложили головки под крыло, заключенные сопят в Тауэре, Маршалси, Клинке и Флите. Дик Персер уже выпустил сторожевых псов. Бог в своих небесах. Ворота на засове.

– А я наконец в собственной спальне, – говорит он.

Семь лет назад, когда Флоренция, осажденная войсками императора, умоляла французов о помощи, члены городского совета пришли в дом к торговцу Боргерини и заявили: «Мы хотим купить вашу спальню». Прекрасные расписные филенки, роскошные занавеси и прочее должны были растопить сердце короля Франциска. Но Маргарита, жена торговца, заупрямилась и прогнала просителей прочь. Не все в жизни продается, заявила она. Эта комната – сердце моей семьи. Вон отсюда! Если хотите забрать спальню, придется переступить через мой труп.

Он не готов жертвовать жизнью ради мебели. Но он понимает Маргариту и никогда не сомневался в правдивости этой истории. Наши вещи переживут нас, преодолечат потрясения, которые нас сломят. Мы должны быть достойны их, потому что, когда нас не станет, они будут свидетельствовать о нас. В этой комнате есть вещи тех, кто уже не может ими воспользоваться. Книги, которые подарил ему его хозяин Вулси. Одеяло желтого турецкого атласа, под которым он спал с Элизабет, своей женой. В сундуке лежит резной образ Пресвятой Девы, завернутый в

стеганный чепец. Гагатовые четки свернулись в ее старом бархатном кошельке. Есть еще наволочка, на которой она вышивала оленя, бегущего сквозь листву. Смерть ли оборвала работу, или Элизабет сама ее бросила, недовольная результатом, но иголка осталась в ткани. Позднее другая рука – ее матери или одной из ее дочерей – вынула иглу, но остались два прокола, и, если провести пальцем вдоль линии стежков туда, где они должны были продолжиться, почувствуешь два крохотных бугорка. У него есть сундучок фламандской работы, который перенесли из соседней комнаты, и в нем, переложенные пряностями, лежат ее рукава, ее золотая шапочка, ее юбки и чепцы, ее аметистовое кольцо и кольцо с алмазной розой. Если она войдет, ей будет во что одеться. Однако жену не сотворишь из чепцов и рукавов; сожми в ладони все ее кольца, но ты не сожмешь ее руку.

Кристоф говорит:

– Вы грустите, сэр?

– Нет, не грущу. Не могу себе позволить. Я слишком многого достиг, чтобы грустить.

Я был прав, говорит он, мне не следует ехать к Марии. Пусть все идет как идет, посмотрим, какие вести привезут Рейф и Зовите-меня. Вот кардинал, думает он, был мастером в подобных делах. Вулси всегда говорил: разберись, чего хотят люди, и, может быть, ты сумеешь предложить им именно это. И пусть ты ошибешься, но все может пройти легче, чем ты ожидал. С Томасом Мором не вышло. Мор вел себя словно утопающий, который отталкивает протянутую руку. Он предлагал ему руку снова и снова, неизменно встречая отказ. Для Генриха век уговоров позади – он закончился, когда Мор каплями стек на эшафот, утонув в крови и дождевой воде. Отныне настал век принуждения, и королевская воля – инструмент, который каждое утро затачивает кузнец: остроконечный, жалающий, он глубоко ввинчен в наш испорченный век. Ты увидишь, как Генрих, изощренный обманщик, берет посла под руку и попытается очаровать. Ложь доставляет ему глубокое и утонченное удовольствие, такое глубокое и утонченное, что он даже не осознает своей лжи, искренне считая себя правдивейшим из государей. Генрих считает, что он, Кромвель, недостаточно знатен, чтобы беседовать с чужеземными вельможами, поэтому ему остается только стоять у стены и не сводить глаз с королевского лица. Впоследствии они с послом перекинутся парой фраз: «Кремюэль, неужели на этот раз я должен ему верить?» Вы просто обязаны, посол, скажет он. «Вы считаете, я только вчера родился на свет? Сегодня он говорит одно, а что скажет через неделю?» Верьте мне, посол, готов поклясться, я прослежу, чтобы он сдержал слово. «Но чем вы поклянетесь, если выкинули вон святые реликвии?»

Он кладет руку на грудь. Моей верой, говорит он.

– Ах, господин секретарь, – скажет посол, – вы слишком часто прижимаете руку к груди. А ваша вера представляется мне весьма легковесной, способной меняться день ото дня.

После чего посол, оглянувшись через плечо, придвинется ближе:

– Нам нужно встретиться, Кремюэль. Давайте поужинаем.

Затем кости встряхивают в стаканчике, и уже не важно, знатен ты или нет. Он будет договариваться снова и снова, и посол, исполнившись доверия, выложит ему свои беды. «Мой господин, мой господин император, мой господин король... в некотором смысле он очень похож на вашего... и, держу пари, мой дорогой Кремюэль, ваши заботы не слишком отличаются от моих». Посол будет лгать и выдавать правду за ложь, внимательно следя за реакцией. И когда Кремюэль наконец кивнет, они выберутся на твердую почву. Поднимая брови, усмехаясь, они продолжают торг, обмениваясь вынужденной ложью – легко, словно перепрыгивают через лужи. Его новый друг поймет, что правители не чета обычным людям. Правителям приходится прятаться от самих себя, чтобы их не ослепил собственный свет. И когда вы это осознаете, то можете возводить барьеры, скрывающие лицо, ширмы, чтобы за ними улаживать дела, потаенные углы, куда можно уединиться, открытые пространства, где можно развернуться и все переиграть. В этом есть своя прелесть, ты наслаждаешься собственной ловкостью, но есть и

цена: привкус желчи во рту и усталость. Жан де Дентвиль однажды спросил его, вы не задумывались, Кремюэль, почему мы все время лжем? И не кажется ли вам, что, когда мы будем исповедоваться на смертном одре, сила привычки непременно заведет нас в ад?

Впрочем, и эти слова француза были уловкой, попыткой выведать что-то свое. В зале совета, в присутствии и в отсутствие короля, у них есть условные жесты и вздохи – словно контрапункт тому, что может быть сказано вслух. Но когда джентльмен из личных покоев сообщает, что его величество задерживается, все ерзают, скрывая облегчение. Советники гадают, что случилось: конная прогулка, несварение или лень, а возможно, король просто устал от наших лиц? Кто-нибудь непременно скажет: «Господин секретарь, может быть, вы начнете?» И, ведомые им, они запускают новый виток перебранок и ссор, однако над столом витает тайный дух товарищества, который негоже проявлять при короле, предпочитающем видеть своих советников разобщенными. Если советники хмурятся, король улыбается – неизменно великодушный правитель. Если лезут в драку – воздаст зачинщикам должное. Если проявляют настойчивость, король смягчается, уговаривает, очаровывает. Это его советники, шайка отъявленных злодеев, которые берут на себя его грехи. Те, кто соглашается быть хуже ради того, чтобы Генрих стал лучше.

В июне ночи коротки, но, когда городские ворота запирают и гасят огни, он, Кремюэль, задерживает занавески и запирается наедине с заботами об Англии. За пределами этой спальни, этой кровати, тьма расплзается до самого побережья, летит над волнами: к стенам Кале, через сонные поля Франции и темные заснеженные пики, через Италию к султанатам. Ночь укутывает Лондон одеялом, будто нас уже нет и над нами могильный покров, черный бархат и холодный серебряный крест. Сколько жизней мы проживаем, где спим и видим сны и где забытые языки снова вползают в рот. Когда он был ребенком, его звали Ножи-Точу, потому что отец точил ножи. Ему не исполнилось и двенадцати, а он уже выбивал мелкие отцовские долги: дружелюбный, улыбающийся, настойчивый. В пятнадцать скитался с приятелями где придется, вечно в бегах, в синяках, в поисках новых синяков и новых драк. Наконец, когда он подался в солдаты к королю Людовику, за синяки стали платить. Тогда он говорил на французском – аргю бивуаков. Он говорил на любом языке, потребном для торговли или обмена – от холщовых мешков до статуй святых, скажи, что тебе нужно, и я это раздобуду. В восемнадцать две из его жизней были прожиты. Третья началась во Флоренции, во дворе дома Фрескобальди, куда он приполз израненный с поля сражения. Опираясь на стену, он мутным взором разглядывал новое поле битвы. Со временем хозяин взял его наверх – молодого англичанина, способного договариваться с соотечественниками и впоследствии ставшего незаменимым: честного, неболтливового, почтительного к старшим, не привыкшего ныть, не знающего усталости, готового исполнить любое поручение. Он не похож на других англичан, хвастался его хозяин приятелям: не дерется на улицах, не плюется как дьявол, носит кинжал, но прячет его под одеждой. В Антверпене он начал сызнова писарем у английских купцов. Он итальянец, кричали они, весь ловкость и коварство и способен добывать прибыль из воздуха. Это была его четвертая жизнь: Нидерланды. Он говорил по-испански и на языке, который был в ходу в Антверпене. А потом оставил и эту жизнь – вдову Ансельму в ее домике, полном теней, выходящем на канал. Ты должен вернуться домой, говорила она, найти молодую англичанку с хорошим приданым, а я буду надеяться, что она сделает тебя счастливым в постели и за столом. В конце концов она заявила, Томас, если ты сейчас не уйдешь, я сама соберу тебе котомку в дорогу и выброшу ее в Шельду. «Садись на корабль», – говорила она, словно тот корабль был последним.

Следующую жизнь он прожил с женой, дочерьми и своим хозяином – великим кардиналом. Это и есть моя настоящая жизнь, думал он, наконец-то я до нее добрался: но стоит так подумать, и снова пора собирать котомку. Его разум и сердце путешествовали вместе с кардиналом на север, в изгнание. Путешествие оборвалось на полпути, и его похоронили в Лестере,

зарыли вместе с Вулси. Шестую жизнь он прожил государственным секретарем, слугой короля. Седьмая – лорда Кромвеля – только начиналась.

Для начала, думает он, нужно устроить церемонию – короновать Джейн. Для Анны Болейн я расставил на улицах говорящих святых и соколов в человеческий рост. Я размотал мили синева, словно дорогу в рай, от дверей аббатства до трона. Я заплатил за каждый ярд, и вы, миледи, прошли по этому пути. Теперь все сначала: новые знамена, расписные полотнища с геральдическим фениксом; с утренней звездой, райскими вратами, кедром и лилией среди терний.

Он ворочается во сне. Ступает по синеве, по волнам. В Ирландии нужны большие луки, а хороший лук идет по пять марок за два десятка. В Дувре нужны деньги, чтобы платить за починку крепостных стен. А еще лопаты, совки и сорок дюжин землекопов, причем нужны были вчера. Сделать пометку, думает он, а еще разобраться, что тревожит фрейлин. Это заметил Зовите-меня, это заметил я. Тут что-то нечисто. Этим женщинам есть что скрывать.

В Кенте вдова Джорджа Болейна разбирается с делами и пытается взглянуть в лицо будущему: она написала ему, что нуждается в деньгах. Бет, жена графа Вустерского, со своим громадным животом удалилась в деревню. Ребенок не от него, что бы ни болтали при дворе. Если родится мальчик, граф расшумится, если девочка – пожмет плечами и примет дитя. Женщины могут ошибаться в расчетах. Повитухи могут ввести их в заблуждение.

Однажды в Венеции, думает он, я видел женщину, нарисованную на стене высоко над каналом, а позади нее были луна и звезды. «Подними факел, – сказал ему Карл Хайнц. – Видишь ее, Томмазо?» И на миг он ее увидел – она смотрела со стены Немецкого подворья на Кремуэлло, который шел к ней из самого Патни. Он был ее паломником, она – его святыней. Обнаженная, увитая венками, она приложила руку к своему пылающему сердцу.

На эшафоте Анне прислуживали четыре женщины. Они оскальзывались в ее крови. Их лица скрывали вуали, и ему не верится, что это те, кто был с ней в последние недели, те, кого он сам к ней приставил, чтобы записывали ее слова. Хочется думать, что король, вняв мольбам, позволил ей самой выбрать спутниц для последней прогулки по неровной земле, когда ветер трепал ее юбки, и она все оглядывалась через плечо, навстречу вестям, которых не дождалась.

Леди Кингстон, думает он, скажет мне, кто они. Но должен ли я знать? У них останутся воспоминания об этом дне. Возможно, они захотят ими поделиться.

Оставьте меня, говорит он им, я должен выспаться. Замрите под вашими вуалями по углам кровати. Плотнее запеленайте эту голову с отверстым в крике ртом. Вы знаете, на что способен взгляд Медузы. Нельзя смотреть ей в лицо. Уловите ее образ в полированной стали. Всмотритесь в зеркало будущего: незапятнанное, *specula sine macula*¹². Мы украсим город для Джейн. На каждом углу будет райский сад с девой в беседке, оплетенной полосатыми ало-серебряными розами; змей обвил ствол яблони; певчие птицы, пойманные Адамом, сидят в клетках на суку.

Завтра он ответит на письмо вдовы Джорджа Болейна. Джейн хочет получить столовое серебро и вещи мужа. У нее всего сотня марок в год, а этого недостаточно для благородной дамы, которой больше не суждено устроить судьбу, – кто польстится на женщину, которая пришла к Томасу Кромвелю и обвинила собственного мужа в том, что он спал с сестрой и замышлял убить короля.

Нам не сбежать из этих недель. Они повторяются, всякий раз сызнова, всякий раз иначе, и никогда не кончаются. Когда Анну арестовали, каждый час приносил ему письма от Кингстона, коменданта Тауэра. Рейф изучал их, в каких-то делал пометки, какие-то оставлял для архива. «Сэр Уильям пишет, королева снова говорит, что король отошлет ее в монастырь. И тут же

¹² Зеркало без изъянов (лат.).

– что за свои добрые дела она отправится прямоком в рай. Пишет, что королева все время смеется. Отпускает шутки. Говорит, потомки запомнят ее как Анну без головы».

– Бедняжка, – заметил Ризли. – Едва ли потомки запомнят ее.

Рейф посмотрел на письмо:

– Я должен зачитать: «Эта дама черпает в смерти радость и удовольствие».

– По-моему, это выдает ее страх, – сказал Ричард Кромвель.

– Если так, – ответил Зовите-меня, – ей нужны капелланы.

– А еще, – продолжил Рейф, – она хочет сообщить господину секретарю, что через семь лет после ее смерти на страну обрушатся невиданные бедствия, но какие именно, она не уточняет.

– Хорошо хоть она дает нам отсрочку, – сказал он.

– Возможно, Анна обнаружит, что Господь не готов исполнять ее пожелания с таким рвением, с каким их исполняли мужчины. – Рейф распечатал еще письмо и пробежал его глазами. – Джордж Болейн хочет вас видеть, сэр. Пишет, это вопрос его совести.

– Хочет исповедоваться? – Ризли поднял бровь. – Чего ради? Расследование завершено, а его преступления столь отвратительны, что даже милосерднейший из правителей не принял бы его покаяния. Думаю, избеги он кары, люди на улице побили бы его камнями или его поразил бы сам Господь.

– Избавим Господа от хлопот, – сказал Ричард. – Ему есть чем заняться.

Он заметил косой взгляд Ризли. Мальчишки сражались за влияние, за место рядом с ним.

– Лорд Рочфорд оставил долги, – сказал он. – Он хочет, чтобы я привел в порядок его дела.

– Не думаю, что его беспокоят долги, – заметил Рейф. – Похоже, мне недостает милосердия. Хотите схожу вместо вас, сэр?

Он мотнул головой. Джордж Болейн, мужчина, который возвысился благодаря тому, что обе его сестры раздвинули ноги перед королем. Сначала Мария, затем Анна. Но когда тебя зовет умирающий, ты должен явиться лично.

Позднее, ведя его в Мартинову башню, Кингстон сказал:

– Кроме вас, никто ему не поможет, господин секретарь. Он думал, у него есть друзья. – Комендант оглядывается. – Однако его друзья оказались в таком же положении.

Джордж читал молитвенник.

– Сэр, я знаю, вы мне поможете. – Он вскочил, слова путались. – У меня есть долги, а кое-кто должен мне...

– Не спешите, милорд. – Он поднял руку. – Послать за писарем?

– Нет, всё здесь. – Джордж перебирает стопку бумаг на столе. – А еще у меня есть труппа актеров. Вы дадите им работу? Мне бы не хотелось, чтобы их вышвырнули на дорогу.

Это он исполнит. Он как раз намерен развлечь лондонцев.

– Монахи и их жульничества, – сказал он. – Двор Фарнезе в Риме и его подхалимы.

Джордж воодушевился:

– У нас есть все необходимое! Тиара, посохи, епитрахили, а еще колокольчики, свитки и ослиные уши для монахов. Один из актеров, он играет Робина Доброго Малого, он выходит с метлой и метет перед актерами, а после еще раз выходит со свечой, показать, что представление окончено. Вот, сэр. – Джордж придвигает ему бумаги. – Король получит все, и мои долги тоже, но эти скромные люди, которые мне задолжали, я не хочу, чтобы их преследовали.

Он взял бумаги:

– Никогда не поздно проявить заботу о ближнем.

Джордж вспыхнул:

– Я знаю, вы считаете меня великим грешником. Таков я и есть.

Он видел, что Джордж в наилучшей форме. Под глазами синяки, выбрит плохо, словно во время бритья ему не сиделось на месте. Джордж опустился в кресло, сжал рукой подлокотник, чтобы унять дрожь, с удивлением всмотрелся в нее – и впрямь, пальцы выглядели непривычно голыми.

– Я отдал кольца на хранение. – Поднял другую руку. – Но обручальное не снимается...

Снимется, когда твои пальцы остынут. Кому достанутся украшения Джорджа? Вдова их продаст.

– Вы в чем-нибудь нуждаетесь, милорд? Кингстон делает все, что должен?

– Я хотел бы увидеть сестру, но вы не позволите. Пусть успокоится и приготовится к встрече с Господом. По правде сказать, господин секретарь, – Джордж хохотнул, – я не представляю себе встречу с Богом. По закону я уже мертв, но, кажется, этого не сознаю. Удивляюсь, что до сих пор дышу. Мне нужно записать это, объяснить, или... быть может, вы мне объясните, мастер Кромвель? Как я могу быть одновременно живым и мертвым?

– Читайте Евангелие. – Лучше бы я послал Рейфа, подумал он. Гордость не позволила бы Джорджу утратить перед ним самообладание.

– Я читал Евангелие, но не следовал ему, – сказал Джордж. – Думаю, я его не понимал. Потому что, если бы понимал, остался бы в живых, как вы. Жил бы себе в тишине, вдали от двора. Презирал свет и его соблазны. Сторонился суеты, забыл о честолюбии.

– Никто из нас на такое не способен, – заметил он. – Все мы читаем проповеди. И даже пишем их сами. При этом все мы тщеславны, честолюбивы и не умеем жить в тишине и покое. Мы просыпаемся утром, чувствуем, как кровь бурлит в жилах, и думаем, во имя Пресвятой Троицы, чью голову я должен снести с плеч сегодня? Какие новые миры завоевать? Или, по крайней мере, думаем: если Господь сделал меня матросом на корабле дураков, как мне убить пьяного капитана, чтобы отвести корабль в порт и не разбиться о скалы?

Вряд ли он сказал это вслух. Судя по лицу Джорджа, все-таки про себя. Джордж задал вопрос и ждал ответа, подавшись вперед.

– Том Уайетт сказал, что имел мою сестру?

– Его свидетельство не было публичным и не дошло до суда.

– Но оно дошло до короля. Не понимаю, как Уайетт мог сказать такое и остаться в живых? Почему Генрих не убил его на месте?

– С какого-то времени короля перестало заботить ее целомудрие.

– Хотите сказать, одним больше, одним меньше? – Джордж вспыхнул. – Господин секретарь, не знаю, как вы это называете, но я отказываюсь считать это правосудием.

– Я никак это не называю, Джордж. Или, если хотите, можно назвать это *necessita*¹³.

Он почуял в углу ночной горшок Джорджа. Очевидно заметив его деликатное внимание, то, как вздрогнули его ноздри, Джордж сказал:

– Я мог бы вылить горшок сам, но меня не выпускают. – Он развел руками. – Господин секретарь, я не стану ничего оспаривать. Ни вердикт, ни обвинение. Я знаю, почему мы умираем. Я не такой дурак, каким вы меня всегда считали.

Он промолчал. Однако Джордж отпихнул кресло и последовал за ним к двери:

– Мастер Кромвель, помолитесь Господу, чтобы укрепил меня на эшафоте. Я должен показать пример, если, как я полагаю, в соответствии с моим положением, начнут с меня...

– Да, милорд, вы будете первым.

Виконт Рочфорд. Затем остальные джентльмены. Последним лютнист.

– Лучше бы первым шел Марк, – сказал Джордж. – Он простолюдин и, скорее всего, сломается. Но я не думаю, что король нарушит традиции.

¹³ Необходимость (лат.).

И тут Джордж зарыдал. Раскинул руки, привыкшие к шпаге, – молодые, сильные, полные жизни – и обхватил Томаса Кромвеля, словно сцепился с самой смертью. Его тело сотрясало, ноги дрожали, он съежился и зашатался, словно репетируя то, что не позволил бы увидеть миру, – свой страх, неверие, безумную надежду, что все это сон, от которого можно проснуться. От слез глаза стали как щелки, зубы стучали, руки слепо шарили по его спине, голова клонилась к его плечу.

– Храни вас Господь, – сказал он и поцеловал лорда Рочфорда на прощание, как равного. – Скоро ваша боль останется позади. – За дверь велел стражникам: – Бога ради, вынесите его горшок.

И вот он просыпается в собственном доме. Джордж ретируется, унося с собой привкус своих слез. В комнате затихают шаги. Он распахивает занавески: тяжелый бархат, вышитый листьями аканфа. Еще не рассвело. Я спал всего ничего, думает он. Иногда, когда размышляете над тем, как утекают и притекают деньги, вас может сморить сон: река намывает монеты, и вы подбираете их на берегу. Но затем в ваш сон вторгаются люди: «Сэр, если вам нужны писари для нового ведомства, мой племянник хорошо управляетс^я с цифрами...» Не простое это дело – упразднить монастыри. Даже несмотря на то, что сейчас распускают только мелкие. У некоторых земли в десяти графствах. Добавьте движимое и недвижимое имущество, деньги, что пойдут в королевскую казну... впрочем, из них еще придется вычест^ь долговые обязательства, пенсии, дарственные, ренту. Он учредил новую службу, которая займется проверкой расчетов, доходами и расходами. «Сэр, мой сын изучает древнееврейский и ищет пост, где пригодится его греческий...» Со времен Вулси у него остались тридцать четыре туго набитых сундука с бумагами. Нужно перевезти их. «Ваш сын способен таскать тяжести?» Может, Ричард Рич согласится хранить их у себя дома. Недавно он назначен канцлером палаты приращений, но места для нового ведомства нет – ему отвели в Вестминстерском дворце небольшой закуток, который приходится делить с мышами. Это не дело, думает он. Я построю для нас дом.

На мече палача из Кале слова молитвы. «Покажите мне», – просит он. Он помнит выгравированные слова, чувствует их под пальцами. Любовников Анны обезглавили, а после раздели. Пять льняных саванов. Пять тел. Пять отрубленных голов. Когда мертвые восстанут из могил, они захотят узнать себя. Какое кощунство приложить голову не к тому телу! Вы только подумайте, что сотворили эти неумехи из Тауэра! Когда подмокшую ношу сгрузили с телеги, без всяких знаков отличия, то обнаружили, что не могут определить, кто есть кто. Его с ними не было, он был в Ламбетском дворце с архиепископом, поэтому обратились к его племяннику Ричарду: «Сэр, что нам теперь делать?»

Я бы развернул саваны и посмотрел на руки, думает он. У Норриса на ладони был шрам, у Марка мозоли от струн, Уэстон в детстве лишился ногтя, Джордж Рочфорд... у Джорджа на пальце обручальное кольцо. Остается Бертон. Если, конечно, эти болваны по ошибке не срубили голову случайному прохожему.

Что мне нужно, думает он, так это люди, владеющие счетом. Способные сосчитать пять голов, пять тел и тридцать четыре сундука бумаг. *Умеет ли ваш сын считать? Готов выйти из дома в любую погоду? Без усталости скакать по зимним дорогам?* Клерки, которые трудятся в палате приращений, честны и знают свое дело: Данастер и Фримен, Джобсон и Гиффорд, Ричард Полет, Скъюдамор, Арундель, Грин. Нанял ли он Уотерса и может ли представить его Спилмену? Его друг Роберт Саутуэлл, Боллз, Морис и... кто еще? Кого он забыл?

Когда Анну разрубили на две части, человек из Кале показал ему свой меч, и он провел пальцами по выгравированным словам. От прикосновения к стали пальцы немеют. Когда я похолодею, я сниму это обручальное кольцо. Он шагает к королю, всегда к королю, его руки – без колец, без оружия – распахнуты. Шелковые джентльмены из его сна поворачиваются и смотрят ему вслед. Лица Говардов накладываются на ухмылки Говардов. Томас Говард старший, Томас Говард меньшей. В полусне он спрашивает себя: чем занимается младший, на что

тратит свое время? Это ведь тот, который плохой поэт. Его рифмы падают и шлепаются. Тебя-Любя. Ночь-Прочь. Розы-Грезы. Радость-Младость. Тяп-Ляп.

Зачем ты считаешь Говардов, думает он. Считай клерков. Бекуит, я забыл Бекуита. Саутуэлл и Грин. Гиффорд и Фримен. Джобсон и Стамп – Уильям Стамп. Кто способен забыть Стампа?

Я. Очевидно.

Все нужно записывать, наставляет он своих людей. Не доверяйте себе. Человеческая память изменчива. Вы чиновники палаты приращений. Двадцать фунтов в год плюс щедрая оплата издержек. Вы не сидите дома, вечно в пути, пересекаете королевство вдоль и поперек по делам службы. Вы будете загонять лошадей, если дело срочное. В каждом монастыре свои уставы, свои обязательства, свои монахи. Некоторые аббаты говорят: «Пощадите нас», и он говорит, возможно, пощадим. Заплатите в казну доход за два года, и мы подумаем, не сделать ли для вас исключение. Монастыри надо закрывать помедленней, чтобы монахи – те, кто пожелает, – нашли себе место в крупных обителях. Надо назначить аудиторов. Некоторые уже назначены, и троих зовут Уильямами. А еще есть Майлдмей и Уайзмен, Роукби и Бергойн. Но не Стамп. Прочь из моего сна, Стамп. Во времена Христа не было ни монахов, ни Стампа. Палате нужны гонцы и привратник. Кто-то должен сдерживать толпу просителей, но при этом открывать дверь. Плати ему *per diem*¹⁴, остальное он доберет подношениями. Разве ты не хочешь, чтобы перед тобой распахивали дверь, если ты готовишься завоевать мир? Фортуна, твои двери отворены: Томас, лорд Кромвель, входи.

Ныне Остин-фрайарз превращается в дом влиятельного человека, фасад освещен эркерными окнами, городской садик прирастает фруктовыми садами. Он купил прилегающие угодья у монахов и своих друзей – итальянских купцов, которые живут неподалеку. Он владеет окрестными землями, и в его сундуках: ларе орехового дерева с резными лавровыми венками и шкафе размером выше Чарльза Брэндона – купчие, разложенные в строгом порядке. Это его права и свободы, древние печати и подписи мертвых, заверенные городскими чиновниками, олдерменами и шерифами, чьи цепи переплавлены на монеты, а тела покоятся под землей. Здесь – на Брод-стрит, Свон-аллей и Лондон-уолл – трудились портные и скорняки. Две сестры унаследовали сад и до того, как их мужья продали его монахам, бродили под сенью плодовых деревьев, розовощекие в вечернем, пропитанном яблочным ароматом воздухе. Пальцы Изабеллы лежат на локте Маргариты. Сквозь сплетение ветвей они смотрят в небо, их ноги в деревянных башмаках приминают траву. Виноторговец продает склад, торговец свечами уступает лавку, склад и лавка отходят аббатству, минуют века – его палец прилежно водит по строчкам, – и ныне они принадлежат мне. Осторожно, не размажь имена, чернила еще не высохли: Саломон Ле Котилье и Фульке Сент-Эдмунд. Вот их печати: кролики, львы, цветы, святые мученики, птенцы в гнездах; городские гербы, подкова, дикобраз и сердце Христово. История пишется на коже: шкурах давно забытых овец и нерожденных ягнят; мертвые вырезают землю у нас из-под ног, и, когда он спускается по лестнице в Остин-фрайарз, ступени под ним расступаются, ниже другая лестница, видимая только мысленным взором, ступени ведут все глубже, туда, где римские легионы оставили свой прах в земле, стекло в глине и кости в реке. Все глубже и глубже ведут ступени, в недра его души, через Францию, Италию и Нидерланды, сквозь низины и зыбучие пески, топи и заливные луга, через поймы снов, покуда, потрясенный, он не пробуждается навстречу новому дню. Лязг наковальни, несущийся из кузни, сотрясает солнечный свет в комнате, где он, беспомощное дитя, лежит спеленатый, плохо соображающий со сна, словно впервые ощущая биение собственного сердца.

¹⁴ За день, поденно (лат.).

В Тауэре Томас Уайетт сидит за тем же столом, за которым он его оставил, в том же луче света, словно не сдвинулся с места со дня смерти Анны. Перед ним книга, и Уайетт не поднимает от нее глаз, не говоря о том, чтобы встать и приветствовать его, просто замечает вслух:

– Вам понравится, господин секретарь. Новая.

Он берет книгу. Стихи Петрарки, листает.

Уайетт говорит:

– В этом издании стихотворения расположены в порядке, который соотнобразуется с жизнью поэта. Они выстроены в связную историю. Или кажутся таковыми. Я всегда хотел иметь собственную историю, а вы? – Поднимает взгляд, голубые глаза блестят. – Выпустите меня. Я больше не выдержу и дня.

– Как раз сегодня король решил, что именно при французском дворе Анна рассталась с девственностью. Я хочу, чтобы он утвердился в этом мнении и не вспоминал об англичанах, которые могли оказаться у нее под рукой. Здесь безопаснее.

– Я вернусь в Кент. Не буду мозолить глаза. Уеду туда, куда скажете.

– Вам бы только куда-нибудь ехать, – говорит он. – Не важно куда.

Уайетт говорит:

– Я подбивал итог жизни – в этом году десять лет, как я впервые отправился во Францию с посольством Чейни. Мне сказали, что у меня молодые ноги и крепкий желудок, поэтому я был гонцом, болтался по волнам туда-сюда. Обливался потом, загонял лошадей, а Вулси спрашивал: «Где вас носило, юноша? Цветочки собирали?» Милорду кардиналу не было равных в скорости.

– Ему не было равных во всем.

– Теперь Болейны и их присные освободили для вас место. Вы можете приблизить к королю своих людей. Гарри Норрис, я понимаю, почему вы хотели от него избавиться. Брертон, Джордж Болейн – ясно, в чем ваша выгода. Но Уэстон совсем мальчишка. А Марк хоть и носил шляпу с брошью, но, ручаюсь, не нашел в карманах и двадцати пенсов, чтобы заплатить за саван.

– Бедный Марк, – говорит он. – Стоял на коленях перед Анной, а она смеялась над ним.

Он видит телегу, груженную телами, дерюга, которой тела прикрыты, пропиталась кровью, мальчишеская рука вывалилась наружу, словно в поисках поддержки.

Он говорит:

– Я собирался сделать Марка свидетелем. Но он сам себя выдал. Я его не пытал.

– Я вам верю. Но я такой один.

– Дайте мне несколько дней. Возможно, неделю. Когда вы выйдете отсюда, получите сотню фунтов из казны.

– Они мне не нужны.

– Поверьте мне, они вам нужны.

– Скажут, что это плата за то, что я предал друзей.

– Господи Иисусе! – Он шлепает книгой о стол. – Друзей? Когда это они проявляли к вам дружеское участие? Уэстон, этот вечно скалящийся паяц, неспособный удержать в штанах свой уд? Или хвастун Брертон. Уверяю вас, теперь его родня на севере будет вести себя осмотрительнее. Они думали, что законы не про них. Но те дни миновали. Прошла пора мелких властителей. Закон один для всех, и это королевский закон.

– Осторожнее, – говорит Уайетт, – вы на грани того, чтобы объяснить свои мотивы.

Или просто на грани, думает он.

– Чтобы спасти вас, Том, мне пришлось трудиться до кровавого пота. Ваша жизнь висела на волоске.

Уайетт поднимает глаза:

– Я скажу вам, почему до сих пор жив. Не потому, что боюсь смерти или равнодушен к бесчестию. Есть женщина, которая носит мое дитя. Если бы не это, вам пришлось бы губить Анну как-то иначе.

Он изумленно смотрит на Уайетта:

– Кто она? – Он опускается на трехногий табурет. – Вы же понимаете, что рано или поздно признаетесь. – Внезапно до него доходит. – Только не говорите, что это дочь Эдварда Даррелла. Та, что последовала за Екатериной, когда король отправил ее в ссылку.

Уайетт опускает голову.

– А вы не пробовали влюбиться в женщину, которая принесет вам меньше хлопот?

– Я такой, какой есть. Понимаю, это плохая отговорка.

Он говорит:

– Я помню Бесс Даррелл ребенком в Дорсете. Бывал там по делам. Ее отец хранил верность Екатерине, он был ее управляющим, но теперь, после его смерти, дочь ничто не связывает.

– Думаете, ей было бы лучше в свите Анны Болейн?

Справедливое замечание.

– Лучше всего ей было бы в монастыре. Но я полагаю, вы поступили по-своему.

– По-своему, – печально соглашается Уайетт. – Я люблю ее, люблю давно. Мы сумели сохранить нашу любовь в тайне потому лишь, что она жила вдали от двора.

Когда я навещал Екатерину в Кимболтоне, думает он, не Бесс ли маячила в тени? Он вспоминает старых испанок. Они не доверяли поварам и готовили Екатерине в ее собственной комнате, их платья пропитались запахом дыма и вареных овощей. Они оскорбляли его на своем языке, спрашивая друг друга вслух, волосатое ли у него тело, как у сатаны? Он видит, как входит в покои Екатерины, видит ее, закутанную в меха, в воздухе пахнет нездоровьем. Краем глаза замечает движение – кто-то выносит таз. Он подумал тогда, что девушка несет рвоту своей госпожи прикрытой, словно гостью. Это могла быть дочь Эдварда Даррелла, золотистые волосы под чепцом служанки.

– Я убеждал ее, – говорит Уайетт, – что, если она не хочет оставить Екатерину, пусть хотя бы присягнет. Какая тебе разница, Бесс, что король провозгласил себя главой церкви? Я приводил примеры, искал доводы. Но она не позволила Генриху победить в споре. Она была с Екатериной, когда та умирала.

– Деньги? – спрашивает он.

– Ничего. То, что завещала ей Екатерина, так и не выплатили. Кроме меня, ее некому защитить. Она знает, что я женат, и с этим ничего не поделаешь. Она не может вернуться в семью с моим ребенком под сердцем. Я не могу отправить ее в Аллингтон – мой отец ее не примет. Не знаю, кто мог бы ее приютить, семья жены настроила против меня всех. Ничто не обрадует их сильнее, чем мои злоключения.

Уайетт по возможности не называет жену по имени. Он прижил с ней сына, но одному Господу ведомо, как он умудрился.

– Я бы выбрал Аллингтон. Поговорить с вашим отцом?

– Он болен. Я не хочу его тревожить. Я страшусь его презрения. И я знаю, что заслужил его.

Ему хочется возразить. Какое презрение? Отец любит вас и восхищается вами, но жизнь ожесточила его. В Тауэре Генри Уайетт сидел не в светлой, наполненной воздухом комнате, а в подвале, закованный в кандалы, прислушиваясь, не раздадутся ли шаги его мучителей и скрежет их ключей. Палачам не нужны специальные приспособления. Боль могут причинять самые простые предметы. Тюремщики закидывали голову Уайетта назад и вгоняли ему в рот конский мундштук. Вливали в ноздри горчицу и уксус, и, почти захлебнувшись едкой смесью, он извергал ее наружу, проглатывая то, что не сумел выплюнуть. Узурпатор Ричард приходил

посмотреть на его мучения, убеждая отступить от Тюдора, беглеца без средств и без будущего. «Уайетт, почему ты так глуп? Чего ради служить нищему изгнаннику? Оступишься от него, переходи на мою сторону, и я сумею тебя вознаградить».

Он не отступил. И тогда его бросили на соломе в темноте. Зубы Уайетта были выбиты, внутренности он успел выbleвать на грязный пол. Желудок был пуст, горло разъедала кислота. У него не было чистой воды, а когда он смог есть, ему не принесли хлеба.

Уайетт говорит:

– Эта забавная история о том, как кошка приносила еду моему отцу, я никогда в нее не верил, даже ребенком. Думал, ее придумали для детей глупее меня. А теперь я понимаю, что значит сидеть взаперти. Узники готовы поверить во что угодно. Кошка спасет нас. Томас Кромвель принесет ключ.

– Интересно, готова ли Бесс присягнуть сейчас? Екатерина мертва и не обидится.

– Я не спрашивал, – говорит Уайетт, – и не собираюсь. Не станет же Генрих ее преследовать? В тех, кто твердит ему, что он глава церкви и стоит ближе всех к Господу, нет недостатка. Мы надеемся, что, когда леди Мария вернется ко двору, она нам поможет. Она должна позаботиться о Бесс – девушке, которая осталась одна на белом свете и которая держала руку ее умирающей матери.

– Несомненно, – говорит он. – Однако, пока вы пребывали тут в обществе Петрарки, мир не стоял на месте. Король требует клятвы от самой Марии. И если она будет упрямиться, то вскоре окажется здесь, рядом с вами.

Уайетт отводит глаза:

– Тогда вам придется мне помочь. На кону моя честь.

Где была твоя честь, думает он, когда ты задираешь юбки Бесс Даррелл? Он встает и отпикивает табурет ногой. Жалкое сиденье для королевского советника.

– Я поговорю с Бесс. Где-нибудь для нее найдется местечко. Возьмите королевские деньги, Том. Они вам нужны.

– Я подчинюсь вам, – говорит Уайетт, – как велел мне отец. Думаю, вам, как и всем людям, свойственно ошибаться, и одному Господу ведомо, не приведет ли ваш путь к пропасти. Впрочем, меня туда ведут все дороги. Я дошел до перекрестка, я бросил жребий, и теперь мне все едино – что трясина, что бездна, что лед. Поэтому я последую за вами, как гусенок за гусыней. Или Данте за Вергилием. Даже в преисподнюю.

– Сомневаюсь, что заберусь этим летом дальше южного побережья. Или острова Уайт.

Он поднимает книгу со стола. На переплете ни царапины, хотя кожа тонкая, как у женщины: отпечатано в Венеции, на титульном листе гравюра с изображением резвящихся путти, клеймо издателя в виде морского чудовища. Представим, что кто-то сохранил обрывки Уайеттовых виршей – пастораль, нацарапанная на обороте счета от оружейника, стих, который женщина прижала к обнаженной груди. Если издатель возьмется напечатать жизнь этого поэта, у него выйдет история, способная погубить многих.

Уайетт говорит:

– Она меня не оставляет, Анна Болейн. Я вижу ее такой, как в последний раз, вижу здесь. Я тоже ее вижу, думает он, в шапочке с пером, с усталыми глазами.

Он выходит:

– Мартин! Кто додумался принести Уайетту этот жалкий табурет?

– Он не жаловался, сэр. Джентльмен не жалуется.

– А я лорд, и я жалуюсь.

Как же я не заметил этот пакостный табурет, когда посещал узника в прошлый раз, думает он. Впрочем, я пришел сразу после того, как наблюдал фокус, проделанный палачом из Кале.

В Остин-фрайарз его ждет Грегори:

- Приходили от Фицроя. Зовут вас к нему.
- Я видел Уайетта, – говорит он.
- И? – Грегори встревожен.
- После расскажу. Негоже заставлять королевского сына ждать.
- Рейф думает, Фицрой попросит вас сделать его королем.
- Ш-ш-ш.
- Не сейчас, – поправляется Грегори. – Это не измена говорить, что все люди смертны.
- Нет, и все равно говорить такого не стоит.

Это сгубило Анну Болейн, думает он. Она принимала Генриха за обычного мужчину. А он, как все правители, полубог-полузверь.

Грегори говорит:

– Пришел Ричард Рич. Сочиняет обращение к королю. Посмотрим? Я люблю смотреть, как он работает.

Сэр Ричард роется в бумагах, как ворон в мусорной куче. Тюк-тюк-тюк – не клювом, а пером – крошит все, словно разбивает об камень раковины улиток.

– Здравствуйте, господин спикер, – говорит Грегори.

– Здравствуй, Сухарик, – рассеянно отвечает Рич.

Красивый и праздный, его сын наблюдает, как трудится сэр Ричард.

– Рич считает свою фамилию пророческой¹⁵, – говорит Грегори. – Он умеет превращать чернила в деньги. У вас острый ум, не правда ли, Рикардо?

– Находчивый, – говорит Рич. – Цепкий. На большее не претендую.

Обязанность Рича – составление приветственного слова королю на открытии парламента.

– Не хотите послушать, сэр? Я кое-что набросал.

Он садится:

– Вообразите, что я король.

– Позвольте предложить вам другую шляпу, – говорит Грегори.

Рич говорит:

– С вашего позволения я готов.

Начинает читать.

Грегори ерзает:

– Помните шляпу посла Шапюи? Мы еще хотели нахлобучить ее на снеговика?

– Ш-ш-ш, – шикает он на сына. – Внимай господину спикеру.

– Интересно, что с ней стало.

Рич замолкает, хмурится:

– Вам не нравится начало?

– Думаю, королю оно понравится.

– Далее я сравниваю его в мудрости с Соломоном...

– С Соломоном вы точно не ошибетесь.

– ...с Самсоном в силе и Авессаломом в красоте.

– Постойте, – говорит Грегори. – У Авессалома были роскошные волосы, иначе они не запутались бы в ветках. Волосы короля не столь... обильны. Он может решить, что вы издеваетесь.

– Никто не заподозрит в подобном господина спикера, – говорит он твердо.

– Тем не менее, – гнет свое Грегори, – Авессалом едва ли может служить примером достойного поведения.

– Отложите вашу речь, – говорит он Ричу, – идемте со мной к Фицрою.

Рич с радостью соглашается. На пороге их догоняет Кристоф:

---

¹⁵ *Rich* по-английски – богатый.

– Не уходите без меня, сэр. Вдруг на вас нападут. Теперь, когда вы стали лордом, вы не должны ходить без охраны.

– Ты, что ли, охрана? – Рич смеется.

– Пусть идет, он старается быть полезным.

Со временем он научился ценить внешность Кристофа. Кто станет брать в расчет такого увальня? На улице он оправляет на Кристофе ливрею, стряхивает с нее пыль:

– Ты должен с меня пыль отряхивать, не я с тебя. Это ты ходил сегодня ночью в моей спальне?

– Ночью я сплю, – отвечает Кристоф. – Наверное, это был призрак.

– Вряд ли, – говорит Рич. – Никогда не слышал, чтобы призраки расхаживали в июне.

Похоже на правду. Дамы под вуалями – насколько он знает, они пока живы – пробыли с ним до зари, после чего растаяли в стене. Он помнит пятна на их платьях, темные мазки – там, где ткань впитала кровь королевы.

Король охотится, но его сын по совету врачей остался в Лондоне, в Сент-Джеймском дворце, который недавно возвели на месте больницы. Место, затопленное рекой Тайберн, осушили и очистили, и теперь там красивый парк. Туда король с семейством удаляется, когда устает от многолюдного Уайтхолла.

Двор заставлен лесами, и сразу за воротами их встречают крики рабочих. Слышно, как откалывают и отбивают камень. При виде прибывших важных господ шум стихает, но эхо от звона металла о камень еще длится. Каменщик спускается с лесов и стягивает шапку:

– Мы сбиваем ГА-ГА, сэр.

Инициалы Генриха и покойной королевы, переплетенные любовно, словно змеи.

– Отдохните часок, пока я буду говорить с лордом Ричмондом.

Каменщик выбивает из шапки пыль.

– Никак нельзя, сэр.

– Слушай, что тебе говорят, – вмешивается Кристоф.

– Вам заплатят за это время, – убеждает он.

– Десятнику нужен письменный приказ.

Он пригибает голову каменщика рукой, теперь они стоят нос к носу.

– Чего ради я должен строчить любовное письмо твоему десятнику? Назови его имя, и я запечатаю его инициалы в своем сердце. – (От каменщика разит потом.) – Кристоф, сбегай на кухню, пусть принесут работникам хлеба, эля и сыра. Скажи, Кромвель велел.

Каменщик нахлобучивает шапку:

– Все равно сейчас обед. Как увидите короля Гарри, скажите, что мы пьем за новую королеву.

За приемной, в маленьком, обитом деревянными панелями кабинете герцог Ричмонд на правах больного принимает их в длинном халате и ночном колпаке.

– Ночью у меня была лихорадка. Доктор опять не разрешает мне выходить.

На стекле капли дождя.

– Сегодня не лучший день для прогулок, сэр. Оставайтесь дома.

– Главное, это не потница, – решает подбодрить больного Рич.

– Нет, – соглашается юноша. – Иначе я не стал бы вас звать, чтобы не заразить.

Они кланяются, благодарные, что с их здоровьем считаются, хоть они и простолюдины.

– И не чума, – добавляет Рич. – На расстоянии пятидесяти миль о чуме не слышать. По крайней мере, пока.

Он громко смеется:

– Напомните, чтобы я не подпускал вас к своей постели, если мне случится захворать. Нашли чем приободрить его милость!

Рич неловко извиняется перед герцогом. Однако он удивлен: что здесь смешного?

Юноша говорит:

– Рич, я благодарен за вашу заботу, но не могли бы вы оставить нас с господином секретарем наедине?

Рич не намерен сдаваться:

– Со всем почтением, милорд, у господина секретаря нет от меня тайн.

Знал бы ты, как сильно ошибаешься, думает он.

Рич мнется, кланяется, выходит.

Фицрой говорит:

– Стук прекратился.

– Я подкупил их хлебом и сыром.

– Как бы они ни спешили, мне все мало. Я хочу, чтобы она исчезла. Эта женщина. Стереть все ее следы. По крайней мере, все видимые следы. – Юноша бросает быстрый взгляд в окно, словно кто-то зовет его с улицы. – Кромвель, бывают медленные яды?

Он вздрагивает:

– Храни Господь вашу милость.

– Я думал, возможно, когда вы жили в Италии...

– Вы подозреваете, что покойная королева вас отравила?

– Отец сказал мне, она бы отравила меня, если бы смогла.

– Милорд ваш отец был... – он подыскивает слова, – был в потрясении от открывшихся ему деяний покойной королевы.

– И они куда ужаснее тех, о которых нам сообщили, ведь правда? Милорд Суррей говорит, ему показали свидетельства, которые не огласили в суде. Все самое страшное от нас утаили. Я бы казнил ее еще более изощренным способом.

Интересно, каким, думает он. Что бы вы сделали с ней, сэр? Отпилили бы голову ржавым кухонным тесаком? Сожгли на костре из зеленых веток?

– И, кроме того, – говорит Ричмонд, – она была ведьмой. – Его беспокойные пальцы теребят завязки колпака. – Некоторые не верят, что ведьмы существуют, хотя про них упоминается у Фомы Аквинского. Я слышал, они могут заставить молоко скиснуть, а домашнюю скотину выкинуть. Могут наколдовать, чтобы лошадь споткнулась на дороге, всегда на одном и том же месте, и всадник получит увечья.

Если всегда на одном и том же месте, думает он, то что мешает всаднику держаться крепче?

– Ведьмы могут сделать так, чтобы у человека усохла рука. Разве узурпатор Ричард не страдал от этого недуга?

– Так он утверждал, однако после болезни его рука была такая же, как прежде.

– Иногда они вредят детям. Читают молитвы задом наперед. Или травят их ядом. Вы не думаете, что Анна Болейн отравила милорда кардинала?

Неожиданно.

– Нет, – честно отвечает он.

– Его смерть не была вызвана естественными причинами. Я слышал от джентльменов, заслуживающих доверия.

– Кто-нибудь мог подкупить его врачей.

Он вспоминает доктора Агостино, взятого под стражу в Кэвуде, его ноги связали под брюхом лошади. Куда он делся потом? Прямоком в подземелье Норфолка. Нельзя же сказать юноше, что если в деле и был отравитель, то, скорее всего, это его тесть.

Фицрой говорит:

– Когда я был маленьким – я вам уже рассказывал, – кардинал принес мне куклу – моего двойника в платье, вышитом гербами Англии и Франции. Я не знаю, где она сейчас.

– Я могу предпринять поиски, сэр. Возможно, она у госпожи вашей матери?

Юноше такая мысль в голову не приходила.

– Вряд ли. Это было после того, как мы расстались. У нее теперь другие дети, и едва ли она обо мне вспоминает.

– Напротив, сэр. Вы причина ее возвышения, ее нынешнего почтенного замужества и высокого статуса. Уверяю, она каждый день поминает вас в своих молитвах.

Первые шесть-семь лет мальчики живут с матерями, потом их без всяких разговоров отрывают от материнской юбки, стригут – и теперь уши постоянно мерзнут – и швыряют в угрюмый мир, где их за все ругают и наказывают, и дальше до самой женитьбы ни любви, ни ласки, кроме как за деньги. Разумеется, его воспитывали иначе. В пять лет он уже сидел в кузне, копался в куче железяк, в шесть болтался под ногами подмастерьев, привыкая к слепящим искрам, которые взмывали в воздух дугой, звенящей поверхности наковальни и неумолчному грохоту, застревавшему в голове, даже когда кузню закрывали на ночь. В семь, не научившись читать, но умея браниться, он бегал где придется, словно сын лудильщика.

Ричмонд говорит:

– Ребенком я не знал, что Вулси низкого рода. Он казался мне таким величественным. Увы, его кончина достойна жалости. Ему повезло не сгинуть на плахе. Мне говорили, его сердце разбилось в дороге, и это его убило.

Все возможно. Тем, кто не верит, что сердце может разбиться, повезло прожить жизнь без бед.

Ричмонд привстает в кресле:

– Как вы думаете, королева Джейн родит сына?

– Всей Англии известно, что она из рода, который славится плодovitостью.

– Но при дворе утверждают, что король не может удовлетворить женщину и не способен...

– Я советую вам, сэр, – я настоятельно вам советую – сменить тему.

Но Ричмонд – сын короля и несется вперед на всех парусах.

– Мой брат Суррей сказал, – герцог имеет в виду своего шурина, – что парламент поступил дурно, приняв билль о престолонаследии. Они предоставили королю право выбирать наследника, а должны были признать мое первенство.

Слава богу, у юнца хватило мозгов выставить Рича. Услышь он такое, все выложил бы Генриху.

– Я хочу быть королем, – продолжает Ричмонд. – Я готов. Суррей говорит, отец должен это признать. Если сегодня он умрет, я могу не бояться Элизы, она всего лишь дочь конкубины, если не подкидыш, найденный в канаве. Никто во всей Англии не поддержит ее притязания.

Он кивает, в целом все так и есть.

– А что до леди Марии, она такая же незаконнорожденная, как и я, но я англичанин, а она наполовину испанка. К тому же я мужчина. Говорят, она отказывается признать моего отца главой церкви. А значит, она изменница.

– Мария принесет присягу, – говорит он.

– Она может произнести слова присяги. Может подписать документ, если вы ее заставите. Но милорд отец видит ее насквозь. Мария недостойна трона, и она его не получит.

Когда он в последний раз беседовал с Ричмондом, тот был доволен своим положением. Кто стоит за этими нечестивыми притязаниями? Его тесть Норфолк? Если Норфолк что-то замышляет, ему хватит ума держать свои мысли при себе. Нет, это сын Норфолка, недалекий своевольный юнец, подталкивающий своего друга к трону, который еще не освободился.

Он говорит:

– Если милорд Суррей советовал...

– Я сам себе голова, – перебивает юноша. – Суррей мне друг и дает хорошие советы, но, когда я стану королем, я сам решу, как поступать, и никому не позволю морочить мне голову, как моему отцу. Я не позволю женщинам собой помыкать.

Он склоняет голову:

– Милорд, я не в силах изменить порядок престолонаследования. Нововведения выражают волю короля. Не вижу, чем я могу помочь.

– Придумайте что-нибудь. Все говорят, что вы верховодите в парламенте. А когда я стану королем, я вас награжу.

Когда ты станешь королем?

– Я не доживу.

– Доживете, – говорит Ричмонд. – С тех пор как в январе отец свалился с лошади, его нога воспалена. Мне говорили, что старая рана открылась и там свищ до самой кости.

– Если это так, то он переносит боль с удивительной стойкостью.

– Если это так, то рана не останется в чистоте. Она загноится, и он умрет.

Измена в каждом его выдохе, но Ричмонд себя не слышит. Он чувствует напряжение воли в теле мальчика, становящегося мужчиной. Прядь волос, которая выбилась из-под колпака, огненно-рыжая, цвет Плантагенетов. Его прадед Эдуард признал бы его. Дом Йорков поддержал бы его притязания. Если бы исчезнувшие в Тауэре сыновья короля Эдуарда были живы, они походили бы на Ричмонда с его блеском в глазах, словно отсвет на лезвии меча, с его тонкой кожей, которая то бледнеет, то краснеет, выдавая чувства, которые бушуют в юноше.

Ричмонд говорит:

– Будь милорд кардинал жив, он посадил бы меня на трон. Он предлагал провозгласить меня королем Ирландии, разве нет? В нынешних обстоятельствах он непременно сделал бы меня королем Англии.

Он отворачивается:

– Вам следует отдохнуть, милорд, и ваше недомогание пройдет.

Львы иногда загрызают своих детенышей. Стоит ли этому удивляться, думает он.

– Сделайте это, – говорит Ричмонд ему вслед.

Он в немом изумлении, словно получил удар из воздуха. Лучше держаться подальше от монархов. Они думают об убийстве с утра до вечера. А еще и об отцеубийстве, словно в этом году было мало сюрпризов.

Рич, прислонившись к стене, сплетничает с Фрэнсисом Брайаном. При виде него они выпрямляются. Украшенная драгоценными камнями повязка на глазу Брайана хитро подмигивает.

– Вам привет из Франции. Епископ Гардинер шлет вам свою любовь и поцелуи. Я здесь только до ближайшего отлива. Привезти депеши. Пошептаться с королем. Вас проведать. Гардинер не верит, что теперь вы барон. Говорит, когда-нибудь удача от вас отвернется.

– Правда? Поцелуйте его от меня.

– Непременно, – говорит Брайан. – Он удивляется, чего вы так носитесь с Екатериной дочкой. Убежден, что вы покрываете Марию и это вас погубит. Он сказал: «Для дочери Генриха отрицать, что ее отец глава церкви, такая же великая измена, как отрицать, что он король». И добавил: «Поверьте мне, Фрэнсис, Кромвель зайдет слишком далеко и это его погубит».

– Спасибо, – говорит он. – Что бы я без вас делал, Фрэнсис.

Рич смущен. Государственный секретарь шутит? Ричу невдомек.

– Чего хотел Фицрой, сэр? Полагаю, он в долгах? – спрашивает Рич.

– Сколько? – Признанного мота Брайана радуют успехи многообещающих юнцов.

– Он говорил о кардинале. Думаю, у него приступ меланхолии.

Рич спрашивает:

– Если вы беспокоитесь о его здоровье, не стоит ли сообщить королю?

– У него лучшие лекари. К тому же король не придет его навестить, вы же знаете, как он боится заразы.

– Но король навестил вас, сэр, когда вы лежали с лихорадкой.

– Не раньше, чем я пошел на поправку. К тому же у меня была итальянская лихорадка.

Настоящая, пробирающая до кости трехдневная малярия, не чета простому ознобу, поражающему тех, кто не бывал южнее кентских болот.

– Особая честь, – замечает Рич с завистью.

Лихорадка вернется, думает он. И скорее всего, Генрих снова придет его навестить. Ему не верится, что король скоро умрет, хотя человек, на которого ополчится его единственный сын, все равно что покойник. Отец любит сына, но сын не любит отца. Сын хочет, чтобы отец умер, хочет занять его место. Так заведено. Так должно быть.

Он думает о кардинале в день ареста, люди Гарри Перси врываются в его покои, рука, прижатая к ребрам. «Мне больно. Холод словно точильный камень в груди». Если сердце кардинала разбилось, то кто в этом виноват? Сам король, кто еще?

– Вернуть рабочих? – спрашивает Рич.

Фрэнсис говорит:

– Мне сказали, что на потолочных балках Хэмптон-корта затесался один Екатеринин резной гранат. Сам я не могу разглядеть. Лекари утверждают, когда теряешь один глаз, второй начинает видеть хуже. Скоро я ослепну и стану просить подаяние на большой дороге, а добрый епископ Гардинер будет водить меня за руку.

Рейф Сэдлер и Томас Ризли возвращаются от Марии из Хансдона без подписанного документа, без присяги.

Ризли говорит:

– Зачем вы нас послали, сэр? Вы знали заранее, что мы ничего не добьемся.

– Как она выглядит?

– Болезненно, – отвечает Рейф.

– Король винит во всем тех, кто дает ей плохие советы, – говорит он.

– Если честно, – заявляет Ризли, – я не думаю, что виноваты те, кто ей советует. Всему виной ее собственное упрямство.

– Какая разница, – небрежно замечает он.

Ризли говорит:

– Сэр, не посылайте меня туда больше. – Он вспыхивает и выпаливает со страстью: – Если мастер Рейф не хочет рассказывать, я расскажу. Дом полон людей Николаса Кэрю, слуг семьи Куртенэ, слуг в ливреях Монтегю. Никто не разрешал им там находиться, и они бахвалятся, что, мол, Кромвель теперь ничто и им все позволено. Мария возвращается ко двору, власть папы будет восстановлена, и в мире воцарится порядок.

– Они называют ее принцессой, – вставляет Рейф, – не заботясь, что их могут услышать.

– Мы обратились к ней «леди Мария», – говорит Зовите-меня. – Она разозлилась. Думала, что мы назовем ее принцессой и преклоним колени. Когда мы передавали ей ваши пожелания, она прервала нас: «Расскажите мне, как она умерла». Она без конца проклинала Анну Болейн. Мы сказали, что она ушла с миром, а Рейф назвал ее...

– Образцом христианского смирения. – Рейф отводит взгляд, удивленный собственными словами: его даже не было на казни.

– Но она ничего не хотела слышать. Называла Анну «тварью», жалела, что ее не сожгли живьем. Спрашивала, какую молитву она читала, побледнела ли, задрожала... Я не предпола-

гал, что девушка может быть такой жестокой, что одна женщина может так ненавидеть другую. Меня чуть не стошнило, клянусь. У нее черное сердце, и она этим кичится.

Рейф смотрит на Зовите-меня:

– Ш-ш-ш. Это было нелегко, но все уже позади. К тому же Мария не так тверда в своем решении, как считают ее люди. Она спросила: «Как, государственный секретарь не приехал?» Будто ждала именно вас. Чтобы принести присягу и никто ее в этом не обвинил. Она всем скажет, что вы ее заставили, что вы ей угрожали. Рим и Европа ей поверят.

– Я предпочел бы, чтобы она подчинилась добровольно. Что бы кто ни говорил.

– Подчинилась? – переспрашивает Ризли. – Я в жизни не видел никого, менее склонного подчиняться или уступать. О чем она думает по ночам? Изобретает новые пытки? Сэр, вы знаете, меня сложно выбить из колеи. Я многое повидал. Я был в Тауэре, когда вы подвесили монаха за руки...

– Никого я не подвешивал, – перебивает он.

– ...и даже тогда я не дрогнул. Я понимал, что его вопли – это вопли гнусного предателя, который еще надеется себя спасти...

– Никого я не подвешивал, – повторяет он. – Рейф, скажи ему.

– Вы перепутали, – спокойно говорит Рейф. – Говорили о том, чтобы его подвесить, но на самом деле все это произошло только в вашем воображении.

– В воображении монаха, – говорит он. – В этом все дело. Я заставил монаха это вообразить.

– Так заставьте Марию, – говорит Зовите-меня. – Посмотрим, станет ли ей так же худо от того, что она вообразит, как мне от нее. Мария думает, ее кузен-император прискачет за море на белом коне и усадит ее перед собой в седло. Скажите ей, что никто за ней не прискачет, никто за нее не заступится, а отец силой заставит ее подчиниться своей воле.

Июнь. Герцог Ричмондский шагает в процессии вместе с палатой лордов. Вылитый отец, судачат в толпе, – мощные мышцы под душной тяжелой мантией. На раскрасневшемся лице предвкушение, словно в теплом ветерке юноша предчувствует будущее.

Кажется, Генриху пришла по душе приветственная речь Ричарда Рича. Королю нравятся сравнения: царь Соломон, царь Давид. И он не помнит слов Авессалома: «Нет у меня сына, чтобы сохранилась память имени моего».

Не только в Хандоне верят, что со сменой королевы волна повернет вспять и Англия вернется к Риму. На это он, лорд Кромвель, дает обоснованный ответ: «Акт об аннулировании полномочий епископа Римского».

Заседает не только парламент, епископы собираются на конвокацию. Они суетятся и ворчат – старые, новые, – «мои епископы», как называла их Анна. До вечера спорят о таинствах, их именовании и количестве, какие обряды приемлемы, какие признать идолопоклонством, кому доверить чтение проповедей и на каком языке. Он, лорд Кромвель, возвышается над ними, викарий короля по делам церкви, а ведь когда-то, во времена архиепископа Мортон, был последним из мальчишек, чистивших овощи на кухне Ламбетского дворца.

Грегори восклицает:

– Подумать только, мой отец над всеми епископами!

– Я не над ними, я просто... – хочет поправить он сына, но осекается. – А ведь и вправду над ними.

Всю неделю, прошедшую с казни королевы, архиепископ не высовывал носа. Сейчас, припертый к стене в задней комнате, Кранмер делает вид, будто углубился в бумаги, испещренные пометками.

– Епископ Тунстолл почеркал мой текст. А теперь, – Кранмер берет перо, – я почеркаю его текст.

– И правильно! – Хью Латимер похлопывает архиепископа по плечу. – Кромвель, как Ричарду Сэмпсону удалось стать епископом? От него так разит папизмом, что, мне кажется, передо мной сам епископ Римский.

Кранмер говорит:

– Он ускорил аннуляцию королевского брака, и это его награда. Мне хотелось бы, чтобы король... я предпочел бы, чтобы король выдержал некий период времени для раздумий между двумя... прежде чем снова... – Он запинается, отодвигает бумаги, трет уголки глаз. – Я этого не вынесу.

– Анна была нашей доброй госпожой, – говорит Хью. – Так мы думали. Нас ввели в заблуждение.

– Я принял ее последнюю исповедь, – говорит Кранмер.

– Кстати, да, – говорит он. – И что?

– Кромвель, вы же не думаете, что я поведаю вам ее слова?

– Нет, но я надеялся прочесть их по вашему лицу.

Кранмер отворачивается.

Латимер говорит:

– Исповедь не таинство. Покажите мне, где Христос ее установил.

Кранмер говорит:

– Короля вы не убедите.

Генрих любит исповедоваться и получать отпущение. Он всегда искренне раскаивается и намерен не повторять грех. Возможно, в данном случае. Искушение отрубить жене голову возникает не каждый год.

– Томас... – Архиепископ запинается, на лице внутренняя борьба. – Томас... поместье в Уимблдоне...

Хью с удивлением смотрит на Кранмера. Меньше всего он ожидал от архиепископа этих слов.

– Поскольку поместье отходит к вам вместе с титулом, – говорит Кранмер, – полагаю, вы захотите его забрать. Сейчас оно принадлежит мне, точнее, епархии...

– А также дом в Мортлейке, – говорит он. – Если не возражаете. Король вам возместит.

Хью Латимер говорит:

– Не спорьте, Кранмер. Вы должны Кромвелю деньги.

Епископы задумали изложить принципы единой веры, чтобы унять злопыхателей и положить конец заблуждениям глупцов, а также угодить немецким богословам, с которыми хотят достичь согласия, одновременно успокоив короля, который не доверяет новизне, и превыше всего немецкой. Они намерены выпустить официальный акт, даже если придется заседать до Пасхи. Учитывая разногласия, которые они намерены примирить, и количество сторон, которые хотят ублажить, едва ли им удастся это раньше, чем солнце погаснет, а земля остынет.

Нам бы не помешал совет мертвецов, говорит Хью Латимер. Если бы с нами был отец Томас Билни. Он учил нас пути и истине, он открыл наши ожиревшие сердца. Но Маленький Билни сожжен в Нориче, в лоллардском рву, а его кости выброшены собакам. И когда ты об этом вспоминаешь, то слышишь, как хихикает Томас Мор.

Именно Латимер, епископ Вустерский, открывает собрание проповедью. «Прежде всего определимся с тремя понятиями: что есть благоразумие, что есть век и что есть свет. И кто есть сыны века, и кто – сыны света».

От Латимера тоже несет гарью. Когда он идет, воздух вокруг него искрит.

Король, памятуя о том, как его дочь заботит собственный статус, велит герцогу Норфолкскому ехать в Хансдон и добиться ее подчинения. После молодого Ричмонда Норфолк – самый знатный вельможа в королевстве.

Норфолк заходит к нему пожаловаться на дурацкое поручение. Впрочем, по нынешним временам герцог рад любому поручению. Норфолк признает, что после казни племянницы не знал, куда бежать. И пусть он оправдал ожидания Генриха на суде, герцог уверен, что король отправит его в изгнание и отберет титул. Сейчас Норфолк в нетерпении меряет шагами комнату, бренча при ходьбе. На шее тяжелая золотая цепь – символы Говардов перемежаются тюдоровскими розами. Под рубашкой, в резной ладанке, святые реликвии, пучки поблекших волос и осколки костей. На правой руке толстый золотой браслет, украшенный сероватым алмазом, словно выбитым зубом.

– Я заявил Генриху, – возмущается герцог, – что мои манеры оставляют желать лучшего, и я не привык сюсюкать с юными кокетками. Если бы Мария была моей дочерью... но что толку об этом говорить? – Сдерживая себя, герцог сжимает кулак ладонью другой руки.

Герцогиня Норфолкская рассказывала ему, что когда Томас Говард захотел взять ее в жены – не важно, что в те времена у нее уже был жених, – то вломился в дом ее отца и пригрозил, что не оставит от него камня на камне. Девушке пришлось подчиниться, о чем она очень скоро пожалела. Возможно, так будет и с Марией?

Герцог не умолкает, предвидя отпор:

– ...и тогда она заявит мне... а я ей в ответ... скажу, что все королевство считает ее упрямство и своенравие достойными самого сурового порицания, но король, известный милосердием и ангельским характером... стоит ли говорить «ангельским», Кромвель?

– Лучше «отеческим». Смысл тот же, но без ненужного преувеличения.

– Хорошо, – неуверенно соглашается герцог. – Так вот, известный милосердным, отеческим и так далее и тому подобное... характером, король полагает, что, будучи женщиной, существом слабым и изменчивым, она поддалась дурному влиянию, но тогда ей придется назвать тех, кто потворствует ее упрямству, и, хочет она того или нет, признать власть короля и подчиниться его законам, и это меньшее, Кромвель, из того, что король вправе требовать от подданных. А затем ей придется отказаться от попыток искать защиты в Риме? Так?

Он кивает – все споры следует решать дома, в Англии.

Юноша рядом с ним кланяется. Томас Говард меньшей. Ах да, вспоминает он, мне снились ваши стихи: *слезы-грезы, борьба-судьба, очи-ночи*.

Старший Томас не рад единокровному брату:

– Что заставило тебя вылезти из-под девкиной юбки, юнец?

– Сэр... милорд...

– Праздное поколение. – Норфолк поджимает губы. – Им бы все в игрушки играть.

– А что ваша милость предложит взамен? – спрашивает юноша. – Войну?

Он подавляет улыбку.

– Правдивый Том, – говорит он.

Юноша подскакивает:

– Что?

– Разве не так вы себя именуете? В ваших виршах. «Навеки ваш, Правдивый Том». – Он пожимает плечами. – Дамы обмениваются вашими стихами.

Герцог смеется, впрочем, смех больше похож на рычание.

– Мастер Кромвель знает, что замышляют дамы. От него ничего не утаишь.

– Обмениваться стихами не преступление, – замечает он. – Даже плохими.

Правдивый Том краснеет.

– Вас требует король, сэр.

– А меня? – спрашивает герцог.

– Нет, ваша милость, только лорда Кромвеля. – Молодой человек отворачивается от герцога. – Если позволите, король ударил шута Секстона. Тот неудачно сострил и теперь ходит с разбитой головой. Видит Бог, бедняга выбрал неудачный момент. Его величество получил

письмо от кузена и начал вопить так, словно обжегся, а само письмо пришло прямым из ада и подписано сатаной. И я не знаю – мы не знаем, – от какого кузена письмо. Их слишком много.

Слишком много кузенов. И мало кто из них верен и честен.

– Дайте пройти, – говорит он. – Я разберусь. Хорошего дня, милорд Норфолк. – И добавляет через плечо Правдивому Тому: – Поль его имя. Реджинальд Поль. Сын леди Солсбери.

Он шагает к королевским покоям, явственно ощущая, как пружинят подошвы башмаков. Говарды взволнованы – меньшей Томас схватил старшего за рукав и что-то шепчет. Чем бы это ни было, пусть себе секретничают.

В караульной, раскинув ноги, сидит Секстон, словно только что свалился на пол. Рана пустяковая, но шут держится за голову и скулит:

– Моя бедная головушка дала течь.

Он нависает над шутом:

– Что ты здесь делаешь, Заплатка?

Шут поднимает голову:

– А ты? Никак заришься на мой хлеб?

– Я решил, ты удрал. Говорили, в прошлом году король тебя прогнал.

– И прогнал, и побил, потому что я назвал его женщину бесстыжей. Из милосердия меня подобрал Николас Кэрю и держал у себя, пока мои шутки вновь не поднялись в цене. А они в цене, не так ли? Теперь весь мир знает правду про Нэн Буллен. Дешевка каких поискать. Такая ляжет с прокаженным под забором.

Он говорит:

– У короля теперь есть Уилл Сомер. Ты ему больше не нужен.

– Сомер, Сомер, только и слышишь про Сомера. А как же Секстон? Гоните в шею, его время прошло. Все говорят, Томас Кромвель, вот истинный благодетель для тех, кто лишился хозяина, – пригрозил кардинальскую челядь. Да только не Заплатку, Заплатку вышвырнул в канаву.

– Моя воля, вышвырнул бы тебя в навозную кучу. Ты высмеивал кардинала, от которого видел только хорошее.

– Удивительно, почему я до сих пор жив? – говорит Секстон. – Четверо актеров, тащивших кардинала в ад, казнены. Как и Смитон, чья вина лишь в том, что сделал кукле старого Тома Вулси голову из свиного пузыря, пинал ее да горланил песенку, вытягивая колбасные кишки из кукольного нутра. Их всех казнили, как ты пожелал, и я слышал, ты похоронил их не с теми головами, и теперь, когда мертвые восстанут из могил, Смитон будет Джорджем Болейном, а пустая башка Уэстона достанется Доброму Норрису.

Нам есть чего стыдиться, думает он, но не этого.

– Головы рубить не шутка, неудивительно, что тебе не до Заплатки. – Шут задирает клетчатый джеркин и почесывается. – Лорд Том из Патни. Ты пустил шутов по миру. Сомеру не позавидуешь. Кому нынче нужны остроты, когда шутки расхаживают по дворцу, разглагольствуют обо всем на свете и называют себя баронским титулом?

Ему приходится перешагнуть через ноги шута.

– Запахнись и убирайся вон, Секстон. И чтоб я больше тебя здесь не видел.

Когда он предстает перед Генрихом, король любезно обращается к гудящей толпе:

– Не могли бы вы оставить меня наедине с лордом – хранителем малой печати?

Замешательство – Генрих впервые именует его новым титулом. Шарканье, топот, поклоны. Придворные, сметенные королевским взглядом, недостаточно проворны.

На столе лежит толстый фолиант. Генрих положил сверху руку, словно запрещая открыть книгу:

– Когда-то я мог рассчитывать на ваш совет... – Король запинаясь, смотрит в пустоту перед собой. – Поль. Из Италии пришла его книга. Мой подданный, мой вассал, Реджинальд Поль. Мой кузен, моя родня. Как он может спать по ночам? Единственное, чего я не в силах вынести, – это неблагодарности и вероломства.

Пока король перечисляет, чего он не в силах вынести, глаза его советника не отрываются от книги. Он знал, что Поль ее пишет. Его предупреждали. Его удивляет лишь ее толщина. Не меньше трехсот страниц, и каждая пропитана изменой. Он знает, что внутри, однако это не остановит короля от пересказа – это история Полей, их обид и зависти. Бесконечная резня до Тюдоров, когда лучшие семьи Англии кромсали друг друга на полях сражений, казнили на рыночных площадях и развешивали части тел на городских воротах. События, которые привели к тому, что этим летним днем манускрипт оказался перед Генрихом на столе, начались задолго до нашего рождения: до того, как Генрих Тюдор высадился в Милфордской гавани и прошел через Уэльс под бело-зеленым знаменем с красным драконом. Это знамя победитель возложил на алтарь собора Святого Павла. Он пришел с войском, одетым в лохмотья, с молитвой на устах: пришел ради спасения Англии, с метлой, чтобы вымести обугленные кости, и тряпкой, чтобы стереть кровь.

Что осталось от старого правления после победы, после того как Ричарда Плантагенета сбросили в могилу нагишом? Сыновья старого короля Эдуарда пропали в Тауэре. Остались бастарды и дочери, а еще племянник не старше десяти лет от роду. Предъявив его народу, Тюдор убрал мальчика с глаз долой. Однако он никогда не отказывал ему в праве именоваться графом Уориком, в отличие от права угрожать новому правлению.

Генрих Тюдор славился плодовитостью, и теперь его детям надлежало продолжить династию. Невесту для старшего сына Артура искали среди европейских принцесс. Король и королева Испании предложили одну из своих дочерей, но с оговоркой. Они не желали отпускать Каталину в чужую страну, пока положение ее правителя оставалось шатким. Всю жизнь Генриха Тюдора преследовали мертвецы, претендующие на его корону. И хотя юный Уорик пребывал в заточении, это не останавливало самозванцев, собиравших армии под его знаменами. Поэтому претендент должен был умереть, но не заколот или задушен в темном углу – ему предстояло окончить дни при свете дня на Тауэрском холме от меча палача.

Был раскрыт заговор – попытка побега. Кто в это поверит? Юноша, с детства лишенный свободы, был чужд честолюбивых замыслов. Его не учили рыцарским доблестям, он никогда не держал в руках меча. Все равно что убить калеку, но Генрих Тюдор пошел на это, чтобы не упустить испанскую принцессу. Со смертью Уорика его сестра Маргарет оказалась во власти короля, и он обеспечил ее будущее, отдав в жены своему стороннику.

– Моя бабушка выдала ее за Ричарда Поля, – говорит король. – Скромный, но достойный брак. Я вернул ей положение. Я почитал ее семейство за древнюю кровь и сожалел о его упадке. Я сделал ее графиней Солсбери. Что еще я мог ей дать? Вернуть брата? Я не умею воскрешать мертвых.

Испанская принцесса Каталина знала, что стоит за ее браком. Всю жизнь она пыталась примириться с Маргарет Поль. Доверила ей стать воспитательницей Марии, своей единственной дочери.

– Однако, как мне рассказывали, существовало проклятие.

Не упоминайте о проклятии, думает он. Упоминание только увеличивает его силу.

– Свадьба состоялась, и спустя несколько недель Артур умер. Что дальше, вы знаете...

Он думает о недоношенных детях Екатерины, слепых личиках и недоразвитых ручках, соединенных в молитвенном жесте.

– Не я погубил Уорика, – говорит Генрих. – И даже не мой отец. Виноваты родные Екатерины. Не понимаю, почему отец позволил испанцам запустить свои кровавые руки в дела королевства. Сколько мне еще страдать, чтобы успокоить совесть Кастилии? Что еще я могу

дать семье Уорика? Мне они обязаны положением и богатством. Другие короли держали бы их в черном теле.

— Это правда. Они играют на вашем чувстве стыда, думает он.

— Кто способен понять Маргарет Поль? Только не я.

Генрих говорит:

— Ее сын Монтегю никогда меня не любил. Честно говоря, я отвечал ему тем же. Его брат Джеффри не заслуживает доверия. Но в Реджинальда я верил — добрая душа, единственный, кто выглядел достойным моих забот, — по крайней мере, так меня уверяли. Я оплатил его учение, его путешествие в Италию. Я доверил ему отправиться в Сорбонну, представлять меня в деле об аннулировании брака.

Первом аннулировании.

— Я слышал, он справился блестяще.

— Я наградил бы его. Сделал бы архиепископом Йоркским. Вы знаете, он не рукоположен в священники, но ничего не мешало ему принять сан, а после Вулси как раз оставалась свободная епархия... но он отказался. Сказал, что слишком молод, что недостойн. Я тогда еще должен был догадаться, что он задумал. — Король ударяет кулаком по книге. — Все, о чем я просил, — одно слово из Италии, заявление, ученое суждение, нечто, что я мог предъявить миру как свидетельство, что его семья на моей стороне. Я сказал ему, мне не нужна книга, у меня их достаточно. Одно слово, объясняющее, как и почему я могу быть главой собственной церкви. И я ждал. Долго. А он все обещал и обещал. И всегда находилось оправдание. Жара, холод, внезапная болезнь, плохие дороги, ненадежные гонцы, необходимость поехать туда и сюда, свериться с редкой книгой или спросить совета ученого богослова. Что ж, теперь все позади. Вот она, эта книга. — Король выглядит изможденным, словно сам ее написал. — Стоило ждать так долго, ибо пелена упала с моих глаз.

Он тянется к манускрипту, но король прикрывает его рукой:

— Я избавлю вас от хлопот. Здесь есть предисловие, адресованное мне, холодное и оскорбительное по тону. И каждая следующая страница обиднее предыдущей. Я опаснее для христиан, чем магометане. Реджинальд называет меня Нероном и диким зверем. Советует императору Карлу вторгнуться в Англию. Утверждает, что с самого начала своего царствования я разорял подданных и бесчестил знать. И теперь они готовы взбунтоваться, лорды и простолюдины, и он убеждает их восстать и покончить со мной.

— Ваше величество должны были заметить...

— А еще я проклят, — говорит Генрих. — И ад разверзся подо мной. Так он утверждает.

— ...ваше величество не могли не заметить, что бунт, к которому он призывает, не только может быть направлен против кого-то, но и сыграть кому-то на руку...

— Разумеется. Вы видите, как все взаимосвязано? Поль убеждает Европу выступить против меня в то время, как моя собственная дочь отказывается мне подчиниться. Скажите, почему Реджинальд до сих пор не принял сан? Раз уж его так влечет духовная стезя. Я скажу вам почему. Потому что семья задумала женить его на моей дочери.

Ловко придумано, если им удастся это провернуть. В жилах Марии Тюдор течет самая благородная испанская кровь. Соединить ее с кровью Плантагенетов — в этом и состоит их замысел. Поли с их кликой мечтают о новой Англии — на самом деле об Англии старой, — которой они будут править.

— Я думаю, — говорит он, — что леди Мария дорожит вашим расположением больше, чем благосклонностью любого жениха. Даже если его послали Небеса.

— Это вы так говорите. Вы вечно ее выгораживаете.

— Она женщина, она молода. Поверьте, ваше величество, она поймет, в чем состоит ее долг, и подчинится. Эти люди, которые именуют себя ее сторонниками, используют ее. Не верю, что она способна разгадать их интриги.

Король говорит:

– Я двадцать лет прожил с ее матерью, и поверьте, она была способна разгадать любые интриги. Вы сами сказали когда-то, что, родись Екатерина мужчиной, из нее вышел бы герой, подобный Александру.

Однажды он сказал Кранмеру, что сны королей не похожи на сны обычных людей. Во сне к королям приходят их предки, чтобы поговорить о войне, мести, законе и власти. Мертвые короли спрашивают: «Ты знаешь нас, Генрих? Мы тебя знаем». Есть места, где кипели древние битвы, и, когда ветер всегда дует в определенную сторону, луна убывает, а ночь темна, там можно расслышать топот копыт, скрип упряжи и вопли раненых. А если подкрасться ближе – вообрази себя духом, способным проскользнуть между травинками, – то услышишь хрипы и молитвы умирающих. И все они, души Англии, вызывают ко мне, говорит ему король, ко мне и к каждому королю, ибо король несет бремя преступлений других королей, и бывшее по-прежнему вопиет о справедливости.

– Вы считаете меня суеверным, – говорит Генрих. – Вам не понять. Как бы ни оскорбляли меня Поли, я связан с ними нашей общей историей.

Пути истории можно ослабить, думает он.

– Если было преступление, это старое преступление. Если был грех, он давно утратил новизну.

– Вам не понять моих забот. Да и откуда?

И правда, думает он, откуда? Духи не преследуют Кромвелей. Уолтер не встает по ночам – в руке кружка с элем, чекан в поясе, – чтобы бражничать у причалов, показывая Патни свои сбитые кулаки. У меня нет истории, только прошлое.

– Но если я не в силах понять вас, что я могу для вас сделать, сэр?

– Ступайте к Маргарет Поль. Она в Лондоне. Выясните, знает ли она о книге своего жалкого сына. Знает ли его брат.

– Уверен, они станут отрицать.

– Я спрашиваю себя: что вам известно? – Глаза короля останавливаются на нем. – Вы не так потрясены, как я.

– Вспомните, ваше величество, за что в былые времена меня приблизил милорд кардинал. Не за мои познания в законах, законников вокруг было пруд пруди. А за мои связи в Италии. Я ценю моих итальянских друзей. Пишу им письма, а они пишут мне.

– Если вы знали, почему не остановили его?

– Я мог помешать Реджинальду отослать книгу вашему величеству. Но он был полон решимости изложить свои мысли. Помешать ему отослать книгу папе я не в силах.

Генрих отпихивает книгу от себя:

– Он клянется, что существует единственная копия, и она перед вами. Но почему я должен ему верить? Через два месяца книгу напечатают, и ее будут читать все, кому не лень. Возможно, именно сейчас ее читают папа и император.

– Думаю, Карла он должен был предупредить. Если ему предстоит возглавить вторжение, к которому призывает Поль.

– Они никогда не сойдут на английский берег, – говорит Генрих. – Я съем их живьем.

Все отступает, боль, сомнения и затаенная ревность, терзавшие Генриха последний час. Он ударяет по книге кулаком, и кровожадный огонек в глазах не дает забыть: псы едят псов, но никому не под силу поглотить Англию. Король встает с кресла, и ты думаешь, сейчас он велит принести Эскалибур.

Но дни великанов и героев миновали.

Он говорит:

– Людей в ливреях Полей видели в Хансдоне с посланиями для леди Марии, хотя мы не можем утверждать, что она их прочла. И Куртенэ тоже там, хотя леди Марии запрещено принимать...

– Куртенэ? Лорд Эксетерский собственной персоной? – Король потрясен.

– Нет, его жена. Думаю, леди Мария не могла не впустить ее в дом. Вы же знаете Гертруду Куртенэ.

– Ничего, видит Бог, я найду на нее управу. Она исчерпала мое терпение. Скажите Эксетеру, что он больше не состоит в совете. Мужчина, неспособный управиться с женой, не может править государством. – Генрих хмурится. Перед его мысленным взором мелькают лица. – Что скажете насчет Рича?

Он предпочел бы уменьшить число членов совета, но еще один советник, умеющий считать, не помешает.

– Отлично. Можете ему сказать.

Ричард Рич в королевском совете! Он видит Томаса Мора, который вертится в могиле, словно цыпленок на вертеле. Словно одержимый тем же видением, Генрих показывает на фолиант:

– Поль утверждает, что я погубил Мора и Фишера. Пишет, что не смел меня обвинять, его останавливала верность престолу, но, когда пришла весть об их смерти, он воспринял ее как божественное послание.

– Ему следовало счесть ее посланием от меня.

Генрих отходит к окну и говорит:

– Верните Реджинальда. – Фигура короля смутно отражается в оконных стеклах, разделенных свинцовым переплетом. Кажется, будто платье давит ему на плечи и он не в силах возвысить голос, упавший до шепота. – Обещайте ему что хотите. Дайте любые гарантии. Заставьте вернуться в Англию. Я хочу посмотреть ему в глаза.

В караульной перешептываются королевские советники. Он подходит ближе. Советники замолкают. Он обводит их взглядом:

– Надеялись, что он даст мне по голове, как Заплатке?

Слухи о книге Поля успели просочиться. Генриху книга не понравилась, в ней короля называют Нероном.

Уильям Фицуильям говорит:

– Поль не мог бы найти худшего времени. Все это ударит по Марии, если Генрих решит, что она причастна.

– А также по семье Полей, – добавляет лорд-канцлер Одли. – И всем знатным семействам. В том числе Куртенэ.

– Эксетер больше не в совете. Вы вместо него, Рич.

– Что? Я?

– Поддержите его, Фицуильям.

– Исусе! Спасибо! – восклицает Рич. – Спасибо, лорд Кромвель.

– Вас выбрал король. Думаю, ему понравилось то, что вы сказали про Авессалома.

– Что? – спрашивает лорд-канцлер. – Сына царя Давида? Который запутался волосами в ветвях дерева? Что сказал о нем Рич? Где сказал?

Кто-то отводит лорда Одли в сторонку, объясняет.

Рич выглядит изумленным.

Фицуильям говорит:

– Сухарь, вы знали об этой книге.

– Я влез в голову Реджинальду, словно червяк в яблоко.

– Когда? Когда вы узнали? – гадают Фицуильям.

Рич говорит:

– Неудивительно, что в последние недели вы держались так самоуверенно. С такой-то картой. Теперь не стоит опасаться, что король снова обратится к Риму.

– А юноша-то схватывает на лету, – замечает он Фицуильяму.

Он признает, что уже год наблюдает за Полем, который застрял в Италии. Истерзанный собственными словесными излияниями, Реджинальд пишет и зачеркивает. Вносит поправки, дописывает, делая еще хуже. Но наконец письмо подписано – чернила просушены песком, листы свернуты и перевязаны, посланец найден. Смерть Анны Болейн ускоряет развитие событий. Вероятно, Реджинальд размышляет так: «Ныне, когда решимость Генриха поколеблена, когда он готов раскаяться, я пригрожу ему проклятием и заставлю вспомнить о Риме». Возможно, он добился бы своего, если бы смягчил аргументы, но Реджинальд не понимает Генриха как человека и еще меньше понимает разум и волю правителя.

– Я с ним встречу, с Полем, – говорит он.

Вспоминает молодого ученого, юношу не высокого и не низкого, не худого и не полного, вспоминает его приятное широкое лицо. Невзрачный облик Реджинальда не вяжется с замысловатым и бесполезным устройством его разума, заставленного полками и нишами, где хранятся сомнения и неуверенность.

– Однажды я над ним посмеялся, – говорит он.

Юноша разглагольствовал о том, что народами должна управлять добродетель. Согласен, заметил он тогда, но советую вам больше читать, чтобы возместить недостаток практического опыта. Итальянцы знают толк в подобных материях.

С тех пор Реджинальд его боится и неизменно отзывается о нем дурно: называет его дьяволом, не самый лестный отзыв. И тем не менее, когда к нему заходит путешествующий ученый или знатный молодой итальянец, который хочет усовершенствовать свой английский, Полю не приходит в голову спросить себя: «Возможно, его подослал сатана, он же Кромвель?» В былые времена Реджинальд склонялся к учению Лютера, мы помним, как он колебался то в одну, то в другую сторону. В былые времена он ставил под сомнение власть папы, и его сомнения записаны. Просчет Поля в том, что он думает вслух. Беспомощные фразы, составленные на манер Цицероновых, дрожат в воздухе – он уверен, что никто их не слышит. Затем берется за перо, уверенный, что никто не прочтет. Однако друзья Люцифера заглядывают в его книги. В сумерках он прячет манускрипт под замок, но у дьявола есть ключ. Демонам ведомы все его пометки и кляксы. Чернила предают его, бумажные волокна шпионят за ним. Когда он ложится в постель, английские лазутчики – конский волос в матрасе и перья в подушке – подслушивают, как уклончиво и обтекаемо он молится тому Богу, в которого верит сейчас.

Фиц говорит:

– Теперь вы можете разделаться с Полями. Со всем семейством.

– За исключением Реджинальда, – встречает Рич. – Он не в нашей юрисдикции.

Лорд Одли говорит:

– Дельное замечание, господин спикер. Но вы можете запереть в клетке одну певчую птицу, чтобы завлечь другую.

Рич говорит:

– Разве суть в этом, лорд-канцлер? Дела обстоят ровно наоборот. Это Поль находится на свободе, и его песня выманивает остальных. Налицо измена.

– Пожалуй, вы правы, – соглашается Одли.

Он говорит:

– Надо было разделаться с ними два года назад.

– Пророчица, – говорит Фиц, – Элиза Бартон, изменница. Как это похоже на них – прятаться за юбками безумной монашки, возомнившей, что с ней говорит Господь. Впрочем – поправьте, если я ошибаюсь, – кажется, Бартон ставила Куртенэ выше Полей?

– По-моему, она не отличала одних от других, – говорит Рич. – Думаю, господин секретарь прав. Пусть строят козни. А мы будем наблюдать. Они сами себя повесят.

– Клянусь Богом, готовый советник! – Фиц сдергивает с Рича шляпу и, отскочив на другой конец комнаты, подбрасывает к украшенному тюдоровскими розами потолку.

Неужто среди роз затесались инициалы «ГА-ГА»? Верный долгу, лорд-канцлер щурится и вытягивает шею.

Л’Эрбе, дом Полей. Когда он входит, графиня Маргарет поднимает глаза, но не произносит ни слова.

Чем она занята? Вышивает, как все старые дамы. Ястребиный профиль склоняется над вышивкой, словно клюет ее.

Сын Маргарет Генри, лорд Монтегю, при виде его морщится:

– Господин секретарь, прошу вас, садитесь.

Он предпочел бы стоять.

– Полагаю, вы знаете, о чем книга, более или менее? Король никому ее не показывает. Думаю, он не откажется прочесть вам избранные места, но хочет, чтобы вы написали брату в Италию и сообщили ему, что его величество не гневается.

Монтегю с изумлением смотрит на него:

– Не гневается?

– Ваш брат может вернуться в Англию и изложить свои соображения лично.

– Будь вы Рейнольдом, вы бы вернулись?

Рейнольд, так вот как зовут его в семье. Имя нежное и текучее, словно вода.

– Король даст ему охранную грамоту. А король всегда держит слово.

Монтегю говорит:

– Мы, его семья, поверьте, Кромвель, мы потрясены поступком моего брата. Полагаю, вам известно об этом деле больше нашего.

– Могу я передать королю, что вы от него отрекаетесь?

Монтегю с заминкой отвечает:

– Пожалуй, это слишком...

– Осуждаем, – говорит Маргарет Поль. – Можете передать, что мы осуждаем его книгу и пребываем в смятении.

– Или в изумлении, – предполагает он. – Глубоко скорбите и охвачены ужасом при мысли, что он осмелился осудить короля, оклеветать и опорочить своего правителя, угрожать ему вторжением и утверждать, что он проклят.

– Разве я сторож брату моему? – спрашивает Монтегю.

– Кому-то придется стать ему сторожем. Если не вам, то мне. Реджинальда следует запереть ради его собственного блага. Сейчас между вами и королевским гневом стою только я.

– Очень любезно с вашей стороны, – говорит Монтегю.

– Я также стою между королем и его дочерью. Вам следует понять, что до того, как король получил книгу, леди Мария была в опасности из-за собственной глупой гордости. А теперь ее положение ухудшилось, потому что король подозревает ее в соучастии. И именно ваше семейство виновато в этом.

Медлительного Монтегю непросто расшевелить, но Маргарет Поль откладывает вышивку и говорит:

– Мы помогли вам избавиться от Болейнов, которые вам угрожали.

– Я взял на себя ответственность, не вы.

– Вы должны нам, а платить не хотите. Вы знали, что книга пишется. Знали, к чему это приведет.

– Вы можете объяснить это Николасу Кэрю? Кажется, он не понимает. Я ничего ему не должен. Я ничего не должен вам, мадам. Напротив, это вы мне должны. Жизнь и смерть Марии от меня не зависят, но могут зависеть от вас. Я прошу вашей помощи для того, чтобы она и дальше пребывала среди живых, и, надеюсь, совершила бы еще немало добрых дел.

– Ее мать, храни Господь ее душу, поручила мне воспитание Марии, – говорит Маргарет Поль. – Могу ли я предать доверие Екатерины, посоветовав ее дочери поступить против совести?

Монтегю говорит:

– Не понимаю, Кромвель, в чем ваша выгода. Вы хотите спасти Марию от нее самой и от ее друзей, но вы же не думаете, что она это оценит?

– Если она станет королевой, – говорит Маргарет Поль, – а я молюсь, чтобы ее миновала эта напасть, то первым делом она...

Что? Посадит меня в Тауэр? Отрубит голову? Сделает лорд-канцлером?

– Миледи матушка... – предостерегает Монтегю.

– О, я помню Акт об измене, – живо откликается Маргарет. – Я вижу ловушку. Предвидеть будущее – преступление. Мы вынуждены жить одним днем.

– В предыдущие месяцы, – говорит он Монтегю, – вы уверяли императорского посла Шапюи, что Англия готова восстать против короля. – Он поднимает руку: не перебивайте. – А две-три недели назад на юго-западе видели вооруженных простолюдинов.

– Это земли Куртенэ, – говорит Монтегю. – Их и обвиняйте.

Вор у вора дубинку украл, думает он.

– Вам повезло, что все обошлось и там стало спокойнее. Но любое повторение – попытка нарушить покой короля в любой части королевства, – и вам будет сложно объяснить, что подстрекатель не вы.

– Но как вы докажете его вину? – спрашивает Маргарет. – Насколько я понимаю, это обязанность обвинителя.

– Это не составит труда. К тому же закон дает способ защитить страну от изменников. Я говорю про билль о лишении прав за измену, для которого суда не требуется.

Маргарет замолкает, втыкает иглу в ткань. Вспоминает горькую участь отца.

– Мадам, – говорит он, – не пытайтесь вашим упрямством, увертками и интригами развязать руки королю, который приложил все усилия, чтобы возместить вам причиненные страдания. Молитесь о примирении, как надлежит доброй христианке. И напишите леди Марии письмо.

– А вы его доставите? – спрашивает Монтегю.

– Передайте его вашему другу Шапюи. Чтобы юная леди не подумала, будто оно поддельное.

Маргарет говорит:

– Вы змий, Кромвель.

– Ах нет, что вы.

Я пес, мадам, и я иду по вашему следу. Он вклинивается массивным корпусом между Маргарет и светом. Графиня вышивает цветочный узор. Виола, символ ее рода, по-другому фиалка, или анютины глазки.

– Мои поздравления. Для такой тонкой работы нужен острый глаз.

Маргарет берется за ножницы.

– Теперь не то, что раньше. Я знавала и лучшие времена.

Он посылает племянника Ричарда в Тауэр освободить Томаса Уайетта. Прибытие книги Реджинальда, как только просочились слухи о ее содержании, вызвало такой переполох, что все и думать забыли про Уайетта. Никто не видел самой книги; придворные догадываются,

что там, но не могут вообразить ее горького многословия, ее безрассудного пренебрежения к покровительству живых и неумного восхваления мертвых. Ходят слухи о новых арестах. Леди Хасси, некогда состоявшую при Марии, отправили в Тауэр. Он посылает Ризли поговорить с ней. Она признается, что когда на Троицу с милостивого позволения короля навещала Марию в Хансдоне, то называла ее принцессой.

– Клянется, что во всем виновата привычка, – говорит Ризли. – Что она и в мыслях не держала заявлять, будто Мария – законная наследница Генриха. Что сказала так, не подумав.

В комнату влетает Ричард Кромвель.

– Я велел Уайетту убираться в Кент и никогда не упоминать о мертвых. Сидеть там, пока не позовут. Комендант Кингстон спрашивает, нужны ли камеры для знатных узников, и если нужны, то сколько, а также желательно уточнить их ранг, пол, возраст и когда их ждать. Он хочет подготовиться.

– Как, Кингстон не готов? Удивительно!

– Сэр, – говорит Ризли, – я знаю, вы жалеете леди Марию, но пришло время отказаться от нее. – Он обращается к Ричарду: – Она выглядит скромницей, как любая девушка, говорит тихо, шарахается от мужчин, но, когда мы с Сэдлером приехали в Хансдон, клянусь, будь у нее в руке кинжал, она вонзила бы его в меня, когда я сказал, что палач из Кале чисто исполнил свою работу.

Ее трудно любить, только и скажет он, ничего больше.

Генрих занимает место за столом совета, упираясь кулаком в стол, чтобы удержать равновесие. Король двигается осторожно, избегая толчков и ударов. Вежливо благодарит нового советника, когда Рич отодвигает кресло, чтобы дать больше места перевязанной ноге.

– Принесли клятву, Рич? Отлично.

Король с тихим сопением опускается в кресло и хватается за стол, чтобы придвинуться ближе.

– Подушку, ваше величество? – предлагает Одли.

Генрих закрывает глаза:

– Спасибо, нет. Сегодня у нас один вопрос...

– Или кресло попросторнее?

Король осекается:

– ...вопрос, не терпящий отлагательства... Спасибо, лорд Одли, мне удобно.

Он ловит взгляд лорд-канцлера и прижимает ладонь ко рту. Но Ричарда Рича так просто не уймешь.

– И вы здесь, сэр? – обращается Рич к Эдварду Сеймуру. – Я не знал, что вы приняли присягу.

– Так вышло... – начинает Эдвард.

– Так вышло, что мне нужен его совет, – говорит король. – По крайней мере в этом вопросе, который касается меня очень близко. Вам ясно, Рич?

Теперь Эдвард – родственник короля, разумеется, королю нужен братский совет. Однако Эдвард ерзает в самом конце стола, будто в суде, гадая, придется ли платить. Ему и сестре.

Ричард Рич никак не уgomонится. Он наклоняется и шепчет: сэр, это точно заседание совета? Куда я попал? Он, Кромвель, отвечает тоже шепотом: сидите тихо и слушайте.

Фицуильям оглядывается:

– А где милорд Норфолк?

– Я велел ему не показываться мне на глаза, – отвечает Генрих.

Отличная новость для Фица. Его ссоры с Норфолком тянутся десятилетиями.

– Вам не стоило посылать его к Марии, сэр. Вы же его знаете. Он разговаривает с женщиной, словно с крепостной стеной, которую собирается проломить.

– Я не думаю, – говорит лорд-канцлер, – что следует именовать королевскую дочь «женщиной».

– А кто же она? – спрашивает Фицуильям. – Можете называть ее «леди», от этого ничего не изменится. Норфолк – последний человек на свете, способный ее убедить.

Генрих говорит:

– Я признаю, что мой выбор был нехорош. Она не из тех, кто подчиняется силе. – Ему показалось или в тоне короля мелькнула извращенная гордость? – Нам следует выбрать другого посланника. Возможно, милорда архиепископа с его даром мягко увещевать...

Фиц изумленно смотрит на короля:

– Она ненавидит Кранмера. И с чего ей любить его? Он развел вас с ее матерью. Кранмер называет ее плодом кровосмешения.

– И вполне справедливо. – Король склоняет голову. – То был великий грех – совершенный, разумеется, по неведению.

– Ваше величество, – говорит Эдвард Сеймур, – мы понимаем... нет нужды... избавьте себя...

– Простите, груз двадцати лет давит на плечи. – Генрих выглядит расслабленным и покорным, но он знает это опасное подергивание королевских губ. – Поскольку весь христианский мир вот уже целое поколение обсуждает мой брак во всех университетах, с каждой церковной кафедры, в каждом трактире, я не считаю зазорным повторить это еще раз. И хотя из Писания следует, что подобный союз незаконен, некогда я верил, что папа вправе его разрешить. Теперь я вижу, что ошибался. Моя дочь Мария – плод преступной связи. Если Екатерина не раскаялась в этом грехе при жизни, боюсь, ей суждено ответить за него там, где она сейчас.

В Питерборо, думает он.

– Мои же глаза открылись на мерзости и нечестивые притязания Рима, – продолжает король, – и я уже семь лет тружусь над тем, чтобы выйти из-под его ненавистной власти и повести мою страну истинной дорогой Христовой. Если я до сих пор не искупил свой грех, то уж не знаю, джентльмены, как и когда я его искуплю. Терпеть непослушание дочери, знать, что мои близкие родственники настраивают ее против меня, читать в собственном доме поношения от этого неблагодарного чудовища Поля, который называет меня еретиком, раскольников и иудой...

– Нет, сэр, – встревает Рич. – Иудой Поль называет не вас, а епископа Сэмпсона, который был вашим поверенным в деле о разводе.

– Наш новый советник любит точность. – Генрих разворачивается к Ричу. – А кем тогда он называет меня? Антихристом? Люцифером?

Денницей, думает он; светоносным.

– Предупреждаю, – говорит Генрих, – если я услышу хотя бы один голос в защиту этого заблудшего создания, моей дочери, я буду знать, что это слова изменника. Я готов выслушать ваши советы. Я созвал судей, чтобы решить, каким образом довести ее дело до суда.

Фицуильям хлопает ладонью по столу:

– До суда? Храни нас Господь! Вашу плоть и кровь? Умоляю, не спешите с решением. Вы будете выглядеть чудовищем в глазах всего света!

Он вставляет:

– Ваше величество, Мария больна.

– Король скоро и сам заболеет! – восклицает Рич. – Только посмотрите на него!

Эдвард Сеймур шепчет:

– Рич, помолчите.

Генрих поворачивается к нему:

– Скажите, Сухарь, а когда она не больна? Неужели я породил это болезненное создание? Ее братья и сестры умерли. Удивляюсь, что она до сих пор жива. Интересно, что Господь хотел этим сказать.

Фицуильям говорит:

– Если вы не знаете, Гарри, то кому тогда знать? Вы наместник Божий, разве нет? Вам ведомы все наши судьбы.

– Мне ведома ваша, – говорит Генрих.

Король бросает взгляд на дверь. Кивок – и сюда войдут стражники. Ричард Рич застыл, челюсть отвисла, пальцы сжимают перо. Эдвард Сеймур привстает с места:

– Простите, ваше величество. Простите господину казначею его грубую речь. Мы все... мы все переутомились...

Генрих вздыхает:

– Переутомились, изнурены, обессилены. Верно, Нед. Ступайте, Фицуильям, пока я не велел вас вывести, мое терпение не беспредельно, ни вы, ни моя дочь не можете испытывать его бесконечно. Итак, Сухарь, расскажите нам о ее болезни. Что на сей раз? Я слышал о коликах, лихорадке, головной и зубной боли.

– Боюсь, все вместе. Она пишет...

– Покажите мне ее письмо.

Письмо лежит у него в кармане.

– Я пошлю за ним, сэр.

– Некоторые из вас, моих советников, знают больше меня о том, что на уме у моей дочери. – И снова эта улыбка сквозь зубы – Генриху больно. – Господин секретарь обещал, что получит ее согласие – что заставит ее принести присягу, не выходя из Уайтхолла. Но и он подвел меня.

Фицуильям с порога оборачивается к советникам, прижимая бумаги к груди:

– Некоторые из ваших советников, ваше величество, пытаются спасти вас от себя самого. Вы бушуете оттого, что Поль вас оскорбил. Бросайтесь на врагов, но не обижайте друзей. А что до Марии, так заприте ее, заприте покрепче, туда, откуда она не причинит никому вреда. Но созвать судей, предать суду собственную дочь? И что дальше? Я скажу вам, она виновна. Зачем вам судья? Зачем присяжные? Она не станет приносить присягу и приведет свои доводы, но не так, как Томас Мор. Скажет, что она не приبلуда, а принцесса Англии, а вы такой же глава церкви, как и я. И что вы сделаете? Отрубите ей голову?

Одли говорит еле слышно:

– Храбрец.

Сеймур бормочет:

– Мертвец.

Он, лорд Кромвель, встает, пересекает комнату, хватая казначея за джеркин, толкает к дверям. Двери мягко распахиваются, словно адские врата. Он сжимает казначейскую цепь, пытаясь сдернуть ее через голову Фица. Советник вопит, цепь извивается. Фиц продевает пальцы сквозь звенья, завязывается борьба.

– Руки прочь, Кромвель! – орет Фиц, пытаясь достать его другим кулаком, но он подтягивает цепь к себе, оказываясь нос к носу с казначеем.

– Угомонись, болван, – шипит он.

До Фица доходит, он разжимает кулак. Вскрикивает – пальцы застряли в звеньях, – и цепь свободна. Толчок в грудь, Фиц падает навзничь, двери захлопываются.

Он, лорд Кромвель, подходит к столу, кладет цепь на стол перед королем. Цепь звякает.

– Не стоило, – говорит Генрих. – Не стоило драться ради меня, если вы разделяете его мысли. – Его пальцы тянутся к цепи – золото еще хранит тепло бархата. – Впрочем, я аплодирую вам, милорд. Фица нелегко сдвинуть с места. – Король не смотрит на советников. –

Приведите ко мне лорда Монтегю, хочу зачитать ему отрывки из письма брата. Позовите епископа Иуду, странно, но Сэмпсон – единственный, на кого я могу положиться. Вероятно, стоит вернуть Гардинера из Франции. Обычно он находит решения, которые не приходят в голову никому из вас. Напомните сэру Николасу Кэрю, что я запрещаю ему видеться с моей дочерью. Скажите Куртенэ, что для меня не тайна их поползновения и что я крайне ими недоволен. Фрэнсиса Брайана – в Тауэр, я слышал, он распускает по городу сплетни, что Марию содержат в черном теле и что я бессердечный отец.

– Вы же знаете Фрэнсиса, – говорит Эдуард Сеймур. – Это пустая болтовня. Он любит вас, ваше величество.

– А Фицуильям? – хмурится Одли. – Мы должны назначить нового казначея?

– Фицуильям, – мягко произносит король. – Не стоит судить его слишком строго. Он мой старый друг, и, думаю, вы согласитесь, что он понимает меня лучше, чем кто-либо из живущих. – Генрих с пугающей неторопливостью оглядывает притихших советников; их время полностью принадлежит ему. – Я знаю, о чем вы толкуете между собой, как пытаетесь мною управлять, как обсуждаете тех, кого я люблю и кого ненавижу. Единственное живое существо на свете, которому мужчина может доверять, – его незамужняя дочь. У нее не должно быть воли, кроме отцовской, не должно быть мыслей, кроме тех, что ему по нраву. Взамен отец защищает ее и заботится о ее благополучии. Но у господина казначея нет детей. Так распорядился Господь. Он не может чувствовать то, что чувствую я, не в силах понять, как я страдаю. Мои помыслы неизменны: Мария знает, какого признания я от нее требую, знает с тех пор, как была составлена присяга. Если она думает, будто мои права всего лишь причуда недавно умершей женщины, то ее ввели в заблуждение, и если она еще питает надежду, что я готов на коленях ползти в Рим, то она глупее, чем я думал. Но чего вы не видите и не в состоянии понять, так это того, что я люблю мою дочь. Я думаю обо всех моих детях, умерших в колыбели, и о тех, кто умер, не увидев света. Если я потеряю Марию, что у меня останется? Спросите себя... в ком найду я утешение в этом мире, если не в ней?

В комнате тихо. У меня было чувство, признается потом Одли, что надо перекреститься и сказать: «Аминь». Даже новый советник не осмеливается заметить: «Как же, ваше величество, ведь у вас есть молодой Ричмонд». Или напомнить Генриху о рыжем поросеночке Элизе, повизгивающем где-то в глуши. Эдвард Сеймур хмурится: если у короля нет никого в этом мире, то как быть с его сестрой Джейн, как быть с семейством из Вулфхолла?

– Итак, достойный господин секретарь, – говорит король, – раз вы так любите меня и мою службу, будьте любезны, доведите это дело до конца. Здесь мы больше не будем это обсуждать.

Король упирается в стол рукой, помогая себе встать. Советники вскакивают, преклоняют колени. С колен не встают, пока король не выходит. И даже когда дверь за ним закрывается, все молчат.

Молчание прерывает лорд-канцлер:

– До конца? Какого конца?

– Бог его знает, – говорит он.

– Лучше бы я никогда не становился советником! – выпаливает Рич. – Лучше бы мне оказаться в Китае!

Сеймур бормочет:

– Лучше бы тебе оказаться в Утопии.

В письме, которое до сих пор лежит у него в кармане, Мария пишет: «Кромвель, дальше пути нет, я не уступлю ни пяди. Я не подпишу бумагу, порочащую королеву, мою покойную мать. Я никогда не соглашусь, что мой отец – глава церкви. Не позволяйте им меня подталкивать, не позволяйте им умолять меня, я поступлю так, как велит мне совесть. Вы мой лучший друг, моя опора. Вся моя надежда на Вас».

– Думаю, он хочет, чтобы вы ее убили, – говорит Эдвард Сеймур.

В былые дни кардинал любил смеяться над тем, как Генрих, выпростав ногу из-под шлафрока, демонстрировал французскому послу свою икру. «Разве у вашего короля такая нога? Скажите, такая? Господь не обидел короля Франциска ростом, но ему не сравниться со мной шириной плеч».

Ныне тот же король волочит ноги, а выходя из комнаты совета, запахивает шлафрок. Превосходная икра забинтована, лицо одутловатое и бледное. Генрих – средоточие боли, его тело очаг болезни, кровь, желчь и флегма. Его отяжелевшая недужная плоть – место, где все аргументы истощились.

В Тауэре Фрэнсис Брайан спрашивает его:

– Тут вы держали Тома Уайетта?

– Здесь много воздуха, не находите? – говорит он. – Моим друзьям всегда отводят лучшие помещения.

– Одного выпускаем, другого сажаем. – Фрэнсис сползает в кресле, оглядывает комнату. На одном глазу повязка, другой затуманен. – Домашнего ареста было недостаточно?

– Здесь безопаснее. Я говорил то же самое Уайетту.

– Я слышал, теперь вы хранитель малой королевской печати. Вы лезете вверх с такой прытью, милорд, что скоро в королевстве не хватит лестниц.

– Зачем мне лестницы? У меня есть крылья.

– Так скорее летите во тьму, пока они не растаяли.

– Король полагает, что Мария бы так не упрямылась, если бы ее кто-то не убеждал. И прежде всего ваш зять Кэрю.

– Старина Кара Господня, – смеется Фрэнсис. – Возомнил себя верным рыцарем в черных доспехах. Обещает Марии сделать ее королевой.

Записывать некому. На столе только ин-фолио с бумагами лорда Кромвеля, рядом томик Петрарки: путти, морское чудище, переплет мягкий, словно кожа. Его руки неподвижны. Еще будет время, чтобы все записать.

– Значит, Кэрю. Кто еще?

– Клан лорда Эксетера. Маленький плакса Монтегю.

– Если король арестует их, вы дадите показания?

– Дам. Или я, или они. Почему я должен быть лучше Тома Уайетта?

– Никто и не думает, что вы лучше.

– Но вы ведь не захотите тащить их сюда? Предпочтете договориться.

– Мое природное человеколюбие останавливает меня от...

Фрэнсис фыркает:

– Вас ничто не остановит. Но вы не сможете погубить людей Марии, не затронув ее, а ее трогать вы не хотите. И вы не думаете, что сумеете и дальше управлять Генрихом, если он и дальше будет убивать своих близких.

Он вспоминает Фрэнсиса у эшафота, потеющего в кожаном джеркине, ждущего, когда можно будет помчаться к Сеймурам с вестью, что голова Анны слетела с плеч. Хотите скорее, обращайтесь к Фрэнсису Брайану. Ваши желания бурлят у него под кожей, готовые реализоваться. Если нужно кого-нибудь подкупить или очаровать, проверить что-нибудь тайное или грязное, вы знаете, кто никогда вам не откажет. Хотите, чтобы кто-нибудь произнес вслух то, что больше никто не осмелится произнести, только кивните Фрэнсису.

– Я вас раскусил, Кромвель, – говорит он. – Считаете себя осторожным и предусмотрительным политиком. А вы такой же игрок, как и я.

– Такой, да не такой. Если вас отравят, вы все равно поползете к карточному столу. Если ослепнете, будете распознавать жезлы и кубки по запаху. Ощупывать пальцами точки на костях.

Фрэнсис говорит:

– Другой с вашим происхождением получил бы спокойное местечко и пересчитывал трофеи. Но не Кромвель. Он должен непременно всем заправлять. Если девчонка Сеймуров родит королю сына, кто займется его воспитанием, если не Кромвель? А если наследником объявят Фицроя, на кого ему положиться, если не на Кромвеля? Если Мария станет королевой, она никогда не забудет, кому обязана спасением.

– Поверьте, Фрэнсис, – улыбается он. – Так далеко я не загадываю. Мне бы пережить эту неделю.

– Вы не остановитесь, пока не станете герцогом. Или королем. – Фрэнсис сдергивает повязку, трет шрам. – Кстати, из вас выйдет неплохой король.

Он отводит взгляд от изуродованного лица Брайана. Тот хохочет:

– Вы видали лица и пострашнее.

Он идет к двери:

– Мартин? Принеси мне кресло. Почему этот жалкий табурет все еще здесь? Разве я не вышвырнул его за дверь?

Появляется тюремщик:

– Никак сам обратно приполз? Я спущу негодника с лестницы.

– Лучше порубите его на дрова, – предлагает Фрэнсис. – Покажите, кто тут главный.

– И кларет захвати, – велит он Мартину. – Запишешь на мой счет.

– У вас тут и счет открыт? Благослови меня, святая Агнесса.

– Я подумываю завести здесь собственного повара, кухонных мальчишек и кладовую для дичи. Я держу тут рубашки на смену и овчинный тулуп. А еще писарей.

– Никаких писарей, – говорит Фрэнсис. – Иначе я не открою рта.

– Если вы дадите обещанное признание, я отложу его до той поры, когда оно мне пригодится. Я сам запишу ваши показания, а остальным незачем знать, что они исходят от вас. Но чтобы хоть кто-нибудь из нас дожился до следующей недели, Кэрю должен написать Марии, что ей не стоит ждать помощи ни от него, ни от его друзей и, если она не поступит так, как я ей велел, ее ждет смерть. Я замолвлю за вас словечко перед Генрихом, – он трет глаз, как раньше Брайан, – и, когда все закончится, вы выйдете на свободу. Это не продлится долго. Марии придется выбирать: отец или папа.

– Отец или мать, – говорит Фрэнсис. – Вы не можете сражаться с мертвыми. Уступите им Марию. Один Бог знает, отчего вы решили связать с ней будущее. Даже если вы спасете ее теперь, она может умереть, с ее-то слабым здоровьем. А если король обратит свой гнев против вас, никто не позволит вам уйти тихо, обрезать яблони и слушать соловьев, как старине Генри Гилдфорду. Вспомните падение Вулси. Не справитесь – и Генрих посадит вас на мое место. Или куда похуже, где вы обрадуетесь и кривому трехногому табурету.

– Надо же, похоже, вас заботит мое будущее, – говорит он. – Советы раздаете.

– Что без вас эта страна? Я предпочту, чтобы вы благоденствовали. Ссужали мне деньги.

Входит Мартин, толкая перед собой кресло. Придется запастись терпением, думает он: даже если я добуду доказательства измены, могу ли я позволить себе извлечь их на свет? Брайан прав. Трудно низвергнуть два старинных семейства и их присных, не успев толком похоронить Болейнов, да еще не повредить при этом девушке, чьи интересы они якобы защищают. Генрих не может быть готов до того, как я буду готов: я должен сдерживать моего кровожадного короля.

– Это не все, Фрэнсис. Когда Кэрю напишет письмо, ваша сестра Элиза должна лично отвезти его в Хансдон и поговорить с госпожой вашей матушкой. Леди Брайан состоит при Марии с рождения. Полагаю, она принимает ее интересы близко к сердцу.

– К тому же, – говорит Фрэнсис, – госпожа моя матушка не такая безголовая дура, какой кажется.

– Пусть поговорят с Марией, мать и дочь, пусть дают любые обещания. Я доверяю всему вашему семейству быть моими посредниками.

– Что ж, – неприязненно замечает Фрэнсис, – если вам обязательно втягивать в это женщин.

– Они уже втянуты. Все это дело вертится вокруг них.

Фрэнсис смотрит в чашу. Он жадно осушил ее, словно хочет разглядеть судьбу в винном осадке.

– Одни говорят, Генрих не убьет свою дочь. Другие говорят, мы не верили, что он убьет жену. Но я... я всегда знал, что он уничтожит Анну Болейн. Если не собственными руками, то чужими.

Приходит тепло. Долгие дни, на протяжении которых, если слухи правдивы, леди Мария не берет в рот ни крошки. Короткие светлые ночи, которые она проводит, меряя комнату шагами, лицо распухло, глаза покраснели. Она утопает в горьких слезах. Слезы полезны молодым женщинам, особенно тем, у кого прекратилось обычное женское, или тем, кто жаждет мужской ласки, но вынужден обходиться без мужчины. Если королевская дочь перестанет плакать, возможно, ей станет хуже. Поэтому никто не утешает ее, когда ее рыдания доходят до рвоты. И когда она восклицает: «Пожалей меня, Господи!» – очевидно, Он ее не жалеет.

Юристы, чьего совета спросил король, постановили, что Марию следует снова привести к присяге, а стало быть, ей прекрасно известно, что ей предстоит. Разумеется, известно, говорит король. По этому поводу у нее не должно быть никаких сомнений. И все же, как месяцем раньше, имея в виду Анну Болейн, он добавляет:

– Кромвель, закон должен быть соблюден до последней буквы.

– Пригласи Шапюи, – велит Ричарду он, лорд Кромвель. – Он должен со мной поужинать. Посол скажет, что у него нет аппетита, однако ничто не мешает ему смотреть, как буду есть я.

Ричард говорит:

– Вам следовало решить этот вопрос две недели назад. С каждым днем вы подвергаете нас опасности. Почему вы не хотите сами навестить Марию?

– Потому что я могу действовать только на расстоянии.

Он вспоминает Виндзорский замок, палящую жару, лето от Рождества Христова тысяча пятьсот тридцать первое. Во дворах телеги со скарбом, король и его приближенные отбывают охотиться, устраивать танцы и прочие развлечения. Он, вынужденный обратиться в незаметную тень, поднялся по лестнице и миновал галерею пустых комнат с закрытыми ставнями, пока не нашел Екатерину в одиночестве, всеми покинутую, ожесточенную, сознающую, но не смилившуюся с тем, что Генрих ушел, не сказав ей ни слова прощания. Ее дочь Мария, хрупкая как тростинка, прислонилась к спинке материнского кресла. Мадам, сказал он, ваша дочь нездорова, ей лучше присесть. От судорожной боли девушка согнулась и вцепилась в позолоту. Екатерина сказала ей на кастильском: «Ты дочь Испании. Стой прямо».

В тот день он сразился за болезненное худенькое тельце и победил. У его ног табурет, на нем подушка, на подушке вышита русалка. Одной рукой он поднял табурет, другой – русалку. Выдержав взгляд испанской королевы, со стуком опустил табурет на каменные плиты пола. Солнце лилось сквозь цветные стеклышки: квадраты света, бледно-зеленого и алого, трепетали, словно флаги, на бледном камне.

Екатерина закрыла глаза. Еле заметно кивнула, словно сама испытывает страдания. Затем открыла глаза, посмотрела в сторону. Он заметил, что принцесса качнулась, шагнул вперед и подхватил ее. Он помнит ее тонкие косточки, трепещущее невесомое тельце, блестящий от пота лоб. Мария опустилась на табурет, он подал ей подушку, всматриваясь в ее лицо. Девушка прижала русалку к животу, обняла, согнулась, чтобы утишить боль. Через секунду со стоном выдохнула. Затем вскинула голову, посмотрела на него изумленно и благодарно. И тут же сле-

лала бесстрастное лицо. Все произошло так быстро, будто и не было. Но до конца разговора, до того как он откланялся и вышел, Мария не сводила с него глаз.

После ужина, когда падает тишина и длинный летний день уступает место сумеркам, они с послем поднимаются на одну из садовых башен. Лондон притаился под ними в голубоватой дымке. На столе блюдо с клубникой, которую они должны доест, пока не взойдет луна. Посол оставил бумаги у подножия башни. Ин-фолио белой кожи с императорским двуглавым орлом покоится на траве среди маргариток.

– Меня раздражает, – говорит он послу, – как свысока смотрят на Генриха европейские правители. Они могут сколько угодно разгонять парламенты, душить подданных налогами, взламывать церковные сундуки, убивать советников, но если они преклоняют колени перед Ватиканом, то могут служить образцами добродетели, и папа шлет им свое благословение, называя блистательными монархами. Кто из них годами терпел бы рядом бесплодную жену? Давно бы ее отравили. Кто смирился бы с непокорством собственного дитяти? Будь Мария дочерью кого-нибудь из этих правителей, ее бы заперли и забыли, а то и убрали по-тихому.

– Вы правы, – соглашается Шапюи, – но вы же не станете такое предлагать.

– Дело не в том, что я предложу. Эта история меня погубила. Я покойник.

– Вы говорили такое и раньше. Когда вас изводила конкубина.

– Говорил и снова повторю. В этом деле я зашел так далеко, что пути назад нет, – я заверил короля, что Мария подчинится. А Генрих не терпит тех, кто нарушает обещания.

Шапюи задумчиво водит пальцем по мраморным прожилкам столешницы:

– Как вы втащили это сюда?

– Лебедкой через окно. Вы же не думаете, что я помолился мощам епископа Фишера и он заставил стол взлететь?

Он арендовал дом у каноника церкви Святого Варфоломея в Смитфилде. Настоятель Уилл Болтон строил для короля, умело планируя и доводя до конца крупные архитектурные замыслы. Благослови меня, Болтон, говорит он порой, когда приезжает сюда и его лошадь ведут в стойло, а Кристоф втаскивает в дом дорожные сумы. Настоятель отдыхал и охотился здесь летом, и его ребус – бочонок (тон), пронзенный арбалетной стрелой (болт), до сих пор вмурован в стену. Дом маленький, по одной большой комнате на этаже, плодовые деревья, беседки и садовые башни, установленные так, чтобы ловить летний ветерок и разглядывать город над верхушками деревьев.

– Настоятель Болтон в последние пять лет жизни охромел, – говорит он. – Он ни разу не поднимался сюда полюбоваться видом. Хотя стоит ли удивляться, каноник почил в возрасте восьмидесяти двух лет.

– Ну вы-то собираетесь жить вечно, – замечает Шапюи. – И вечно карабкаться вверх.

– Когда войдем в дом, я покажу вам глазурованные плитки в гостиной. Настоящая лазурь. Наверняка Болтон выписал их из Италии.

Приглушенные голоса, голуби устраиваются на ночлег, чистят перышки на голубятне – словно летние снежинки, перья уплывают в сумерки, он провожает их глазами.

Шапюи говорит:

– Меня не удивляет, что все в этой стране презирают Ватикан. Рим своей многолетней нерешительностью предал Екатерину.

– Ее все предали. Королева слушала горстку старух. Фишер, может быть, и святой, но ничем ей не помог. Полагаю, он советовал ей крепиться и надеяться на лучшее. А что до ее друзей за границей... что сделал для нее император? Издавал воинственные звуки?

Шапюи говорит:

– Мой повелитель воевал с турками. У него хватало забот поважнее, чем усмирять своего вольного правителя маленького острова.

– А что сдерживает моего короля сейчас? Он в своем праве. И волен вести себя с собственной дочерью как пожелает.

– Я заранее извиняюсь за то, что скажу, – говорит Шапюи, – и да простят меня умершие, но, если император не предпринимал шагов ради спасения своей благородной тети, возможно, он просто не знал, что с ней делать. Она стала бы ему обузой. Королева привыкла жить на широкую ногу. И могла дожить до преклонных лет.

Человек, способный так открыто высказать то, что у него на уме, отринув условности, достоин уважения. Он всегда говорил, не стоит недооценивать Шапюи. Под маской показной учтивости страстный маленький человечек, коварный, но всегда готовый рискнуть.

– С Марией все иначе, – продолжает посол. – Даже если ей не суждено править самой, на трон могут претендовать ее отпрыски, и они способны развернуть мир в сторону, удобную императору. Вы сказали, Генрих в своем праве. Но какие бы заботы ни тревожили императора, он не допустит дурного обращения с Марией. Он пришлет корабли.

– Они никогда не пристанут к берегу.

– Вы видели карту этих островов? Мой господин правит морями. Пока вы будете защищать побережье Кента, он вторгнется со стороны Ирландии. Пока будете следить за юго-западом, нападет с северо-востока.

– Его капитаны сгинут на этих берегах. Король сказал, что съест их живьем.

– Я должен это передать?

– Как хотите. Вы понимаете и я понимаю, что император не в силах спасти Марию. Ее дело не терпит отлагательства.

В пролете винтовой лестницы возникает голова Кристофа.

– Господа, желаете цукатов? – Он со звоном опускает на стол серебряный поднос. – Здесь мастер Зовите-меня. – Кристоф бросает злобный взгляд на Шапюи. – Пришел заняться шифрами. Он может взломать любой.

Шапюи всплескивает руками. Он боится за бумаги, которые оставил у подножия башни. У посла ноют коленные суставы, и от мысли, что надо спуститься на три пролета и подняться обратно, Шапюи издает тихий стон.

– Попроси Зовите-меня подождать в тени виноградных лоз, послушать соловьев. Затем принеси бумаги посла. И не смей в них заглядывать.

Голова Кристофа пропадает из виду.

– Что за осел! – Шапюи берет с блюда ягоду и хмурится. – Томас, я понимаю, нелегко внушить невинной девушке, что мир не таков, каким она его воображает. Покойная Екатерина в присутствии дочери не позволяла и словом осудить короля. Во всем был виноват кардинал, совет, конкубина. Генрих был всегда прав. Естественно, Мария ожидала, что отец немедленно заключит ее в свои объятия, как только с Анной Болейн будет покончено. – Посол осторожно откусывает от ягоды. – Естественно, вы должны ее в этом разубедить.

Он кивает:

– Она не знает своего отца.

– Да и откуда? Она не видела его пять лет. Она была в заточении.

– В заточении? Ее содержали в роскоши.

– Но мы не должны говорить об этом ей, Томас. Лучше заверить ее, что она страдает, на случай если она считает, что страдала недостаточно. Мария хвасталась мне, что не боится топора.

– Не боится? Когда наступит ее последняя ночь на земле, которую она проведет без сна, и впереди останется только жалкий завтрак с палачом, поздно будет плакать и умолять меня ее спасти.

В последовавшем молчании он гадает, куда подевался Кристоф? Неужели читает бумаги посла? То-то будет скандал. Впрочем, это может быть полезно, если бумаги на французском. У Кристофа отличная память.

– Ее мать... – Посол осекается. В сгущающихся сумерках он опасается говорить о мертвых дурно. – Я думаю, она поклялась Екатерине, что не отступится. Живых переубедить можно. С мертвыми не договоришься.

– Она не хочет жить?

– Не любой ценой.

– Значит, такой ее запомнит история – внучкой испанских королей, которой не хватило ума или расчета, чтобы себя спасти?

Кристоф ухает снизу, заставляя посла, положившего в рот анисовый леденец, поперхнуться. Юноша врывается в башню, хлопает бумагами об стол – черный орел на фоне белого мрамора.

– Почему так долго, Кристоф?

– Из Ислингтона пришли вести, что надвигается ненастье. Коровы улеглись на поле. Умоляю, спускайтесь, как только начнется дождь. Если сюда ударит молния, вам конец. Только дурак будет торчать на башне в грозу.

– Я увижу по небу. Сначала гроза начнется над Лондоном.

Голова Кристофа скрывается из виду, сальный шар под шляпой набекрень. Он ждет, пока юноша окажется вне пределов слышимости, и говорит:

– Если ее отец умрет, Мария может стать королевой вне зависимости от желания Генриха или парламентского акта. А став королевой, наведет свои порядки. Вернет нас под власть Рима. Закует в кандалы. С радостью отрубит мне голову. Я не верю ни единому ее слову.

– Какому именно слову?

Он вынимает из кармана письмо и подталкивает к послу:

– Послать Кристофа за свечой?

– Я разберу, – говорит Шапюи. – Ее рука, – соглашается он и прищуривается. Арка позади него наполняется отраженным вечерним светом, бледным матовым сиянием. – Она полна решимости отвергнуть присягу. Однако называет вас своим другом, ближайшим после отца, храни Господь ее невинную душу, своим лучшим другом.

– Должен ли я ей верить? Думаю, она исполнена вероломства.

Он наслаждается собой. Послу придется меня уламывать, думает он. Я буду изображать ветреную наследницу, а ему придется прогонять мои страхи и задабривать меня обещаниями.

– Мария уже навлекла на меня неисчислимые беды, – говорит он. – Я утратил расположение короля, а что у меня есть, кроме этого? Даже если король меня пощадит, кому нужен отставной советник?

Посол не включается в игру, лишь мрачно замечает:

– Почему она считает вас другом? Должно быть, это идет от ее матери. Единственное объяснение. После всех трудов... – Шапюи резко обрывает себя, он разгневан и пристыжен. – Если она вам доверяет, придется и мне вам довериться. Что за наказание!

– Вам следует убедить ее подчиниться отцу и уладить все с императором. Он должен дать ей благословение.

– К несчастью, я не держу императора в кладовке, чтобы всякий раз спрашивать у него разрешения.

– Разве нет? Так повесьте там его портрет. Со временем вы научите его вам отвечать.

Ему кажется, внизу кто-то топает.

– Ш-ш-ш.

Он встает, кричит в пролет:

– Кто там?

Посол подбирается, готовый при любой опасности спуститься с башни. В окне нет стекла, меркнувший свет окрасил кирпичную кладку слабым румянцем.

Ответа нет. Настоятель Болтон не озаботился тем, чтобы выстроить высокую стену или укрепить изгородь. Злоумышленнику ничего не стоит согнуть иву или акацию, раздвинуть податливую лещину и проникнуть внутрь. Он кладет руку на сердце, нащупывая кинжал между шелком и льном.

– Оборонять башню нетрудно, – замечает он. – Даже садовую. Просто сбрасываешь всех сверху.

– Уверен, вам понравится, – говорит Шапюи. – Говорят, вы подрались с советником Фицгиггом. Томас, какой вы еще ребенок.

– Кристоф? – зовет он, его голос закручивается в каменной спирали. – Ты здесь?

Эхом приходит ответ:

– А где еще мне быть?

Кристоф удивлен. Юноша всегда настороже, не зря все детство провел среди воров. Когда Кристоф не исполняет его поручений, он садится на корточки, прислонившись спиной к стене, опускает голову и, кажется, дремлет, но уши держит остро и незаметно зыркает по сторонам.

– Никого нет, – успокаивает он посла, – только Кристоф.

Шапюи откидывается в кресле.

– Ешьте клубнику, – говорит он. – Напишите в Рим.

– Не доверяю я этому фрукту. Почему вы едите его сырым? – Шапюи хмурится. – *Chez-moi*¹⁶ его запекают в тесте.

– Папа простит ее, если для нее это вопрос жизни и смерти. Скажите, что получите для нее отпущение грехов. Если беспокоитесь о цене, я сам улажу этот вопрос с Римом.

– Я больше беспокоюсь о том, что у меня случится несварение. И о том, что мои доводы ее не убедят.

– Отправляйтесь с утра, я выпишу разрешение. – Он наклоняется к послу. – Скажите ей, что пока Анна Болейн была жива, Генрих никогда не восстановил бы ее в правах наследования. Но сейчас, если она готова к безусловному подчинению, фортуна может перемениться.

– Вы делаете Марии предложение? – Шапюи поднимает брови. – Я думал, Генрих предпочитает ей своего бастарда. Я думал, вы сами благоволите к Ричмонду. Что случилось?

– Нельзя посадить на трон Ричмонда, не вызвав ожесточенных споров. На ком бы ни был женат король – если он когда-либо был женат, – всему свету известно, что он никогда не состоял в браке с матерью Ричмонда. Что до новых наследников, то можно ли полагаться на живучесть младенцев? Скажите Марии: если она готова поступиться своими убеждениями, сейчас самое время позаботиться о будущем. – Он откидывается в кресле. – Да, после она будет себя презирать. Но такова цена. Скажите ей, время все залечит.

– Мне кажется, – говорит посол, – все ваши речи сводятся к одному: вы будете жить, если позволит Кромвель. Возможно, вы даже будете править, но только с позволения Кромвеля.

– Можете и так сказать. – Он начинает терять терпение. – Можете сказать что хотите. Я пришлю ей документ, который она должна подписать. Акт о повиновении. Ей необязательно его читать. Лучше не читать, тогда впоследствии она сможет от него откреститься. Но пусть его перепишут, король не должен видеть, что он составлен моей рукой.

– Разумеется. – Шапюи улыбается. – Она не глупа, вы же знаете.

– Скажите ей, что отныне я обещаю ей защиту. Она будет жить свободно как королевская дочь, и никто не заставит ее молиться так, как молюсь я, или отказаться от святых и обрядов. Но пусть знает: если не подчинится сейчас, она пропала. Я буду считать ее самой жестокой и неблагодарной из женщин. Я не стану препятствовать воле короля. И даже если случится

---

¹⁶ У меня (*фр.*).

чудо и она останется в живых, для меня она все равно что умерла. Я попрощаюсь с ней навеки. Никогда больше не появлюсь перед ней. Не взгляну на нее и не перемолвлюсь с ней ни словом.

Пауза.

– Ясно. – У посла язвительный вид. – Об этом лучше напишите ей сами. А я обещаю передать письмо.

– Спускаемся?

Вставая, Шапкой морщится и трет спину:

– Сначала вы, милорд. Мне потребуется время.

Он поднимает бумаги посла с мраморной столешницы:

– Позвольте мне.

Он спускается. На первом пролете бросает через плечо:

– Обещаю не заглядывать внутрь.

Кристоф на посту, в той самой позе, в какой он его воображал. Рядом в сумерках маячит тень.

– Добрый вечер, сэра, – мягко произносит тень. Это мастер Ризли с охапкой пионов в руках.

В гостиной с лазоревой плиткой, где пламя единственной свечи мерцает на синеве, он пишет первый черновик. Ему трудно вообразить себя королевской дочерью. На рассвете забирает черновик с собой в город и в первых солнечных лучах снова корпит над бумагой: робкий, дрожащий, покорный. Вероятно, черновиком следовало бы заняться в одиночестве, но не хочется слишком много о нем думать.

Он берет перо, проверяет острие:

– Это потребует самоуничтожения.

Ричард Кромвель спрашивает:

– Мне привести кого-нибудь более способного?

– Ричард Рич знает толк в искусстве пресмыкаться, – говорит Грегори. – И Ризли умеет лебезить, если потребуется.

Он начинает: «Смирненно простираюсь перед вашим величеством...»

– А что, если так? «У ног вашего величества», – предлагает Грегори.

– Это слишком, – замечает Ричард.

– Возможно, но не грех и подольститься.

Он исправляет фразу:

– Только не вздумайте упомянуть, чем мы тут занимались, за пределами этой комнаты.

Король должен думать, будто она сочинила сама. «Пишу вам, чтобы...» Чтобы что?

– «Чтобы открыть свое сердце... вручаю мою душу... всецело предаю мое тело... не желая иного положения, состояния, а равно статуса и способа существования, нежели тот, который ваша милость сочтет...»

– Словно учебник по праву, – говорит Ричард. – Одного, другого, третьего.

– Верно, не пойдет. Она же не судейский из Грейз-инн.

Он раздражен. Он не умеет писать, не учитывая все возможные обстоятельства, исключая любые лакуны, щели, крошечные просветы, которые позволят смыслу вытечь и ускользнуть. «Простить мои прегрешения... Я признаю, принимаю, выражаю согласие, отдаю должное, полагаю законным...»

– Короля не должно удивлять, что она обратилась к юристам, – говорит Грегори. – И поэтому в ее признании чувствуется их рука.

– «...признаю и принимаю право его королевского величества быть перед Господом верховным главой церкви Англии... И от чистого сердца, без всякого принуждения заявляю и

признаю, что брак, ранее заключенный между его величеством и моей матерью, был по законам божеским и человеческим кровосмесительным и нелегитимным...»

– Кровосмесительным и нелегитимным, – повторяет Грегори. – Это охватывает все. Больше желать нечего.

– Если забыть, – замечает Ричард, – что фактически она не приносит слов присяги. Он посыпает чернила песком.

– Пока никто не откроет Генриху на это глаза.

Пусть это будет ее собственное признание, сокрушительное и всеобъемлющее. Упомянув Екатерину, он называет ее «покойной вдовствующей принцессой», как надлежит верно-подданным, но также «моей матерью», моей дорогой матерью, чьи руки бессильно опущены и вздрагивают внутри савана. Каталина, сегодня ты повержена, живое победило мертвое, Англия одержала верх над Испанией. Он и раньше писал письма за Марию, более жалобные и угодливые: «Я всего лишь женщина, и я ваше дитя». Они не имели успеха и не тронули сердце короля. Чтобы тронуть его сердце, вы должны дать ему все, чего он хочет, и в той форме, о которой он до поры до времени не догадывается сам. «Я вручаю мою душу вашему попечению и предаю мое тело на вашу милость».

– Пусть Рейф отвезет это в Хансдон, – говорит он. – И сегодня же получит ее подпись.

На дворе третья неделя июня. Анна умерла хмурой дождливой весной, но прошел месяц – и лето в разгаре. Жарким утром закрываете глаза, и на веках пылающий отпечаток золотистой ткани. Поднимаете руку, чтобы прикрыть лицо, и сияние становится пурпуром, словно епископы просвечивают сквозь пламя. С герцогами Норфолком и Суффолком он скачет в Хансдон, почтить юную леди, раскаявшуюся, смирившуюся, униженную – и снова достойную называться дочерью короля.

Хертфордшир – графство богатое и многолюдное, в нем много зелени, а также усадеб джентльменов и придворных. Дом, построенный из кирпича на возвышенности, приспособлен для приема королевской семьи. Поместье старое, но нынешнему дому всего около восьмидесяти лет. Они гордятся древними грамотами с раскрашенными щитами и гербами давно забытых лордов: черная полоса наследницы Деспенсеров, серебряный лев Моубреев, королевский герб Эдмунда Бофорта с сине-серебряной составной каймой. Два года назад король потратил около трех тысяч на новую черепицу и перекрытия, а также прислал людей из мастерской Галейона Хоне украсить стекла главных покоев розами в полоску, любовными узелками, трепещущими белыми соколами и геральдическими лилиями. В то же самое время – как оказалось, весьма кстати – дом обзавелся новыми петлями, запорами, крючками, засовами и замками.

В пути челядь трех лордов едет отдельно во избежание ссор.

Норфолк посмеивается:

– Все знают, чем занимается Кромвель, когда забирается к северу от Лондона. Останавливается в каком-нибудь грязном кабаке, хватается судомойку и получает свое. – Мало того что герцог выражается куда грязнее, он сопровождает свои слова жестами: поднимает и опускает локоть, сжимает и разжимает кулак.

Чарльз Брэндон хохочет. Такие шутки ему по вкусу.

Он замечает, что Томас меньшей скачет рядом с Норфолком. О чем бы братья ни шептались, когда он оставил их одних, они шепчутся снова.

– Видите? – спрашивает он Суффолка.

– Вижу, – отвечает тот. – «Навеки ваш, Правдивый Том». Полюбил-Разлюбил. Блещут-Плещут. Птичьем-Девичьем.

Бедняга, думает он. Даже Суффолк понимает, как дурны его вирши. Он вспоминает потрясенное лицо молодого Говарда при словах, что дамы обмениваются его стихами. Словно

Правдивый Том впервые об этом слышал. Словно думал, что после прочтения дамы съедают бумагу.

В доме их встречает леди Шелтон. Мария состоит под ее присмотром последние три года – должность, которой не позавидуешь. Входит Брэндон, леди Шелтон приседает:

– Милорд Суффолк. И Томас Кромвель, наконец-то.

Она горячо целует его, словно кузена. Томаса Говарда, который и впрямь приходится ей кузеном, спрашивает:

– Мы можем надеяться, что ваша милость не станет портить мебель? Согласно описи, шпалера, которую ваша милость разорвали, стоит сто фунтов.

– И что с того? – спрашивает Норфолк. – Я же не зад подтер вашей шпалерой. Где Джон Шелтон? Впрочем, не надо, я сам его найду. Чарльз, идемте со мной.

Герцоги выходят, криками требуя хозяина дома.

Он спрашивает:

– Норфолк набросился на шпалеру? Чем еще он успел вас удивить?

– Угрожал избить леди Марию, повредил кулак о стену. – Леди Шелтон прикрывает рукой улыбку. – Буянил, словно пьяный медведь. Я думала, Мария лишится чувств. Я сама чуть в обморок не упала. Но теперь, слава богу, вы здесь.

– Безобразнее прежнего, – говорит он. – А вот вы, миледи, от забот и тягот становитесь только краше.

Леди Шелтон не держит на него зла, хотя покойная королева приходилась ей племянницей. Она отмахивается от комплимента, говорит:

– Пресвятая Дева, мы вас заждались. Леди Брайан, как вам известно, вверены заботы о малышке, но поскольку она опекала Марию с тех пор, как ее отняли от груди, то считает нужным вмешиваться во все на свете и указывать Шелтону, как вести хозяйство, словно весь мир вертится вокруг леди Элизы. У нас нет никаких инструкций, запрещено только называть ее принцессой Елизаветой. Как вы считаете, король от нее отречется?

Он пожимает плечами:

– Мы не смеем спрашивать. Нога беспокоит Генриха, он не в духе, потому что не может с утра три часа ездить верхом, а после играть в теннис. С королем непросто сладить, когда ему недостает моциона. Но кто знает, теперь, когда леди Мария подчинилась, возможно, мы найдем способ к нему подступить. Что вы думаете? Вы видите ребенка каждый день.

– Я думаю, она дочь Генриха. Никому не даст покоя своим ревом. У кого-нибудь из любовников Анны были рыжие волосы?

– Ни у кого из покойных джентльменов.

Леди Шелтон задумывается.

– Понятно... выходит, были и другие? Те, которых не судили? – Ее мысли кипят. – Уайетта можно назвать светловолосым...

– Уайетта можно назвать лысым.

– Вы, мужчины, так безжалостны друг к другу.

– Король полагает, Анна спала с сотней мужчин.

– Неужели? Мало ему быть простым рогоносцем. – Она оглядывается через плечо. – Это правда, Уайетта освободили?

Ему хочется сказать, земля приняла вашу племянницу, пора двигаться дальше.

– Никто больше не содержится в тюрьме по этому делу. Вы слышали о письме из Италии?

– Рейнольд, да. Редкий дурак. Я решила, что он погубил Марию. А что дочь Джона Сеймура? Как держится, она ведь теперь хозяйка?

– Она подходит Генриху. Смиряет его нором.

– Для этого хватило бы и мокрой тряпки. Впрочем, я желаю ей успеха. Возможно, она не так проста, если сумела одолеть мою племянницу.

Леди Шелтон берет его под руку, ведет вглубь дома и велит принести вина.

– Я расскажу вам, как было, когда Сэдлер приехал с вашим письмом. Мы можем присесть. Шелтон просидит с герцогами не меньше часа, будет изливать жалобы на леди Брайан.

Ему нравится слушать леди Шелтон. Ее рассказу можно доверять.

– Ступай, Роб, – говорит леди Шелтон слуге.

Мальчишка – Мэтью из Вулфхолла – поворачивается к двери и ловит его взгляд. Он отводит глаза. Я же говорил ему, думает он, как бы одиноко тебе ни было – странный дом, чужое имя, – ты не должен подавать мне никаких знаков, особенно в присутствии женщин, которые порой видят то, что упускают мужчины.

– Мы с часу на час ждали ваше письмо, – говорит леди Шелтон, – и документ, который Мария должна подписать. Императорский посол Шапюи посетил нас два дня назад и просидел с ней три или четыре часа. Есть он не стал, но осушил большую кружку эля. Шелтон сказал тогда: «Надеюсь, бедняга не пожалеет об этой кружке. Когда молодая дама считает себя принцессой, как извиниться и оставить ее ради того, чтобы навестить ночной горшок?» Посол вышел от Марии с таким видом, словно речь шла о спасении его собственной жизни. Шелтон проводил его и пожелал счастливого пути, а когда вернулся в дом и стаскивал сапоги, Мария вбежала к себе, заперлась на засов и придвинула к двери сундук. Для нас такое не впервой. Обычно мы зовем крепкого детину, который рубит для нас дрова. Шелтон послал за ним и на этот раз, и, когда дровосек вышиб дверь, Мария как ни в чем не бывало читала молитвы.

Однако у нее был еще целый день, думает он, чтобы осмыслить предстоящее.

– Когда прискакал Сэдлер, давно стемнело, на часах было одиннадцать. Мария еще не спала, вытянувшись на покрывале в сорочке, мы не смогли заставить ее лечь на простыню. Она сказала: «Если это джентльмен, я оденусь. Если письмо, то заявляю вам, что прочту его не раньше утра». Это Сэдлер, ответили мы и принялись гадать, как она поступит, потому что раньше она утверждала, что Сэдлер не джентльмен, хотя и приближенный короля.

Как с ней сладить, думает он.

– Но тут она воскликнула: «Сэдлер – слуга лорда Кромвеля!» – бросилась вниз по лестнице, не обувшись, и вырвала пакет у него из рук. Она сказала: «Отдайте его мне, и покончим с этим!» Прижала пакет к себе и унеслась вверх, крича: «Я подпишу! Я должна. Шапюи мне советовал, император мне велел, а папа простит меня, потому что меня заставили, и это не грех».

Леди Шелтон продолжает:

– Я в жизни так не удивлялась. Позднее она вышла из комнаты, брызгая слюной, и обратилась ко мне: «Шелтон, скоро вашей службе придет конец. Мой добрый отец призовет меня к себе. И вы никогда больше не будете за мной шпионить». – Леди Шелтон сжимает в руках кубок с вином. – К полуночи она подписала документ и заявила, что не желает, чтобы он оставался в доме. Велела мастеру Сэдлеру убираться в ночь. «Или письмо, или я. Я не останусь с ним под одной крышей». Какая глупость, ворота парка охраняются, она не одолела бы и пятидесяти шагов. Вообразите, все это время леди Брайан таскалась за ней с горячим отваром ромашки и вопила: «Моя дорогая, вы подхватите лихорадку!» А в детской не переставая ревел этот дьявольский ребенок – у нее все еще режутся зубы, – и тут Шелтон, который в обычных обстоятельствах держится учтиво, как заорет: «Прочь отсюда, леди Брайан! А вы, принцесса, живо пейте, если не хотите, чтобы я зажал вам нос и заставил выпить силком!» Простите его, что назвал Марию принцессой, но это самый быстрый способ заставить ее подчиниться. Затем мастер Сэдлер заявил весьма разумно и любезно: «Я не погнушаюсь соломенным тюфяком в беседе, а письмо заберу с собой. Думаю, это всех устроит».

Хороший мальчик. Он улыбается. Клянусь вам, сэр, говорил ему Рейф, чтобы убраться из этого дома, я провел бы ночь в гамаке, в хлеву или на траве. Так и вышло, ночь я проспал как убитый, во сне видел мою жену Хелен, а проснулся под пение птиц, прижимая Хелен к груди.

Мне принесли хлеба и эля, а еще воды, чтобы умыться. Не побрившись и наскоро попросившись, я сел на лошадь и поскакал к вам. Поверьте, сэр, стоило провести ночь под звездами, чтобы, передавая вам пакет, увидеть, как просветлело ваше лицо.

Он отставляет кубок:

– Миледи, нам надо идти к остальным. Я защищу вас от Норфолка. Я не шпалера, меня так легко не порвать.

Мария Болейн однажды припала ко мне, приняв за стену. Норфолк ударит меня кулаком, но кулак отскочит.

Леди Шелтон спрашивает:

– Мы с Джоном гадаем, распустят ли ее двор?

– Не сейчас. – Он умолкает, потом говорит: – Король не примет Марию, пока весть о ее покорности не перелетит границу и он не удостоверится, что Рим и император знают.

– Разумеется. Иначе это будет выглядеть так, будто король передумал и решил не настаивать. Или испугался императора.

– Вы разумная женщина. Идемте. – Он подает ей руку. Все Болейны не чужды политике. – Можете смягчить условия ее содержания. Никаких посетителей без моего согласия, но она может прогуливаться в парке. И переписываться.

Леди Шелтон опирается на его руку:

– Я думаю, она только притворяется покорной.

– Леди Шелтон, – говорит он, – мне все равно.

Войдя к Марии, они преклоняют колени. Норфолку, как самому знатному, надлежит приветствовать ее от имени короля, могущественного и милосердного властелина, да продлятся дни его правления. Просить прощения за нанесенные обиды, за излишнюю настойчивость. Лишь страхом за ее жизнь можно оправдать резкость их предыдущих бесед, говорит Норфолк.

– Томас Говард, – отвечает Мария, – я удивляюсь вашей смелости.

Норфолк вскидывает голову, глаза вспыхивают.

– Милорд Суффолк, – Мария отворачивается к Брэндону, – на вас вины нет.

– Ну, раз так... – Брэндон пытается встать, один взгляд – и он снова опускается на колени.

– Вероятно, вы считаете женщин немощными созданиями, – обращается Мария к Норфолку, – если думаете, что они не способны помнить дольше недели. Я на память не жалеюсь. И не забыла, как вы преследовали мою мать.

– Я? – удивляется Норфолк. – О чем вы...

– Мне известно, что вы поощряли честолюбивые замыслы вашей племянницы Анны, затем отреклись от нее и довели ее до смерти. Полагаете, я не испытываю жалости к этой заблудшей женщине? – Мария берет себя в руки, понижает голос. – Я не чужда раскаяния.

Стоя на коленях, он рассматривает королевскую дочь. Ей двадцать лет, и, очевидно, она уже не вырастет. Мария выглядит такой же тощей и чахлой, как в Виндзоре пять лет назад. Болезненное бледное личико, мутные глаза, удивленные и наполненные болью. На ней корсаж и юбка цвета пижмы, который совершенно ей не идет. Волосы забраны под шелковую плетеную сеточку. Мария не носит гейбл, вероятно, чтобы не давил на голову, которая болит нестерпимо.

– Моя дражайшая леди, – говорит Чарльз. Голос непривычно мягок. Герцог повторяет фразу, но больше ему сказать нечего. – Что ж, здесь Кромвель. Все образуется.

– Образуется, как же! – огрызается она. – Когда милорд Норфолк все исправит. Вы собираетесь пользоваться меня как свою жену?

– Что? – Герцог таращит глаза, губы трогает непрощенная ухмылка.

Мария вспыхивает:

– Я имела в виду, вы собираетесь меня бить?

– Кто сказал вам, что я бил жену? Кромвель, вы? Что наплела вам эта окаянная баба? – Герцог разворачивается, простирает к ним руки. – Шрам на виске, который она показывает, был у нее до нашей встречи. Она утверждает, что я стащил ее с кровати, где она рожала, и проводок по комнате. Клянусь Иоанном Крестителем, не было такого!

Мария говорит:

– Я не знала этой истории, теперь знаю. Вы не уважаете женщин, даже если Господь поставил женщину над вами. Ступайте. Я хочу поговорить с лордом Кромвелем наедине.

– Вот как? – Норфолк усмирен, но усмирен не до конца. – И что такого вы хотите ему сказать, чего не готовы сказать нам?

– Чтобы объяснить это вам, милорд, не хватит вечности.

Брэндон уже на ногах. Больше всего на свете ему хочется убраться восвояси. Норфолку подъем дается тяжелее. Нога подворачивается, он с силой наступает на камыш, которым устлан пол, кряхтит, рука молотит по воздуху. Чарльз подхватывает его под локоть:

– Держись крепче, Говард, я тебя подниму.

Норфолк отпихивает его:

– Отпусти меня! Это судорога. – Герцог не желает признавать возраст.

Он обходит герцогов – позвольте, милорд Суффолк, – обхватывает Томаса Говарда обеими руками сзади и небрежным рывком поднимает на ноги. Его сердце поет.

– Итак, – говорит Мария. – Я слышала, теперь вы хранитель малой королевской печати. А что случилось с Томасом Болейном?

– Король разрешил ему удалиться в Сассекс и жить в мире и покое.

Она презрительно фыркает, трет лоб, – кажется, даже сетка ее раздражает.

– Болейн, в отличие от Томаса Говарда, всегда был любезен с моей матерью. Никогда не оскорблял ее, по крайней мере в глаза. И все-таки он холодный и себялюбивый человек и водит компанию с еретиками. Король милостив.

– Некоторые говорят, даже слишком.

Это предупреждение. Она не слышит его:

– Вы стали таким влиятельным, лорд Кромвель. Возможно, вы были таким всегда, только мы этого не замечали. Кому ведомы замыслы Господа?

Только не мне, думает он.

– Я велел Кэрю написать вам. Полагаю, он написал?

– Да, сэр Николас дал мне совет.

– Который вас разочаровал.

– Который удивил меня. Видите ли, милорд, я знаю, что он принес присягу, несмотря на то что поддерживал мою мать. Я думаю, все, кто остался в живых, ее принесли.

Не все, думает он. Бесс Даррелл не принесла. Любовница Тома Уайетта.

– Миледи Солсбери подписала, и ее сын лорд Монтегю, лорд Эксетер и все Куртенэ. Покуда была жива Анна Болейн, им приходилось перед нею склоняться. Но я думала, после ее смерти им незачем скрывать свои истинные мысли. Почему не сказать прямо, что отец должен примириться с Римом? Почему не помочь мне вернуть отцовское расположение, а также мои права и титул? Я не знала, что король будет упорствовать в своих заблуждениях, не знала...

Что вокруг столько робких сердец? Столько соглашателей, честолюбцев и трусов?

– Они предоставили отдуваться вам, – говорит он. – А сами по привычке спрятались.

– С тех пор как я получила эти советы от моих друзей – такие отличные от того, что они говорили раньше, – я почувствовала себя очень одинокой, милорд.

Она идет к нему – он успел забыть, какая она неуклюжая, тычется, словно слепая. На низком столике стеклянный графин в серебре. Она замечает его, делает шаг вбок, хватается за столик, он наклоняется, плещется вино – багряная волна заливают белую льняную скатерть.

– Ой! – вскрикивает Мария, хватая графин, тот выскальзывает из ее пальцев...

– Оставьте, – говорит он.

Она в ужасе смотрит себе под ноги, шарахается от осколков:

– Это графин Джона Шелтона. Из Венеции.

– Я пришлю ему другой.

– Я знаю, у вас там друзья. Посол Шапюи мне сказал.

– Я рад, что он сумел объяснить вам опасность вашего положения. Последняя неделя была... – Он качает головой.

– Шапюи сказал: «Кромвелю пришлось применить все свои таланты и добродетели. Рискнуть всем. Он уже ощущал острие топора». – Подол ее платья пропитался кларетом, она безуспешно пытается стряхнуть влагу. – Больше никто из лордов за меня не вступился. Ни Норфолк, он не стал бы. Ни Суффолк, он бы не посмел. Мы этого не забудем...

Она запинаясь. Вот она и назвала себя во множественном числе, думает он. Уже.

– Посол говорит: «Кромвель еретик, но мы должны надеяться, что Господь направит его к истинной вере».

– Мы все на это надеемся, – замечает он набожно.

– Я часто спрашиваю себя, почему я не умерла в колыбели или в утробе, как мои братья и сестры? Должно быть, у Господа был особый замысел относительно меня. Возможно, вскоре я буду возвышена так, как не смею и мечтать.

Опасность возникает внезапно, словно удушливая вонь вспыхнувшей серы. Когда Мария движется, платье цвета пижмы отбрасывает бледный желтушный отсвет. Она, как и Ричмонд, думает, что Генрих при смерти.

– Какой у Господа мог быть замысел, кроме того, чтобы вы жили в довольстве и были доброй дочерью своему отцу? – спрашивает он.

– Я всегда буду послушна королю. Но у меня есть другой Отец, Небесный.

– Волю Отца Небесного порой трудно истолковать, воля же вашего отца предельно ясна.

Поздно делать оговорки, Мария. Вы подписали документ.

Она поднимает глаза, во взгляде ярость. В следующий миг они уже вновь бесстрастно-голубые, как у Генриха.

– Да, я приложила к нему руку.

– Шапюи прав. Я не смог бы сделать для вас большего. И сомневался, хватит ли моих сил даже на это. Ваш отпор ранил вашего отца, его здоровье пошатнулось.

– Я верю, – говорит она. – Мое здоровье тоже пошатнулось. Итак, когда я могу вернуться ко двору? Вы могли бы забрать меня с собой уже сегодня. Пусть мне найдут лошадь. Мы будем в Гринвиче до темноты.

– Король в Уайтхолле. К тому же многое еще нужно устроить.

– Разумеется, но я неприхотлива. Я готова разделить ложе с прачкой, лишь бы быть рядом с отцом. – Она снова начинает ходить по комнате, давя осколки. – Я знаю, вы считаете меня хилой. Леди Шелтон говорит, труп и тот порумянее, и она права. Но я всегда была хорошей наездницей. Клянусь, я не отстану от вас в дороге.

– Леди Мария, вам придется набраться терпения. Король должен удостовериться, что весть о вашем решении разлетелась по стране и за ее пределами.

– Теперь об этом узнают все, – говорит она, – я понимаю.

– И мало кто усомнится, что вы поступили правильно.

– Шапюи рассказал мне о письме Рейнольда. Ко мне это не имеет никакого отношения.

Я ничего не знала.

Я могу лишь пожалеть тебя, думает он, даже если не до конца тебе верю.

Он говорит:

– Ваши сторонники – Куртенэ, Поли, – забудьте о них. Они уверяют, будто чтут вашу древнюю кровь, но больше думают о своей. Возможно, они не прочь выдать вас за кого-нибудь из своих наследников, но взамен потребуют подчинения, ибо жена должна подчиняться мужу, будь она хоть королевской дочерью. И если вашему отцу, не приведи Господь, суждено умереть до того, как у него родится сын, они потребуют корону. Они могут выступать под вашими знаменами, но никогда не позволят вам править.

Мария отворачивается. В солнечном свете, что пробивается сквозь королевские гербы, сквозь желтую шкуру львов на стекле, она поднимает руки, теребит шелковую сетку чепца, стаскивает его. Опустив голову, трет виски и лоб, затем вынимает шпильки, распуская волосы.

Он смотрит на нее, онемев. На его памяти женщины проделывали такое только в одном случае. Да и то он знал такую, которая, прежде чем приступить к делу, плотнее затягивала волосы в пучок на макушке.

Она говорит:

– Я так страдаю, мастер Кромвель, что думаю, Господь меня любит. Простите, я больше не в силах выносить эти пути. Голова болит, зубы ноют. Джон Шелтон сказал, может быть, лучше их вырвать, чтобы боль ушла. У меня течет из глаз и носа, а тут, – она подносит руку к щеке, – опухоль размером с теннисный мяч.

Она невинна, думает он. Сомнений быть не может. Как она сказала Норфолку: «Вы собираетесь пользоваться меня как свою жену», не ведая, отчего он ухмыляется.

– Миледи, – говорит он, – позвольте мне вам помочь. Ваши глаза, голова, ваш разум, все ваши органы взбунтовались. Вы не можете переварить съеденное, ночной сон вас не освежает. Но теперь вы избрали правильный путь, поступили как все – мужчины и женщины, любящие Господа, – все, кто покорился и осознал свой долг перед страной. Вы прилагали все усилия, чтобы отвечать «нет». Теперь вы ответили «да». Выбрали жизнь, и вас ждет процветание. Вы думаете, только слабые люди подчиняются закону, потому что он их страшит? Только слабые люди исполняют свой долг, потому что не смеют отказаться? Это не так. Подчинение дает силу и спокойствие. И скоро вы их ощутите. Поверьте, я не лукавлю. Это будет как солнечный луч посреди долгой зимы.

Она говорит:

– Я бы много отдала, чтобы снова сесть в седло. Но у меня нет лошади. Мне запретили ее иметь.

– Как только я доберусь до Лондона, я найду вам лошадку. И я скажу Джону Шелтону, что вы можете выезжать с сопровождающими когда захотите.

– Он боялся, что крестьяне при виде меня преклонят колени и признают меня принцессой.

Если такое случится, думает он, Шелтон найдет способ их усмирить. И едва ли посол Шапюи выскочит из канавы и похитит вас.

Он говорит:

– В моей конюшне есть прелестная серая в яблоках кобыла, очень умная. Ее можно доставить сюда очень быстро.

– Как ее зовут?

Жидкая рыжеватая прядь ее волос вяло свисает с плеч. Мария беспокойно тянет к ней руку. В это мгновение она выглядит вдвое моложе своих лет.

– Ее зовут Дусёр. Но вы можете назвать ее по-своему.

– Нет. Хорошее имя.

Она роняет чепец на столик, шелковые нити впитывают пролитое вино. Ему хочется поднять чепец, но сетка безнадежно испорчена.

– Ничего, возьму другую, – говорит она. Ее глаза следят за ним, в них горит алчный огонь. – Этот синий на вашем джеркине хорош. Мне нравится узор.

Он вспоминает Марию Болейн. «Мне нравится ваш серый бархат». Как давно это было, словно в другой жизни. Тогда внутри джеркина я был другим человеком. Тоньше? Возможно. Осторожнее? Наверняка.

Он говорит:

– Когда вернетесь ко двору, выберете любой шелк и дамаст, который только пожелаете. Король обсуждал со мной ваши нужды.

Мария подносит ладонь ко рту, издает тихий стон, и ее лоб прорезает глубокая морщина. В следующее мгновение влага начинает течь у нее из носа и глаз, слезы катятся по щекам – тяжелые холодные слезы, словно камни у входа в гробницу.

Он пересекает комнату. На высокой ноте, зажав рот пальцами, она голосит, словно споткнулась о труп. Раскачивается из стороны в сторону, мычит, и он подхватывает ее, чтобы не упала. Ее мышинные косточки трепещут в его руках. Дверь открывается. Леди Шелтон окидывает взглядом разбитое стекло, багровое пятно, девушку с перекошенным лицом и обращается к ней строго, как к собственной дочери:

– Мария, хватит. Отпустите милорда хранителя. Наденьте чепец.

Вой прекращается. Лицо Марии пошло алыми пятнами, ее трясет как в лихорадке.

– Я не могу. Мой чепец испорчен. Я врезалась в стол и разбила графин сэра Джона, о чем сожалею, затем я...

– Не важно, – заявляет леди Шелтон. – Я никогда не слушала ваших объяснений, с чего бы мне теперь начинать. – Она собирает рыжие пряди, зажимает их в кулаке, словно собирается выволочь Марию из комнаты за волосы, затем, издав гневный возглас, отпускает ее. – Я отведу вас к леди Брайан, пусть приведет вас в порядок. Вытрите нос.

Он слышит мысли Марии, они такие громкие, словно шлепаются о стены: я английская принцесса, вы мне обещали.

– Мария, запомните, – говорит он. – Я сдержал обещание. Я отношусь к вам с почтением. Можете на меня рассчитывать. Но это все.

В глазах Марии смятение.

– Но вы сказали, что я буду... если что-то случится с королем... что вы поможете мне... разве вы не обещали послу?

– Я обещал то, что должен был обещать, – говорит он. – У меня не было выхода.

Дернув Марию за волосы, Энн Шелтон прекращает дальнейшие расспросы. Она обращается к нему поверх головы Марии:

– Вы обязательно должны перед отъездом увидеть Элизу. Леди Брайан настаивает.

То, что желает продемонстрировать им леди Брайан, представляет собой дергающийся ворох ткани, молотящие по воздуху красные кулачки, глотку, из которой вырывает пронзительный визг.

– А теперь, миледи, – леди Брайан подхватывает малышку, – покажите этим джентльменам, как хорошо вы умеете себя вести. Они прискакали издалека, чтобы поведать вашему милорду отцу, как вы поживаете.

Он в смятении:

– Она вопит так, словно увидела епископа Гардинера.

Брэндон фыркает. Томас Говард кисло улыбается.

– Не хотите сказать их милостям, как рады их видеть? – спрашивает леди Брайан у своей подопечной. – Песенку не споете?

– Позволю себе усомниться, – говорит Норфолк.

– «Ой-лю-лю, лю-лю, лю-лю, – выводит леди Брайан. – Дрозд строит храм на холме, зяблик на мельницу тащит мешок...» Нет? Не важно, милая. Держите. – Она достает кольцо

из слоновой кости, перевязанное зелеными ленточками, дитя хватает кольцо и сует в рот. – Ее зубки растут очень медленно.

Суффолк взирает на ребенка с высоты своего роста:

– Слава богу, не то, боюсь, она бы меня покусала.

– Еще не все потеряно, мы можем вернуться позднее, – говорит он.

– Да, когда ей исполнится тридцать, – бормочет Суффолк.

Но герцог любит детей и не может устоять, чтобы не наклониться к ребенку и не скорчить рожицу. Девочка перестает хныкать, дотрагивается до герцогской бороды, гладит, с сомнением разглядывает свои пальцы.

– Ничего, не отвалится, – говорит ей герцог.

Черные глазки стреляют в него, затем дитя снова сует в рот кольцо, но больше не плачет.

– Никогда не видела, чтобы ребенок так страдал, – говорит леди Брайан. – Поэтому я порой слишком ее балую. Сэр Джон разрешает ей сидеть за столом, и она слишком мала, чтобы не озорничать. – Она оборачивается к нему. – Мастер Кромвель, а как поживает ваш малыш Грегори?

– На голову выше меня, подыскивает себе невесту.

– Как летит время! Кажется, совсем недавно вы привозили его... куда же...

– В Хартфилд.

– Мария чахла, – леди Брайан оборачивается к герцогам, – и, пока не появился Томас Кромвель, с ней не было сладу. Мы не могли заставить ее сесть за общий стол, потому что тогда ей пришлось бы сидеть ниже сестры, – тогда Элиза была принцессой. И сэр Джон сказал, помяните мое слово, дай волю одной, другая тоже захочет обедать у себя, повара будут сбиваться с ног, а расходы станут непомерными, – и он решил, или Мария будет садиться за стол с нами, или останется без обеда и ужина. Но мастер Кромвель велел лекарям сказать, что Марии для здоровья необходим кусок красного мяса с утра. Сэр Джон не мог отказать ей в завтраке, поскольку завтракаем мы у себя. Поэтому она исправно получала свою порцию оленины утром, пока были запасы, или солонины, когда запасы кончались.

Суффолк улыбается:

– Она завтракала, как Робин Гуд со товарищи, пирующие в лесу. Уверен, ей это пошло на пользу.

– Значит, Мария снова принцесса? – спрашивает леди Брайан.

Он говорит:

– Она остается леди Марией, королевской дочерью.

– А эту красотку, – добавляет Норфолк, – надлежит именовать леди Приблуда, пока не будет других указаний.

– Как не стыдно! – Леди Брайан возмущена. – Кем бы она ни была, она дочь джентльмена, и я не знаю, как дальше поддерживать ее статус. Дети растут, и за последний месяц она выросла из всех одежек, а сэр Джон заявил, что у него нет ни денег, ни указаний. Мы ставили заплаты и штопали, пока было можно. Ей нужны сорочки, чепчики...

– Мадам, разве я похож на няньку? – спрашивает Норфолк. – Обратитесь к Кромвелю, полагаю, он понимает детские нужды. Кромвелю не чуждо любое ремесло – дайте ему кусок батиста, и до ужина он обошьет вашу маленькую леди.

Герцог круто поворачивается и выходит из комнаты. Они слушают, как он велит Джону Шелтону распорядиться насчет лошадей.

– Напишите мне, – говорит он леди Брайан. Он собирается выйти вслед за Норфолком, не хочет оставлять его наедине с Марией.

Но леди Брайан не отстает, на лестнице шепчет ему в ухо:

– Кромвель, я с ней беседовала. Как вы велели. И моя дочь леди Кэрю тоже. – Она говорит еле слышно. – Мы сделали, как вы велели.

– Хорошо.

– Вы разрушили ее гордость. Это нехорошо.

– Я спас ей жизнь.

– Для чего?

Он ускоряет шаг:

– Пришлите мне список того, что нужно малышке.

Шелтон снаружи, с конюхами. Леди Шелтон, смеясь, говорит:

– Незачем спешить. Мария унеслась наверх. Думали, она побежит советоваться с вашими врагами? Похоже, вы считаете ее неверной любовницей.

Он замедляет шаг:

– Герцоги мне не враги. Мы все слуги короля.

– Кажется, вы внушаете Суффолку благоговейный страх.

И впрямь, думает он, Брэндон ведет себя как шелковый.

Он оборачивается и берет ее руку, но снизу доносится рев, словно охотничий клич:

– Кромвель!

Это Чарльз, стоит на пороге, закинув голову назад, и тычет вверх:

– Кромвель, вы это видите?

Ему приходится пробежать по ступеням, чтобы взглянуть с другого угла. Над ними в дымке алого цвета инициалы покойной Анны на глазурованном своде.

– Шелтон! – вопит герцог. – У вас «ГА-ГА». Разбейте их. Пока погода не испортилась. – Чарльз гогочет. – Позвольте леди Марии швырнуть в них кирпичом.

Мэтью держит его лошадь под уздцы.

– Так держать, – говорит он. И это не про лошадь.

Он взбирается в седло, и под скрип седла и сбруи мальчишка бормочет:

– Заберите меня домой, как только будет можно, сэр.

– Я передам Терстону, что ты по нему соскучился.

Мэтью отворачивается:

– Храни вас Господь, сэр.

Он подбирает поводья. Джон Шелтон стоит на пути, извиняясь за «ГА-ГА».

– Я уж думал, что извел все до единого.

Он говорит:

– В прошлом месяце Галейон Хоне прислал счет из Дуврского замка за витражи с гербом королевы в личных покоях.

– Что? – спрашивает Норфолк. – Теперешней или старой?

– Потрачены впустую, – говорит он. – Две сотни фунтов.

Брэндон присвистывает:

– Дьявол. С камня их можно сбить, с дерева срезать, забелить стену, распороть узор, но когда они сияют сверху, подсвеченные солнцем, что делать тогда?

Они выезжают на дорогу. Летние дни длинные, они еще успевают вернуться до темноты.

– Не отчаивайтесь, Кромвель, – говорит Норфолк. – Понимаю, вы предпочли бы где-нибудь заночевать, но не все потеряно. Смотрите по сторонам, может быть, разглядите в канаве девку с раздвинутыми ногами.

Норфолк скачет впереди со свитой, они с Брэндонном едут рядом, колено к колену. В Саутурке, говорит герцог, где у его семьи был большой дом, а стекольщики держали лавки, все жили в страхе перед пожарами, которые вспыхивали, когда открывали печи.

– Хватит пучка соломы, – говорит Брэндон, – чтобы сгорел целый квартал.

Еще бы, при таком жаре, думает он. Кузня опасное место, и кузнецы вечно ходят черные и обгорелые, но им не пронзают сердце изделия собственных рук, и они не разбиваются насмерть, свалившись с колоколен, что почти каждый день происходит со стекольщиками.

На перекрестке с дорогой в Вэр Томас Говард останавливается и оборачивается в седле. Брат следует его примеру и, изогнувшись, смотрит на них.

– Видите, как корежит Говардов? – говорит он. – Не терпится знать, о чем мы беседуем. Как ни странно, о стеклах.

– Знаете, Кромвель, – говорит герцог, – в юности я славился меткостью и переколотил немало стекол. Полагаю, вы тоже. Или у вас не было случая?

– Было, милорд, в Патни тоже есть стекла.

– Милорд Норфолк! – кричит Чарльз. – Я рассказываю Кромвелю, что не бил стекло много лет.

В первую неделю июля король дает понять, что готов встретиться с дочерью. Нет, вернуть ее ко двору пока не готов.

– Королева меня торопит, – говорит Генрих. – И я думаю, вы могли бы устроить нашу встречу. Я оценил бы ее дочерние чувства. И еще, Сухарь, – добавляет король, – я не хочу ехать далеко.

Доктора не выходят от Генриха. Настроение короля испорчено ноющей болью в раненой ноге. Я начинаю подозревать, говорит Беттс, что задета кость. Будь это мясо, мы бы промыли рану – или отрезали ногу, если не будет другого выхода. Но кость либо заживет, либо нет. Молодой Ричмонд прав. Болезнь запущена. В следующем году Генрих может нас покинуть.

В Остин-фрайарз он заходит в комнату Мерси Прайор:

– Матушка, король хочет повидаться с дочерью. Думаю, мы могли бы предложить ему для этого наш новый дом в Хакни.

Комната Мерси выходит в сад, и она всегда может посидеть на припеке. Она поддерживает переписку с друзьями, многие моложе ее, есть ученые, некоторые лютеране. Иногда мистрис Сэдлер приходит почитать ей вслух. Теперь Хелен читает так свободно, словно ее учили этому с детства, и пишет разборчиво. Но сегодня Мерси сидит в одиночестве с Новым Заветом Тиндейла на коленях. Она уже не может разбирать слова, но любит держать книгу в руках. Мерси откладывает ее и некоторое время разглядывает, словно ребенка, чтобы убедиться, что ему удобно.

– Новостей нет?

Вот уже год с тех пор, как его арестовали в Антверпене, ученый богослов сидит в императорской тюрьме в Вилворде. Его время истекает. Тиндейл или отречется, или сгорит на костре. Или отречется и сгорит на костре. Император хочет создать прецедент, чтобы другим было неповадно, хочет держать Антверпен в страхе. Король Англии не намерен защищать своего подданного – Тиндейл выступал против его развода. Если вам не нравится папа, это не значит, что вы на стороне Генриха. Тиндейл, как и Мартин Лютер, всегда говорил, мы не признаем Рим и его власть, но не можем порицать ваш брак с Екатериной: он законен и его нельзя расторгнуть.

– Ты можешь замолвить за него словечко перед королем? – спрашивает Мерси. – Теперь, когда с ним новая королева и он успокоился... Ты говоришь, он готов примириться с дочерью. А другая сторона спора умерла.

Екатерина умерла и не умерла. Ее дело живет, пустив глубокие корни в кислую почву. Мерси говорит:

– Я думаю о Тиндейле в темнице. Ты не вытащишь его оттуда до зимы? Это возможно?

– Ты имеешь в виду, возможно ли это для меня? Думаешь, я на это способен?

– Ты на все способен.

Для Мерси это не комплимент.

У него есть план крепости Вилворде. Он знает, где содержат Тиндейла. Но даже если удастся доставить его к побережью, куда Тиндейлу податься дальше?

– Я думаю, вскоре мы увидим Новый Завет в Англии. Генрих разрешит. В переводе Тиндейла. Но без его имени.

– Надеюсь, что доживу, – говорит Мерси. – Это все Томас Мор и его шпионское гнездо, оно живо даже после его смерти. Если бы я думала, что мертвецы способны испытывать боль, я выкопала бы его из могилы и пинала вдоль Чипсайда за те страдания, что он причинил мужчинам и женщинам, которые несравненно ближе к Господу, чем он.

– Блаженны кроткие, – говорит он.

– Да, так утверждают. Я вижу, куда это заводит.

В эти недели ему часто приходило на ум, что если сравнить дочь короля и Тиндейла – кто упрямее, кто более склонен к саморазрушению, – то неизвестно, за кем останется победа.

– Но ты же видишь, – говорит он, – Мария сдалась. Если мы привезем ее в Хакни и они не договорятся, королю будет легче отступить.

Весь год он перестраивает дом, переданный Генриху графом Нортумберлендским. Молодой Гарри Перси болен и сильно задолжал казне. Он предложил в частичную уплату долга дом со всей обстановкой. Генрих спросил его, почему бы вам, Сухарь, туда не переехать? Вместе с молодым Сэдлером, который строит летний дом напротив. Сможете присмотреть за тем, как ведутся работы. Король прислал им высушенные дубы из собственных угодий, и вместе с Рейфом они устроили производство кирпича, благо воду можно брать из ручья.

Мерси говорит:

– Пойми, Томас, как только тяжелые работы будут завершены, Генрих тебя выставит.

Но ведь, в конце концов, дом принадлежит королю. Он заложил сад, поручив послам присылать ему саженцы и семена растений, не произрастающих в Англии. Свет заляет старые комнаты. Никаких больше «ГА-ГА», никаких заносчивых стекольщиков Хоне – Джеймс Николсон справится ничуть не хуже, только запросит дешевле. Вместе со строителями он обошел участок, обсуждая трубы, объем резервуаров, скрытые родники, которые можно использовать для подачи воды. Даже в давние дни в Остин-фрайарз он обустроил ванную, но у воды, текущей из труб, слабый напор; если хотите накормить короля, воды на кухне должно быть достаточно.

– Ты со мной? – спрашивает он Мерси. – Все должно быть готово для ночлега двух королевских особ женского пола.

– Хелен Сэдлер справится. Стара я уже ездить. А поскольку ни я, ни она и близко не бывали при дворе, нам обеим пришлось бы гадать, чего они захотят. Впрочем, Мария такой же человек, как все мы, и ничем не отличается от других девушек.

А Джейн такая же королева, думает он, как и другие. Генрих представил ее послам, позволил вступить в беседу. Он удивлен – все вокруг удивлены – ее спокойствию и умению держаться. Однако потом она будто ушла в себя. В первую неделю ее глаза то и дело искали его или братьев, словно она хотела спросить, что дальше? Женщины в ее окружении до сих пор вздрагивают от каждого шороха. А чего вы хотели, Томас, спрашивает Фрэнсис Брайан. Всего несколько недель миновало с тех пор, как вы допрашивали их одну за другой, связывая их жалкие истории в узелки. Им нужно время, чтобы оправиться от страха.

Великий день настает. У Хелен в руках список. Мебель Гарри Перси была накрыта, чтобы уберечь ее от побелки и запаха краски. В парадной спальне с синего балдахина и золотой парчи спорили гербы. Под графским стеганым покрывалом золотого дамаста и синего бархата новые одеяла из плотной белой шерсти. Утром он просыпается с мыслью о Тиндейле в сырой темнице. Если его не прикончит палач, то доконает следующая зима. В Антверпене отпечатанные листы прячут между складок ткани в тюках, белое на белом. В тепле и покое Господь шепчет внутри каждого рулона. Его слово плывет по морю, выгружается в восточных портах, едет в Лондон на телеге. Он делает пометку: Тиндейл, поговорить с Генрихом, еще одна попытка.

Он посоветовал выделить для леди Марии самую теплую комнату в доме. Огромная пуховая перина готова, желтый бархатный балдахин, подушки желто-коричневого бархата и зеленого узорчатого атласа.

– Настоящая постель для новобрачных, – говорит Хелен.

Видно, какое удовольствие ей, девочке, выросшей в бедности, доставляет возиться с превосходными тканями и иметь под своим началом целую армию подушек.

Она говорит:

– Я передвинула большое пурпурное кресло в галерею для короля. Теперь нужно найти кресло пониже для королевы. Есть еще золотое парчовое креслице для леди Марии. Говорят, она маленькая и тщедушная. Я ее увижу?

Хелен замужем за доверенным лицом короля, почему бы ей не сделать реверанс леди Марии? Однако она не станет нарушать традиций.

– Когда вы пригласите их на ужин, я встану рядом со слугами. Не подзывайте меня, вы же знаете, это нехорошо.

Они разговаривают в галерее, Хелен смотрит на шпалеру, на белые шерстяные ноги бегущих фигур, на девушку со струящимися волосами:

– Я не знаю, кто эти люди.

На шпалере выткана горестная история Аталанты.

– Она тоже была дочерью царя, – говорит он.

– И?

Дочери правителя не суждено жить в покое. Вечное «и» или «но».

– Но царь хотел сына. И когда родилась дочь, он оставил ее умирать на склоне горы.

– Невинного младенца? – Хелен потрясена.

– Это было очень давно, в Аркадии, – говорит он. – Но она выжила, медведица выкормила ее своим молоком.

– Так это сказка. А что потом?

– Она стала охотницей, жила в глуши. Поклялась остаться девственницей.

– Ради чего?

– Думаю, она обещала это богам. Тогда еще не было пап. И Христа. Они верили в своих маленьких божков.

Шум со двора заставляет их выглянуть из окна. Прибыл Терстон в окружении свиты кухонных мальчишек. Дождливым английским летом приходится излучать собственное сияние. Терстон займется блюдами, требующими руки мастера: желе из розовой воды, трясущимся пудингом, корзиночками с творожным суфле.

Король одет в белое с золотом, королева – в белое с серебром.

– Сегодня получше, – говорит король.

Он не спешит навстречу дочери – или делает вид, будто не спешит, – гуляет по саду, рядом с ним Рейф Сэдлер, обзревает новые посадки.

– Поживу тут с неделю. Ближе к концу лета.

А ты выметайся, думает он. Рейф ловит его взгляд.

– Я загляну к тебе в гости, Сэдлер, – обещает король. – Мастер Сэдлер живет через дорогу, – объясняет он Джейн. – Ты знаешь, что он женился на нищенке?

– Нет, – отвечает Джейн, и снова молчок.

– Она пришла просить милостыню к дому лорда Кромвеля с двумя детишками, которые цеплялись за ее юбку. У нее не было никого в этом мире, но Кромвель, увидев, что она женщина добродетельная, взял ее в дом. – Королю нравится собственная история, на лице играет румянец, манеры просты и изящны, глаза горят ярче, чем в предыдущие несколько недель. –

Мастер Сэдлер, видя, как она расцветает день ото дня, отдал ей свое сердце – и, несмотря на ее бедность, он на ней женился.

Джейн не проявляет должной отзывчивости – или королю кажется, что не проявляет.

– Разве это не высшее милосердие? – настаивает Генрих. – Мужчина, который мог выгодно жениться, выбирает женщину, стоящую ниже его, за ее высокие моральные качества?

Джейн что-то бормочет. Король наклоняется к ней:

– Разумеется, еще как встревожились! Кромвель, семейство Сэдлеров не в обиде? Кромвель их уговорил. Он сказал им, что нет преград для истинной любви. – Король поднимает руку Джейн и целует ее. – И он был прав.

Сигнал подан, момент приближается. Король озаряет комнату своей улыбкой:

– Этого дня мы ждали очень давно. Приведите ее, Кромвель. – Генрих оборачивается к Рейфу. – Лорд Кромвель обошелся с моей дочерью с таким тактом и заботой, словно он мой родственник, – кажется, король удивлен собственным словам, – что, разумеется, далеко от истины, но я собираюсь щедро вознаградить его и весь его дом. Леди Шелтон, вы сходите с ним?

Леди Шелтон прибыла из Хертфордшира в свите Марии вместе с сундуком новых платьев.

Когда они вместе поднимаются по лестнице, она говорит:

– Король весь светится. Можно подумать, Джейн сообщила ему добрую весть, хотя, я полагаю, еще рановато.

– Некоторые женщины знают с той минуты, когда понесли.

– Когда имеешь дело с королем, лучше перестраховаться.

На вершине лестницы он останавливается:

– Как она?

– Молчит.

– А как поживает ее корсаж цвета пижмы?

– Истреблен, как имя папы.

– И никогда не воскреснет?

– Из него сшили подушку и отдали в детскую. Будем надеяться, леди Элиза с ней разберется, как только у нее прорежутся зубки. Должна признаться, это я виновата. Король не поспешил на траурные цвета после смерти ее матери. Но мне показалось, вашей милости не понравится, если она будет в черном.

Тридцать два ярда черного бархата по тридцать фунтов восемь шиллингов. Сорок два шиллинга восемь пенсов новому главе гильдии портных за пошив. Четырнадцать ярдов черного атласа по шесть фунтов шесть шиллингов. Тринадцать ярдов черного бархата для ночной сорочки и подкладку из тафты. Девяносто черных беличьих шкур. А еще нижние юбки, парлеты, корсажи, рукава, всякая всячина. Итого – одна тысяча семьдесят два фунта шестнадцать шиллингов шесть пенсов заплачено королем. Теперь Марии предстоит носить цвета поярче. Каждый день после его отъезда, точнее, с тех пор как король выразил свое одобрение, возы с щедрыми дарами тянулись из Бишопсгейта. Он говорил с итальянскими торговцами тканей, обсуждал с Гансом прекрасный изумруд – будущую подвеску в оправе из жемчуга. Меха Екатерины придется перевероршить и, если король сочтет нужным, отдать Марии на зиму.

Тиндейл, думает он. Помни о будущей зиме.

Когда они входят, Мария поднимает взгляд. Встречается с ним глазами. Красавица Элиза Кэрю избегает смотреть на него. Другая дама возится с подолом Марии. Это Маргарет Дуглас, рыжеволосая племянница короля.

– Со мной леди Мег, – говорит Мария, словно он мог ее не заметить. – Король решил... раз уж это семейная встреча...

Всякий раз, Мег, когда я вижу тебя, ты стоишь на коленях. Он хочет помочь ей. Не обращая внимания на его протянутую руку, Маргарет поднимается с пола, пересекает комнату и выглядывает в сад из окна. Жена Кэрю остается поправить шлейф.

– Миледи? – говорит он. – Вы готовы?

Мег понесет шлейф. Они выплывают из комнаты, в новом малиновом с черным платье Мария выглядит чопорно и зажато, а он жестом удерживает леди Кэрю:

– Спасибо.

– За что?

– За то, что помогли мне ее спасти.

– У меня не было выбора, меня заставили.

Женщины, лестницы, слова из-под ладони – неужели слугам императора тоже приходится этим заниматься? Ты задерживаешь дыхание, пока Мария отмеряет каждый шаг. Дочь английского короля, ребенок королевы Шотландии – такие мгновения кажутся созданиями мастера, задумавшего вышить их шерстью или цветами. Мария оглядывается, словно проверяет, на месте ли он. Мег дергает ее за шлейф. Кажется, будто она управляет Марией, борючая и кудая, словно женщина, толкающая тачку. Когда Мария останавливается, леди Мег тоже останавливается. Неужели Мария в панике? Что, если именно сейчас она думает, нет, я не смогу? Однако, шепчет он леди Шелтон, я не слишком тревожусь за исход дела, если она передумает, то потеряет равновесие и приземлится бесформенной кучей прямо у ног отца.

– Мы старались как могли, – вздыхает леди Шелтон. – По-моему, ей к лицу более нежные оттенки, но она пожелала выглядеть царственно. Что такое с шотландской девчонкой? Вы ей не нравитесь?

– Бывает, – говорит он.

Их не предупредили, что королевских особ женского пола будет три: Мария, королева, Мег Дуглас. Они думали, королева возьмет с собой обычных камеристок. Но всадники еще не успели спешиться, а он уже окликнул Хелен, и она унеслась в дом. Совсем скоро Хелен вернулась: добавила красные подушки золотого шитья, доложила она, постелила на пол ковер. Повесила шпалеру с историей Энея, – по крайней мере, Рейф так сказал. Надеюсь, думает он, Дидона вышита не в языках пламени.

У подножия лестницы Мария резко останавливается:

– Милорд Кромвель!

Мег злобно выдыхает:

– Мадам, король ждет!

– Я забыла поблагодарить вас за серую в яблоках. Очень спокойная лошадка, как вы и обещали. – Она обращается к Мег: – Лорд Кромвель прислал мне кобылу из своей конюшни. Ничто не обрадовало бы меня больше – я не сидела в седле пять лет, и теперь мое здоровье пошло на поправку.

– Она и впрямь выглядит лучше, – говорит леди Шелтон. – В лице прибавилось краски.

– Ее звали Дусёр. Мне нравится, но я придумала новое. Я зову ее Гранат. Это эмблема моей матери.

Леди Шелтон закрывает глаза, словно от боли. Мария у порога расправляет юбки. Двери распахиваются. Король и королева стоят против света: золотое солнце и серебристая луна. Мария глубоко и прерывисто вдыхает. Он становится у нее за плечом – а что ему остается?

Вечером король отпускает его, чтобы побыть с семьей. Расходятся рано, никаких бесед о политике, никаких бумаг на подпись.

Хелен говорит:

– Вы утомились. Не хотите перейти лужайку и часок посидеть с нами? Грегори и мастер Ричард уже там.

Вечер, словно голубка, устраивается на ночлег. Когда хроники нынешнего правления будут написаны нашими внуками или чужеземцами, далекими от этих тающих в дымке полей и мерцающего света, они придумают заново встречу короля и его дочери – речи, которыми они друг друга приветствовали, взаимные поклоны, обещания, благословения. Они не увидят, не запишут, как леди Мария, чуть не падая с ног, склонилась в поклоне и как король вспыхнул, пересек комнату и прижал ее к груди. Ее сопение и хныканье, когда она обнимала белую с золотом ткань его джеркина, его всхлипывания, несмелые ласки и слезы, брызнувшие из глаз. Королева Джейн робко стояла поодаль с сухими глазами, пока неожиданная мысль не заставила ее сдернуть кольцо с пальца:

– Вот, это вам, носите.

Мария перестает хныкать. Он вспоминает леди Брайан, сующую кольцо для зубов леди Приблуде.

– Ах. – Мария едва не роняет кольцо. Крупный алмаз удерживает полуденный свет в ледяном объятии.

Маргарет Дуглас берет ее запястье и надевает кольцо на палец:

– Слишком большое! – Мег в отчаянии.

– Его подгонят.

Король протягивает открытую ладонь. Камень исчезает в одном из кармашков.

– Ты щедра, милая, – говорит он Джейн.

Он, Кромвель, замечает блеск в глазах короля, когда тот подсчитывает стоимость камня.

– Вы великодушны, мадам, – говорит Мария королеве. – Я желаю вам того, что принесет вам утешение. Надеюсь, скоро вы родите сына. Я каждый день буду за вас молиться. Отныне я считаю вас своей матушкой. Слово так было задумано Господом.

– Но... – говорит королева. Обеспокоенная, она делает знак мужу, чтобы тот наклонил голову, шепчет ему в ухо.

Король говорит, улыбаясь:

– Королева сказала, даже Господу такое не под силу – она старше вас всего на семь лет.

Мария в изумлении смотрит на Джейн:

– Скажите ей, это выражение моего почтения. Общепринятая форма пожелания добра.

Ее милость не должна...

– Она поняла, не правда ли, милая? – Генрих улыбается Джейн сверху вниз. – Мы идем?

Коленопреклоненные слуги ждут, когда мимо прошествуют августейшие особы. В комнату врывается Хелен с серебряным подносом, на котором лежат половинки лимонов, – и, поняв свою ошибку, пятится назад, отвешивая низкий поклон. Запах лимонов наполняет воздух. Джейн рассеянно улыбается Хелен. Мария ее не замечает, но хотя бы не сбивает с ног. Король замедляет шаг и готов заговорить, затем оборачивается к жене и дочери, которые замерли перед дверью.

– Я не пойду впереди вас, – говорит Джейн.

– Мадам, вы королева, вы должны быть первой.

Джейн протягивает руку, голую, без кольца. Звезда испускает лучи в кармане на животе короля.

– Давайте войдем как сестры, – говорит Джейн. – Никто не будет в обиде.

Генрих сияет:

– Ну разве сама она не драгоценность? Вы согласны, Кромвель? Идемте, мои ангелы. Попросим Господа благословить нашу трапезу и наше воссоединение. Молюсь, чтобы оно продолжалось вечно.

Но позднее, когда молитва прочитана, король омыл руки в мраморном тазу, блюда расставили и король отведал артишоков, заметив, что любит их больше всего на свете, он замолкает и погружается в раздумья. Наконец выпаливает:

– Сэдлер, это ваша жена? Та, что поклонилась нам, когда мы вошли? – Он ухмыляется. – Если бы она пришла просить милостыню к моим воротам, я бы тоже на ней женился. И милосердие тут ни при чем. Какие глаза! Какие губы! – Король косится на Джейн. – И она уже подарила Сэдлеру сына.

Джейн не видит и не слышит. Она поглощена своим пирогом с форелью, ломтики огурцов разбросаны по тарелке, словно зеленые полумесяцы. Будто ее наставляет Блаженная Екатерина. Та, другая, сидя на ее месте, хохотала бы, замышляя месть.

Шагая по тропинке, Рейф удивляется:

– Гранат? – Он издает стон. – Я знал, что добром это не кончится.

Приносят клубнику и малину. Приходит Ризли под руку с Ричардом Ричем. Занимают места в беседке. Кувшины с белым вином стоят на земле в лохани с холодной водой. Окажись здесь Мария, думает он, непременно бы ее опрокинула.

Кубки Рейфа украшены изображениями учеников Христа.

– Надеюсь, это не Тайная вечеря, – говорит Рейф. – Держите, сэр. Этот ваш.

Он узнает святого Матфея, сборщика податей, поднимает кубок и произносит тост, который слышал от тосканских купцов: «Во имя Господа и барышей».

Тяжесть этого дня опускается на плечи. Голоса то громче, то тише, и он уходит в свои мысли. Думает о крыльях, которыми бахвалился перед Фрэнсисом Брайаном. Когда крылья Икара расплавились, тот беззвучно пролетел сквозь воздух и с шуршанием вошел в воду, а перья остались на ровной маслянистой поверхности моря. Почему мы упрекаем Дедала за падение Икара и помним только его неудачи? Он изобрел пилу, топор и отвес. Выстроил лабиринт на Крите.

Он приходит в себя. Из дома доносится детский плач.

Хелен подскакивает:

– Маленький Томас! Окно открыто! Ночной воздух вреден!

Они смотрят вверх: появляется лицо няни, ставни плотно закрываются, плач смолкает.

Рейф протягивает руку:

– Милая, успокойся. У него хватает нянек.

Они хотят, чтобы она посидела с ними подольше, ее красота словно благословение. Хелен садится и говорит:

– Иногда, когда он плачет, у меня болит грудь, хотя его уже забрали у кормилицы. Дочерей я кормила сама, но теперь я леди. Вот так-то.

Они улыбаются, все отцы, за исключением Грегори.

Рич поднимает святого Луку. Он никогда не забывает о делах.

– За ваш успех, сэр. – Рич опрокидывает кубок. – Хотя вы дотянули до опасной черты.

Грегори говорит:

– К тому времени, как мой отец выпустил из тюрьмы нашего друга Уайетта, тот успел выдернуть последние остатки волос. Отец не спешит, дабы показать свою власть.

– Не вижу в этом ничего дурного, – говорит Рич. – Если она у тебя есть. Милорд, сегодня Кристофер Хейлс принял присягу в качестве начальника судебных архивов. Он спрашивает, вы готовы съехать?

Он не собирался съезжать. От Чансери-лейн рукой подать до Уайтхолла.

– Скажите Киту, я найду ему другой дом.

– Жаль, вы не слышали короля, – говорит Рейф, – когда он сказал, сколь многим обязан нашему хозяину. Лорд Кромвель стал мне ближе, чем родственник.

– А потом вспомнил, что я из простых, – улыбается он. – Если бы не это, он был бы рад состоять со мной в родстве. – Он окидывает их взглядом. Все ждут. Он вспоминает слова Уайетта: вы на грани того, чтобы объяснять свои поступки. – Господь свидетель, я бы решил все давным-давно, но Мария должна была осознать, чего от нее хотят. Вы были на совете, Рич, когда король вышвырнул Фицуильяма...

– По-моему, вышвырнули его вы.

– Поверьте, так лучше. – Мне было тяжело вернуться к столу с цепью в руке, думает он. Затылком я ощутил холодок, словно моя голова отделилась от плеч. Но мне пришлось идти. Словно Иисусу по воде. Пришлось расправить крылья.

Мастер Ризли дотрагивается до его руки:

– Сэр, ваши друзья хотели, чтобы я сказал... они поручили мне сказать вам... они надеются, что доброе расположение, которое вы проявили к королевской дочери, вам не повредит. С одной стороны, достойно похвалы примирить отца с дочерью и заставить непокорное дитя подчиниться...

– Зовите-меня, возьмите клубники, – говорит Рич.

– ...с другой стороны, у нас нет причин полагать, что благодарность воспоследует. Остается надеяться, что вам не придется жалеть о своей доброте.

– Гардинер будет рвать и метать, – говорит он. – Решит, что я хитростью добился преимущества.

– Но вы добились, – говорит Хелен. – Мария с вас глаз не сводила.

– Это другое, – говорит он. Она смотрела на меня, думает он, как на диковинного зверя: на что еще он способен? – Я обещал Екатерине за ней присмотреть.

– Что? – Рейф изумлен. – Когда?

– В Кимболтоне. Когда Екатерина была больна.

– И вы завалили в постель ту женщину на... – Грегори осекается. – Простите.

– На постоялом дворе. Но я не отравил ее мужа. Не измыслил преступления, за которое его могли бы повесить.

– Никто и не думал вас обвинять, – успокаивает его Рич.

– Епископ Гардинер обвиняет. – Он смеется. – Я видел ту женщину первый и последний раз в жизни.

Но я помню ее, помню, как на рассвете она пела на ступеньках трактира. Я помню комнату больной в замке и Екатерину, съежившуюся в горностаевом плаще. Ее лицо, отмеченное печатью пережитых страданий и страданий, которые еще предстоят. Неудивительно, что она не боялась топора. В тот день она назвала его «ничтожным». Он помнит юную женщину – теперь он знает, что это была Бесс Даррелл, – которая скользнула в тень с тазом в руках. Мастер Кромвель, спросила его Екатерина, вы исповедуетесь? На каком языке? Или вы не ходите к исповеди?

Он не помнит, что ей ответил. Возможно, сказал, что исповедовался бы, если бы чувствовал вину. Он уже уходил, когда: «Господин секретарь, постойте...»

Он подумал тогда – вечно одно и то же. Стоит повернуть к двери, сделать вид, что тебе больше нет до узника дела, – и он готов признаться, предложить взятку, назвать имя, которого ты ждал. «Вы помните нашу встречу в Виндзоре? – спросила тогда Екатерина и, не дрогнув, добавила: – В тот день, когда король меня бросил?»

Даже лебеди на реке застыли от жары, листья на деревьях поникли, собаки во дворе выводили свою собачью музыку, пока их звонкий лай не стих вдали, и кавалькада величественных всадников двинулась через луга и поляны, королева упала на колени, молясь в полуденном свете, а король уехал на охоту и больше к ней не вернулся.

– Помню, – ответил он. – Ваша дочь была больна. Я заставил ее присесть. Не хотел, чтобы она потеряла сознание и расшибла голову.

– Считаете меня плохой матерью?

– Да.

– И все ж я верю, что вы мой друг.

Он посмотрел на нее с изумлением. Морщась от боли, вцепившись в ручки кресла, царственная дама встала. Горностаи соскользнули на пол, обняв друг друга, сбившись в мягкую грудку.

– Как видите, я умираю, Кромвель. Когда я больше не смогу ее защитить, не позволяйте им причинить вред принцессе Марии. Я оставляю ее на ваше попечение.

Она не ждала от него ответа, только кивнула: вы свободны. Он ощутил запах кожаных переплетов ее книг, несвежего пота ее белья. Поклонился: мадам. Спустя десять минут он был в дороге – на пути к предстоящей задаче, туда, где обещания исполняются.

Грегори спрашивает:

– Зачем вы это сделали?

– Я ее пожалел.

Умирающую женщину в чужой стране.

Ты же меня знаешь, думает он. Должен был узнать. Генри Уайетт сказал мне, присмотрите за моим сыном, не дайте ему себя погубить. И я сдержал обещание, пусть ради этого мне пришлось его запереть. В дни кардинала меня называли псом мясника. Пес мясника силен и жилист. Я таков, и я хороший пес. Вели мне охранять что-нибудь, и я не подведу.

Ричард Кромвель говорит:

– Тогда вы не могли знать, сэр, о чем на самом деле просит вас Екатерина.

В этом смысл обещания, думает он. Грош ему цена, если ты заранее знаешь, во что тебе обойдется его исполнение.

– Что ж, – говорит Рейф, – вам удалось сохранить это в тайне.

– Я никогда не был открытой книгой.

– Мне кажется, зря вы согласились, – замечает Грегори.

– Что? По-твоему, не следовало мешать королю убить собственную дочь?

Ричард Рич спрашивает:

– Скажите, сэр, мне любопытно, насколько далеко простиралась ваша верность слову? Если бы Мария открыто выступила против короля, вы и тогда бы ее поддержали?

Ричард Кромвель отвечает:

– Мой дядя – королевский советник, который давал присягу. Его обещание Екатерине было не пустыми словами, но и не клятвой. Оно не связало бы его, если бы затронуло интересы короля.

Он молчит. Как сказал Шапюи, живых переубедить можно – с мертвыми не договоришься. Он думает: я связал себя. Почему? Почему тогда отвесил поклон?

Рич спрашивает:

– Мария знает об этом... как бы сказать... обязательстве?

– Никто не знает, кроме меня и вдовствующей Екатерины. Я никогда о нем не упоминал.

– Не стоит и впредь о нем распространяться, – продолжает Рич. – Пусть и дальше остается в тени.

Он улыбается. Все, произнесенное таким вечером в саду, покрыто туманом. В Аркадии.

Ричард Кромвель поднимает глаза:

– Не пытайтесь сделать из этого грязный маленький секрет, Рич. Это было проявление доброты, и ничего больше.

– А вот и Кристоф, – говорит Рейф. – «*Et in Arcadia ego*»¹⁷.

Туша Кристофа заслоняет последние солнечные лучи.

---

¹⁷ И я в Аркадии (лат.).

– Шапюи пришел. Я велел ему оставаться в доме, пока не узнаю, расположен ли мой хозяин его принять.

– Надеюсь, ты изложил эту мысль вежливее, – говорит Рейф и встает.

– Я приведу его, – вмешивается Грегори.

Его сын видит, что Рейф не готов встретить посла. Рейф снимает шляпу и приглаживает волосы.

– Так ты выглядишь опрятнее, – замечает он, – но едва ли счастливее.

Рейф говорит:

– По правде сказать, Мария поразила меня, когда я привез в Хансдон бумаги. Сбежала с лестницы – мне не приходилось раньше видеть благородную даму необутой, только если на пожаре. Когда она выхватила письмо из моих рук, я решил, она хочет его порвать. А затем она с воплем унеслась, словно в руках у нее карта острова сокровищ.

– Этим сокровищем, – говорит он, – была ее жизнь.

– Я не поручусь за надежность этой дамы, – говорит Рич. – Боюсь, она может оказаться поддельной монетой.

Хелен поднимает глаза:

– Тише, наш гость.

Грегори говорит:

– Он не понимает по-английски.

– Разве? – удивляется Хелен.

Они смотрят, как посол пересекает лужайку, блестя, словно черный с золотом светлячок.

– Рад случаю вас приветствовать, – говорит Шапюи. – Мастер Сэдлер, какое наслаждение видеть вас в кругу семьи. Как буйно цветет ваш сад! Вам следует посадить виноградную лозу и обвить ее вокруг решетки, как у Кремюэля в Кэнонбери. – Посол берет руку Хелен. – Мадам, вы не говорите по-французски, а я по-английски, но, даже владей я вашим языком, слова бессильны. Таким прекрасным цветком можно лишь молча любоваться. – Посол поворачивается. – Итак, Кремюэль, мы пережили *dies irae*¹⁸. И все ваши мальчики здесь. Думаю, мы можем друг друга поздравить. До меня дошли слухи, что король пожаловал дочери тысячу крон, не говоря об алмазе, который стоит не меньше, и предоставил гарантии ее будущего. Поверьте мне, джентльмены, если Кремюэль сумел усмирить леди Марию, вскоре он спустится в ад и уговорит Сатану пожать руку Гавриилу. Поймите меня правильно, я не сравниваю молодую даму с дьяволом. Однако должен признать, его жалобы, что она самая упрямая женщина на свете, вполне обоснованны.

Надо же, думает он, она показала тебе *billet doux*¹⁹, что я ей прислал. Они обнимаются. Он боится раздавить хрупкие кости посла. Шапюи с улыбкой оглядывается:

– Друзья, пусть это будет началом эры согласия. Никому не нужна ни еще одна мертвая дама, ни война. Ваш правитель не может позволить себе воевать, мой господин любит мир. Я всегда говорю, что войны начинаются в человеческое время, а заканчиваются во время Господне. Какой прелестный летний дом. – Посол ежится. – Простите, сырость. Мы не войдем внутрь?

– Что за ужасный климат, – замечает Рейф.

– Увы, – соглашается посол, следуя за хозяином дома. – Будете в Италии...

Хелен собирает кубки:

– Кристоф, забирай, но осторожнее со святым Лукой, – кажется, он треснул. Должно быть, Ричард Рич его грыз. Придется использовать для цветов.

---

¹⁸ День гнева (лат.).

¹⁹ Любовная записка (фр.).

– Шапюи смотрел на вас с вожделением, – говорит Кристоф. – Он сказал, когда я вижу мистрис Сэдлер, я сгораю от желания и жалею, что не говорю на ее языке. Я готов сразиться за нее с самим королем Генрихом!

– Ничего подобного он не говорил! – смеется Хелен. – Ступай в дом, Кристоф. – Она берет его за руку. – Вы не закончили историю, сэр. Про Аталанту со шпалеры.

Лучше бы это была другая история, думает он.

– Она была девственницей, – подгоняет его Хелен, – а ее отец... А дальше вы замолчали.

– Он хотел выдать ее замуж, но она питала неприязнь к супружеской жизни.

– Она вызывала женихов на состязание, – вступает Грегори. – Аталанта была самой быстрой бегуньей в мире.

– Если обожатель сумел бы обогнать Аталанту, ей пришлось бы стать его женой, но если побеждала она, то...

– Он лишился головы, – встречается Грегори. – И это доставляло ей большое удовольствие. Головы валялись повсюду, нельзя было сделать и шагу, чтобы из оливковой рощи тебе под ноги не выкатилась голова. В конце концов она вышла замуж за того, кто сумел ее обогнать, но ему помогла богиня любви.

Позднее, в тающем свете галереи Грегори аккуратно разворачивает ее к шпалере:

– Видите золотые яблоки? Венера дала их жениху, и, когда они побежали, он бросил яблоки под ноги Аталанте.

– Это яблоки? – Хелен разглядывает шпалеру, смеется, посасывая палец. – Я и не поняла, что они бегут. Решила, играют в шары. Видите ее руку? Я думала, она только что бросила шар.

Он видит, как рука хватается воздух. Понятно, почему Хелен ошиблась.

– Так что случилось? – спрашивает кто-то. – Она споткнулась о яблоки?

Голоса бормочут, гости расходятся, свет гаснет. Птицы устраиваются на ночлег под крышей. Вечерня и повечерие отслужены. Холодная роса выступает на траве. Ставни защищают дом от озерных и болотных испарений. Аталанта хватается золотое яблоко, сдается. Нельзя сказать, что она уступает намеренно, но ей ведомо, что ее ждет, если она собьется с пути.

– Возможно, она просто устала бежать, – говорит Хелен.

– Ей была не чужда корысть, – говорит он. – «*Et in Arcadia*»²⁰.

– Она вышла замуж? – Хелен оценивает героиню мифа – женщину с распущенными волосами, простертыми обнаженными руками. – Думаю, муж запретил бы ей бегать с голыми сиськами. Впрочем, возможно, в те времена мужьям не было до этого дела.

Он думает, я видел ее в Риме, высеченную в мраморе: сильные тонкие ноги, туника в складку, торс, прямой, как у мальчика. Некоторые мифы утверждают, что Аталанта была неравнодушна к плотской жизни. Она разделила ложе с супругом в храме языческой богини, а после обратилась львицей.

По крайней мере, думает он, этого можно не опасаться. Превращение в дикого зверя дочери Генриха не грозит. Когда-нибудь Марии придется выйти замуж, но пока у ее порога не толпятся женихи, заключившие договор с богиней любви. Завтра утром она возвращается в Хертфордшир. Король с королевой собираются провести вместе свое первое лето. Нанесут визит в Дувр. Когда закончится сессия парламента, отправятся на охоту. Кольцо, неожиданный дар, будет уменьшено. Но изумрудная подвеска достанется не Марии, цветущей ветви Арагона и Кастилии, а Джейн, дочери Джона Сеймура из Вулфхолла.

Возможно, вам доводилось видеть в Италии картину, которая изображает дом, у которого отсутствует четвертая стена? Художник хотел показать внутреннее убранство комнаты,

²⁰ Даже в Аркадии (лат.).

где дева преклонила колени на *prie-Dieu*²¹ в окружении ваз со спелыми плодами. Дева ушла в себя, лицо сосредоточенное, она скинула туфли и ждет благодати. Вы уже видите ангела, золотым пятном реющего на фоне неба над крышей. Горожане внизу спешат по своим делам, кто-то поднял голову, привлеченный колыханием воздуха. На соседней улице под аркой, ниже на лестничный пролет, хозяйка развешивает белье, кто-то восстает из мертвых. Белые пеликаны расселись на крыше в ожидании вести о пришествии Христа. Епископ в митре пересекает площадь, павлин сидит на балконе среди горшков с цветами, перистые облака растянулись рулонами шелка над городом – городом, который сам изображен на блюде в миниатюре, его перевернутые очертания мягко сияют на серебристой поверхности: шпили и башни, сады и колокольни.

А теперь вообразите Англию, ее столицу, где лебеди плавают среди речных судов, а ее мудрые дети наряжены в бархат. Широкая Темза – ползучая дорога, по которой королевская барка несет от дворца к дворцу короля и его молодую жену. Отдерните занавески, которые защищают их от нескромных взглядов, и увидите ее скромно сдвинутые ножки в крохотных парчовых туфельках, лицо опущено, королева внимает виршам, которые шепчет ей в ухо король: «Грущу, сударыня, похищен поцелуй...» Его мощная рука подбирается к ней, кончики пальцев вопрошающе замерли на животе. Руки короля в огне, на каждом пальце рубин. Внутри камней мерцает свет, мелькают серые и белые облака. Рубин веселит душу и защищает от чумы. Врачи рассуждают о его страстной натуре, подразумевая страстный нрав короля. Изумруд также обладает чудодейственными свойствами, но во время соития может расколоться. И все же его зелень не сравнится ни с какой другой земной зеленью – это арабский камень, его находят в гнездах грифона. Его зеленые глубины лечат утомленный ум и, если всматриваться в него не отрываясь, делают глаза зорче. Смотрите... улица расступается, стены распахиваются: перед вами королевский советник, поглощенный думами, на пальце бирюза, в руке перо.

В день середины лета стены Тауэра расцвечены стягами и вымпелами цвета солнца и моря. Потешные сражения разыгрываются посередине реки, а грохот пушечных выстрелов тревожит извилистые протоки устья и рыбу в ее глубинах. Во время торжеств и увеселений королеву Джейн показывают лондонцам. Она едет рядом с королем в здание гильдии шелкоторговцев на парад городской стражи. Две тысячи человек в сопровождении факельщиков проходят от собора Святого Павла до Вестчип и Олдгейта и через Фенчерч-стрит обратно на Корнхилл. На констеблях алые плащи и золотые цепи, сияет оружие, и лорд-мэр вместе с шерифом скачут в доспехах и багряных сюрко. Танцоры и великаны, вино, пироги и пиво, сверкающие во тьме фейерверки. «О Лондон, ты цветок средь прочих городов».

²¹ Скамеечка для молитвы, часто резная, с наложником для книги.

III Обломки (2)

Лондон, лето 1536 г.

Знаете, почему говорят: «Нет дыма без огня»? Это не слова ободрения тем, кто любит огонь, а предупреждение об опасности дымоходов, но равно и королевских дворов – как и любых пространств, где спертый воздух не находит выхода. Случайная искра, сажа с треском воспламеняется, пламя с ревом взмывает в небеса, несколько минут – и дворец полыхает.

В начале июля *grandi*²² играют тройную свадьбу, объединяя состояния и древние имена. Маргарет Невилл выходит за Генри Мэннерса, Энн Мэннерс за Генри Невилла. Доротея Невилл станет женой Джона де Вера.

Милорд кардинал как свои пять пальцев знал все их титулы, гербы и родословные, все родственные связи по вторым-третьим бракам, всех крестных и крестников, опекунов и их подопечных, все прибыли от поместий, приходы и расходы, судебные тяжбы, древние свары и неоплаченные долги.

Празднование почтил своим присутствием сын и наследник Норфолка Генри Говард, граф Суррейский. Юный граф намерен провести лето, охотясь с королем и Фицроем. С детства он был товарищем королевского сына, и Ричмонд смотрит ему в рот. Суррей везде поспел, ему нет равных ни в чем, играет ли он в карты или в кости, ставит на игроков или сам выходит на корт, гарцует на ристалище или танцует, исполняет песенки собственного сочинения или вписывает их в дамские альбомы, украшенные рисунками лент, сердец, цветов и стрел Купидона. Его брак с дочерью графа Оксфордского не помеха волокитству. Не будем строги к поэтам – мы не ждем, что Суррей исполнит все обещания. Он молод и долговяз: длинные ноги, длинные пестрые чулки. Суррей торит свой путь, возвышаясь над простыми смертными, как на ходулях. Его презрение к лорду Кромвелю не имеет границ: «Я приму во внимание ваш титул, лорд Кромвель. Впрочем, для меня вы остались тем, кем были».

Тройная свадьба побуждает короля задуматься о других браках. Из-за близости к трону его племянница, шотландская принцесса, лакомый кусок. Если Джейн не преуспее, а Фицрой не получит поддержки парламента, однажды Маргарет Дуглас может стать королевой. Никому не по душе идея посадить женщину на трон, но, по крайней мере, Мег хороша собой и не спесива. Она живет под покровительством короля с двенадцати лет, и Генрих любит ее, как родную дочь. Кромвель, замечает король, пометьте: мы должны найти для нее принца.

Однако король медлит, король откладывает. Вечно одно и то же, те же трудности были с Марией, бывшей наследницей, или с Элизой, другой наследницей, пусть и недолго. Выбери мужа будущей королевы, и ты выберешь английского короля. Жена подчиняется мужу: это долг любой женщины, даже королевы. Но как довериться чужестранцу? Англию может ждать судьба провинции, управляемой из Лиссабона, Парижа или с востока. Лучше выдать ее за англичанина. Но как только жених будет назван, подумай, что возомнит о себе его семейство. Подумай о зависти и злобе великих домов, чьих сыновей обошли.

Ты смотришь на королеву Джейн и спрашиваешь себя: да или нет? И если да, то когда? Женщины записывают дни своих регул. Вероятно, записывают и за другими, присматриваются опытным взглядом, готовые разнести добрые или злые вести. И двух месяцев не прошло после королевской свадьбы, но вы уже ощущаете нетерпение короля.

---

²² Великие (*ит.*).

Вместе с Фицуильямом и Ризли он незаметно покидает гостей, чтобы заняться бумагами в задней комнате. На Фицуильяме цепь казначея. Король простил ему выходку на совете. Это сделано из любви к нам, сказал Генрих. Казначей сжимает цепь, гадая, прогрызают ли личинки тщеславия ходы в мозгу герцога Норфолка:

– Говорю вам, Сухарь, если бы молодой Суррей не был женат, отец домогался бы для него шотландской принцессы или, на худой конец, Марии, если ее восстановят в правах наследования. Покуда была жива его племянница Анна, Норфолк кичился тем, что трон достался Говардам, и не готов отказаться от честолюбивых планов.

Не очень-то она привечала дядюшку Норфолка, замечает он. Покойная королева ни с кем не считалась. Ни со мной, ни с вами, ни даже с королем. Впрочем, длинноногий уже женат, поэтому здесь дядюшке Норфолку ловить нечего.

– И даже будь Суррей свободен, – добавляет Ризли, – сомневаюсь, что Мария выберет Говарда. После того, как Норфолк обещал размозжить ей голову.

Король прибывает на празднования в Шордич. Он и его свита наряжены турками: бархатные тюрбаны, шаровары полосатого шелка, алые башмаки с кисточками. В конце пира король ко всеобщему ликованию снимает маску.

Молодой герцог Ричмонд уходит рано, разгоряченный вином и танцами. Уходит рано и Ризли, что куда более неожиданно.

– Я пойду в Уайтхолл, сэр, и как только...

Фиц смотрит ему вслед:

– Вы ему доверяете? Ему, выкормышу Гардинера? – Он трет щеку. – Впрочем, вы никому не доверяете, не так ли?

– Всем нам нужен второй шанс, Фиц. – Он подкидывает в ладони казначейскую цепь.

Всю прошлую неделю, завидев Кромвеля, лорд Одли в притворном ужасе хватался за свою.

Его обычные шуточки. Одли знает, что он, лорд Кромвель, не претендует на канцлерский пост. Государственный секретарь обладает любыми полномочиями, какие пожелает, и с утра до ночи рядом с королем, ловит каждый его знак.

К середине июля обустройство двора леди Марии идет полным ходом. После визита в Хакни – в дом, который отныне зовется «королевским», – она возвращается в Хертфордшир. После слез, обещаний, отцовских клятв, что отныне он ее от себя не отпустит, наступает период охлаждения: Генрих понимает, что должен отдалиться от дочери, чтобы подавить все домыслы, будто готов снова объявить ее наследницей. Леди Хасси, жену ее бывшего управляющего, держат в Тауэре после досадной оговорки на Троицу. Король требует уважения к собственной дочери, но не желает, чтобы ее именовали «принцессой». К тому же он хочет показать Европе: не он нуждается в Марии, а она в нем.

В Хакни она промолвила, так тихо, что расслышал только он: «Я вам обязана, лорд Кромвель, и буду молиться за вас до конца моих дней». Но случись что, и ему может потребоваться нечто большее, чем молитвы. Он зовет Ганса, хочет сделать ей подарок. Она молода и нуждается во внимании. Он намерен подарить ей нечто куда более ценное, чем скаковая лошадь. То, что будет напоминать ей о последних опасных неделях и о том, кто отвел ее от края пропасти. Он думает о кольце, на котором будет выгравирована похвала смирению. Смирение нас связывает, смирение каждого пред Господом. Благодаря Ему мы живем в человеческих домах и жилищах, а не прячемся в полевых норах и убежищах, словно дикие звери. Но даже звери покоряются льву, проявляя мудрость и благоразумие.

Граверы искусны, они могут вырезать молитву или стих мелко-мелко. Однако, предупреждает Ганс, кольцо все равно будет весить немало, – возможно, женщине с маленькими ручками оно не подойдет. Тогда пусть привесит его на цепочке к кушаку, рядом с миниатюрой,

изображающей отца, – туда, где уже носит образки, которым молятся юные девы: святая Урсула и одиннадцать тысяч дев, Фелицитата и Перпетуя, съеденные живьем на арене.

У Ганса круглое лицо, деловитое и простодушное. Не скажет ни слова поперек, в его речах не бывает второго дна. Никогда.

– А почему бы не сделать подвеску? Медальон? И места больше, чтобы поместить добрый совет.

– Но кольцо это...

– Знак, – говорит Ганс. – Томас, как вы можете быть таким...

Посланцы от герцога Ричмонда. В последнее время его постоянно прерывают на полуслове, что в собственном доме, что в королевских покоях, в конюшне, часовне или в комнате совета.

– Уже иду, – говорит он и добавляет, обращаясь к Гансу: – Нужно подумать.

Он оставляет стол, заваленный набросками, – его идеи, исправления Гольбейна. Он должен снова повторить Марии то, что проговорил недостаточно ясно. Вы взвалили на себя ношу и несли ее в одиночку. А теперь взгляните, к чему это привело. Ваши плечи поникли, вы устали, согнулись под грузом прошлого, а ведь вам всего двадцать. Хватит. Пусть бремя ляжет на тех, кто сильнее, кто избран Господом нести тяжкий крест государственного правления. Оглянитесь вокруг, оторвите глаза от молитвенника. Улыбнитесь. Вы удивитесь, какую легкость вы почувствуете.

Разумеется, он не станет объясняться с женщиной в подобных выражениях. Поникли, согнулись, – чего доброго, Мария обидится. Иногда она выглядит в два раза старше своих лет, иногда кажется несформировавшейся девочкой.

В Сент-Джеймском дворце люди Ричмонда увлекают его в комнату больного, закрытую ставнями от летней жары.

– Доктор Беттс, – кивает он и отвешивает поклон жалкому комку под грудой одеял.

При звуке его голоса молодой герцог шевелится и откидывает одеяла:

– Кромвель! Вы не исполнили того, что я вам велел. Я говорил, что парламент должен объявить меня наследником. – Он ударяет в подушку кулаком, словно та противится его законным правам. – Почему моего имени нет в билле?

– Потому что милорд ваш отец еще не решил, – отвечает он просто. – Билль позволяет королю выбрать того, кто будет ему наследовать. И вам известно, что ваши шансы велики.

Слуги сгрудились вокруг постели, под присмотром доктора они укладывают молодого герцога обратно на подушки, встряхивают одеяла, укутывают больного. Большая миска воды булькает на жаровне, увлажняя воздух. Ричмонд подается вперед, кашляет. Его лицо горит, сорочка в пятнах пота. Подавив приступ кашля, он откидывается назад, дотрагивается до груди.

– Болит, – говорит он Беттсу.

– Перевернитесь на больной бок, милорд.

Юноша отгоняет слуг. Он хочет видеть Кромвеля и не собирается отказываться от своего намерения. Ричмонд говорит что-то, но слова бессвязны, и вскоре его веки начинают трепетать. По знаку доктора слуги убирают подушки и укладывают больного на бок.

Беттс жестом подзывает его, сюда, милорд.

– Обычно я заставляю его сидеть, чтобы облегчить дыхание, но ему нужен сон, и я прописал микстуру. Иначе он может вскочить и сделает себе только хуже. Его беспокоит яд, часто упоминает вас. – Доктор делает паузу. – Я не говорю, что он вас обвиняет.

– Некоторые люди постоянно думают, что их отравили. Я слышал про такое в Италии.

– В Италии, – говорит Беттс, – у них, вероятно, есть для этого основания. Я говорю ему, милорд, отравление обычно проявляется спазмами и ознобом, рвотой и помрачением сознания.

ния, жжением в горле и кишках. Но тогда он вспоминает Вулси, говорит, что перед смертью тот испытывал боль в груди.

Он бесцеремонно тянет доктора за полу. Есть разговоры, не предназначенные для чужих ушей. В покоях герцога не протолкнуться: слуги, те, кто пришел пожелать больному выздоровления, вероятно, кредиторы. Схоронившись в оконном проеме, он бормочет:

– Кстати, насчет Вулси. Не знаю, откуда у юного Фицроя такие сведения, но как вы считаете, это похоже на правду?

– Что кардинала отравили? – Беттс пристально смотрит на него. – Понятия не имею. Скорее, его подвело сердце. Напрягите память. Я восхищался вашим старым господином и делал все, чтобы примирить его с королем. – Беттс выглядит озабоченным, словно боится, что он, Кромвель, затаил обиду. – В конце жизни его пользовал доктор Агостино, не я. Говорят, он голодал и прочищал желудок, что нежелательно во время путешествия в зимнюю пору... к тому же вспомните, что ждало его в конце пути. Суд или лишение прав без суда, затем Тауэр. Страх способен многое сотворить с человеком.

Он говорит:

– Кардинал не боялся ни живых, ни мертвых.

– О чем не преминул вам сообщить, полагаю. – Ясно, что доктор недоумевает, к чему ворошить прошлое? – Не думайте, будто я придаю значение словам Ричмонда. Когда король болен, он убежден, что против него ополчится весь мир. Юноша весь в отца, невыносимый пациент. Когда его лихорадило, он заявил: «Это всё Говарды – Норфолк не испытывает ко мне отцовских чувств, он любит меня только потому, что я королевский сын. И если я не стану королем, я для него бесполезен. А теперь Норфолк во мне не нуждается – он нашел другой способ подобраться к трону, честный или бесчестный».

– Если задуматься, честных способов нет.

– Что до меня, я предпочитаю об этом не задумываться, – говорит доктор Беттс.

– Были свидетели его слов?

– Рядом стоял доктор Кромер. С Божьей помощью и посредством медицинской науки мы обуздали лихорадку, а с ней и разговоры об измене.

– Но если не яд, что тогда?

Помимо уязвленного самолюбия, думает он.

Доктор пожимает плечами:

– Июль. Мы должны быть за городом. Вы принимаете слишком много законов, милорд. Распустите парламент, и мы немедленно покинем Лондон. Говорят, города изобрел Каин, а если не он, то кто-то другой, столь же склонный к смертоубийству. – Доктор отворачивается, чтобы уйти, но медлит. – Милорд, насчет королевской дочери... Доктор Кромер поручил мне передать вам наше общее мнение. Вы справились лучше нас, эскулапов. Ее дух был так подавлен папистскими обыкновениями, что ее здоровье и разум истощились. Говорят, ваше присутствие в Хакни подействовало на нее, как зелье Асклепия.

Асклепий, бог врачей, обязан своим искусством змее. Он спасал тех, кто был на пороге или даже за порогом смерти. Аид, боясь лишиться притока покойников, возревновал.

– Здесь нет моей заслуги, – говорит он. – Приятная компания пробудила аппетит. Она держит пост. словно ее плоть недостаточно истощена.

– Если бы король потрудился спросить нас, мы настоятельно рекомендовали бы выдать ее замуж. Мои коллеги показывали мне сочинения древних, в которых описана подобная немощь: юные девы, исполненные пылкости, усердия и одолеваемые фантазиями, склонны морить себя голодом, будучи принуждаемы к чему-либо помимо их воли. Их девственность – причина недуга, и, если не устранить ее, они начинают видеть духов и пытаются повеситься или утопиться.

– Я бы сказал, нам это не грозит.

Интересно, можно ли не видеть духов? Они ведь обычно являются незваными. Когда люди упоминают кардинала, он спрашивает себя: если бы я был с ним тогда, поддался бы он яду, страху, чему-то еще? Некоторые утверждают, что кардинал наложил на себя руки. Он вспоминает промозглый и темный конец тысяча пятьсот двадцать девятого года: Томас Говард и Чарльз Брэндон врываются в Йоркский дворец, как умеют врываются только герцоги, набивают сокровищами Вулси дорожные сундуки; бубнящие писари составляют описи серебряной посуды и драгоценных камней; от реки тянет холодом, с навеса барки капает, призрачные голоса глумятся во влажном тумане. В Патни, когда они пересекали пустошь, их нагнали лошади; Гарри Норрис, весь в мыле, соскочил с седла – передать невразумительное послание короля. Он видел, как вспыхнули глаза его господина, как прояснилось лицо. Вулси решил, что кошмар закончился, что Норрис отвезет его домой, и упал на колени – кардинал, коленопреклоненный в дорожной пыли.

Однако Норрис покачал головой и что-то зашептал ему на ухо, притворяясь расстроенным. Когда надежда испарилась, вместе с ней ушли силы Вулси, и словно под воздействием чар он мгновенно переменялся: неуклюжий, бормочущий старик. Слуги отряхнули пыль с его ладоней, усадили его в седло, вложили поводья ему в руки, словно ребенку. Без всякого почтения, для это не было времени, а еще этот мерзавец Секстон хихикал и выкидывал коленца, пока он угрозами не заставил его угомониться. Они приехали в Ишер, к холодному очагу и пустым кладовым, к низким лежанкам, освещая путь сальными свечками в оловянных подсвечниках. По крайней мере, погреб оказался полон, и вместе с Джорджем Кавендишем, человеком кардинала, они пили всю ночь – сказать по чести, были так напуганы, что не смогли бы уснуть.

Если бы я знал, чем все закончится, поступил бы я иначе? Впереди ждала суровая зима; голодный, нечесаный, в отчаянии, он ежедневно скакал через Суррей по лужам, в сумерках, доставляя своему господину вести из парламента: что было сказано и сделано против Вулси, колкости Томаса Мора и грубые измышления Норфолка. Ни еды, ни отдыха, ни молитвы, он приезжал и уезжал в темноте, взбираясь на дышащего паром жеребца. Зима туманов, влажной шерсти и дождя, ручьем стекающего с гладкой кожи. И Рейф Сэдлер, промокший и замерзший до дрожи, как щенок грейхаунда, одни ребра да глаза: изумленный, потерянный, не проронивший ни единой жалобы.

И все же спустя шесть лет он в Сент-Джеймском дворце: барон Кромвель, солнце сияет. Над головами слуг мастер Ризли выкликает его имя. Протиснувшись в комнату, Ризли отчаянно размахивает шляпой с пером, на лице румянец, шнуровка на вороте распушена.

– Не ходите туда, – говорит он, торя путь из комнаты больного. – Иначе Фицрой объявит вас отравителем.

Доктор Беттс хихикает:

– Я вижу, вам не терпится поделиться новостями, юноша. Что ж, я вас покидаю. Но прислушайтесь к моему совету, каким бы срочным ни было ваше дело, никогда не спешите на жар. И шляпу носите на голове, а не в руках, иначе солнце сожжет вашу бледную кожу. А воду лучше пить теплую – от холодной случаются колики. И ни в коем случае не прыгайте в реку.

– Не буду. – Ризли изумленно взирает на доктора.

Тот касается полей шляпы и удаляется.

Глядя ему в спину, Ризли спрашивает:

– Фицрой поправится?

Беттс безмятежен:

– Видал я и более безнадёжные случаи.

Они выходят на солнцепек, спинами ощущая жар. Ризли обращается к нему:

– Сэр, я допросил слуг шотландской принцессы.

– С какой целью? И наденьте вы шляпу. Беттс дело говорит.

Молодой человек аккуратно надевает шляпу, хотя рядом нет зеркала, чтобы восхититься тем, под каким углом она надвинута, пристально смотрит на хозяина, словно пытается разглядеть в его глазах отражения маленького Зовите-меня.

– Я давно подозревал, с ней что-то не так, – неделями вертел эту мысль в голове, – ее виноватый вид в вашем присутствии, словно она боялась, что неприятная правда выйдет наружу, и...

– Вы думали, что дамы обменивались тайными знаками.

– Вы смеялись надо мной, – говорит Ризли.

– Да. Итак, что вы обнаружили? Надеюсь, не любовника?

– Я должен извиниться, сэр, что забежал вперед вас, – я понял на свадьбе, но не стал говорить, пока не добыл доказательства. Я допросил ее капеллана, слуг Харви и Питера, конюхов: не было ли у принцессы тайных свиданий? И они не стали скрывать, все, за исключением капеллана, который боится.

Он начинает понимать:

– Как я мог быть таким наивным? Кто он? Кто знает? Кто из женщин, я имею в виду?

Мастер Ризли говорит:

– Женщин я оставляю вам.

Шорох мягких подошв, спешка, внезапное исчезновение бумаг, шиканье, шелест юбок, грохот дверей; затаенный вздох, косой взгляд, быстрый росчерк пера, невысохшие чернила; шлейф аромата и воска, которым запечатывают письмо. Всю весну мы следили за Анной-королевой, ее привычками и обыкновениями, ее стражниками и воротами, ее дверями и потайными комнатами. Мы наблюдали за джентльменами короля в гладком черном бархате, невидимыми, если только лунный свет не упадет на расшитую бисером манжету. Мы различали внутренним оком силуэт – там, где никого не должно быть. Мужчина, крадущийся вдоль пристани к лодке, терпеливый гребец, которому заплачено за молчание, и ничто не выдаст тайны, кроме легкой волны и мерцающей серебром зыби на реке, выдавшей многое. Лодка качается, всплеск, широкий шаг, сапоги неизвестного меряют скользкий причал: он в Уайтхолле или Хэмптон-корте, куда бы ни ехала королева и ее фрейлины. Тот же трюк на твердой земле: монетка конюху, незапертая дверь или ворота, стремительный бросок вверх по лестнице в комнату, где дрожит пламя свечей. Что дальше? Поцелуи и преступные объятия, пуховая перина, на которой Мег Дуглас, племянница короля, раскинулась в ожидании запретных наслаждений.

Зовите-меня говорит:

– Это Томас Говард. Меньшой, конечно. Единокровный брат Норфолка.

– Томас меньшой.

– Навеки ваш, Правдивый Том. Завлек ее своими виршами, сэр. Совлек с нее покровы своим хитроумием.

Катастрофа, думает он. Всю зиму и весну мы не сводили глаз с Анны, а приглядывать следовало за другой. Правдивый Том на реке, Правдивый Том в темноте. Срывает с себя рубаху, срам выпирает через белье, шотландская принцесса лежит на спине, раздвинув округлые бедра. Для Говарда.

Он спрашивает Зовите-меня, как Мег умудрилась оставаться с ним наедине? При дворе столько остроглазых матрон. Взять ту же миледи Солсбери, Маргарет Поль. Она до сих пор состоит при новой королеве, поскольку король, пусть и взбешен поведением ее сына, предпочитает держать графиню перед глазами. Разумеется, чтобы сохранить лицо перед миром, мы делаем вид, будто никакого письма не было, будто проклятая книга все еще в Италии, где Поль сражается с непослушными фразами.

Мы предпочитаем многого не замечать. И вот характерный пример.

– Сначала поговорим с Мег.

Он представляет, как она бежит к ним, растрепанная и простоволосая, вылитая Аталанта, рот открыт, в горле замер протяжный вопль.

Поначалу она возмущена и все отрицает: какое право вы имеете вмешиваться в мою жизнь? Мне донесли... говорит он. Как, кто?

– Ваши собственные люди, – отвечает он и видит, как ранит ее это открытие, как она заливается слезами размером с яблочное семечко.

Ее подруга Мэри Фицрой, дочь Норфолка, стоит рядом.

– И что же такого особенного донесли вашей милости слуги? – Голос Мэри Фицрой сочится ядом.

– Мне донесли, что леди Маргарет уединялась с одним джентльменом.

Мэри Фицрой кладет руку на плечо Мег: молчи, ничего не говори. Но Мег вспыхивает:

– Что бы вы ни думали, вы ошибаетесь! И нечего так на меня смотреть!

– Как, миледи?

– Словно я шлюха.

– Господь покарает меня, если я хотя бы на миг...

– Так знайте, мы с Томасом Говардом женаты. Мы принесли друг другу обеты и свято их соблюдаем. Вы не сможете нас разлучить. Наш брак законен во всех смыслах. Вы опоздали, все кончено.

– Возможно, не все, – говорит он. – Будем надеяться, что нет. Когда вы сказали «во всех смыслах», что вы имели в виду? Я не понимаю. Посмотрите на мастера Ризли – он тоже теряется в догадках.

На столе перед ними эскизы кольца для леди Марии. Мастер Ризли сдвигает их в стопку, торжественный, как алтарный служка. Его взгляд задерживается на эскизах, где линии выются и переплетаются.

– Простите, сэр, – бормочет он и кладет на листы книгу.

Тоже верно. Не хватало только, чтобы Мег взяла эскиз и высморкалась в него. Он спрашивает Мэри Фицрой:

– Вы не присядете?

– Мне и на ногах хорошо, лорд Кромвель.

– Итак, что мы имеем.

Мастер Ризли поднимает табурет, вопросительно глядя на Мег. Когда ее носовой платок промокает от слез, она комкает его и бросает на пол, и Мэри Фицрой подает ей новый: он вышит эмблемами Говардов, и Мег промокает щеки синеязыким львом Фицаланов.

– Кромвель, у вас нет права сомневаться в моих словах. Отведите меня к моему дяде-королю.

– Поверьте, лучше вам иметь дело со мной, миледи. Я могу доложить королю, но сперва нам следует решить, как преподнести ему эту новость. Разумеется, вы хотите сохранить ваше доброе имя. Это мы понимаем. Но ни вам, ни мне лучше не станет, если вы будете настаивать, что состоите в браке, поскольку вы с лордом Томасом принесли свои обеты без разрешения и согласия короля.

– И мы не станем вас выгораживать, – говорит Ризли, поднимая перо. – Итак, какого числа состоялась ваша помолвка?..

Новый поток слез, и новый носовой платок. Интересно, думает он, что будет делать Мэри Фицрой? Это платок точно последний. Задерет юбку и оторвет кусок ткани от исподнего?

Мег говорит:

– Какая разница когда? Я люблю лорда Томаса больше года. Поэтому вы не сможете и мой дядя не сможет утверждать, что мы действовали необдуманно. Вы не разлучите нас, ибо наши

судьбы соединены пред Господом. Миледи Ричмонд подтвердит мои слова. Она все знала, и, если бы не ее помощь, мы бы никогда не poznали блаженства.

Он поднимает глаза:

– Вы сторожили за дверью, миледи?

Мэри Фицрой съезживается. Угодить такой молоденькой в такую мясорубку...

– Вы подавали им сигнал, когда старшие уходили? – высказывает предположение Ризли. –

Вы поощряли их свидания? Вы присутствовали при помолвке?

– Нет, – отвечает она.

Он оборачивается к Мег:

– Таким образом, свидетелей ваших слов нет. Заметьте, я говорю «слов», не осмеливаясь упоминать «клятвы» или «обеты».

Отрицай, шепчет он Мег еле слышно, отрицай все вместе и по отдельности и будь настойчива в своем отрицании. Никаких слов. Никаких свидетелей. Никакой помолвки.

Мег вспыхивает:

– Но свидетель есть. Мэри Шелтон стояла за дверью.

– Снаружи? – Он качает головой. – Это ведь не может считаться свидетельством, верно, мастер Ризли?

Ризли смотрит на него с яростью. Это ведь он раскрыл заговор и не хочет, чтобы дело замяли:

– Леди Маргарет, вы и ваш любовник обменялись подарками?

– Я подарила лорду Томасу свой портрет, украшенный алмазом. – Она с гордостью добавляет: – А он подарил мне кольцо.

– Кольцо еще не доказательство, – утешает он ее, взгляд скользит по наброскам. – Вот, смотрите, эскизы кольца, которое делают для леди Марии. Знак дружбы, не более того.

Мэри Фицрой перебивает:

– Это целебное кольцо, такие дарят друг другу знакомые, дешевенькое.

Ризли спрашивает:

– А теперь вы скажете, что и алмазик был крошечный?

– Такой крошечный, – отвечает Мэри Фицрой, – что я сперва его не заметила.

Ему хочется ей аплодировать. Она не боится Зовите-меня, хотя даже я его порой побаиваюсь.

– Никаких доказательств на бумаге? – спрашивает он Мег. – Я имею в виду, кроме...

Стихов, думает он.

Девушка говорит:

– Я не отдам вам мои письма. Я ни за что с ними не расстанусь.

Он смотрит на Мэри Фицрой:

– Покойная королева знала об этих делах?

– Разумеется. – В ее тоне презрение, но к нему ли, к его вопросу или к Анне Болейн?

– А ваш отец Норфолк? Он знал?

Мег перебивает:

– Мой муж, – она смакует слово, – мой муж решил, будем держать все в тайне. Сказал, если мой брат Норфолк узнает, он будет трясти меня, пока зубы не выпадут, поэтому станем скрывать, пока можно. Но после... – Мег закрывает глаза, – не знаю, вероятно, он ему рассказывал.

Он вспоминает тот день в Уайтхолле, разговор с Норфолком и Правдивым Томом, прерванный призывом короля. Он сказал тогда: «Дамы обмениваются вашими стихами», и поэт неожиданно испугался. И когда он пошел к двери, схватил брата за руку, и Томасы Говарды яростно зашептались. Обернувшись, он заметил на лице старого герцога гнев и смущение: *что, что ты сделал, мальчишка?* Все сходится. Не похоже на Норфолка – задумать интригу

с таким количеством рассыпающихся элементов *ab origine*²³, но, когда Правдивый Том обратился к нему за защитой, герцог, выбрав и прокляв брата, наверняка постарался обратить эту напасть во благо Говардов.

Он подается вперед над столом, ближе к Мег. Не будь она особой королевской крови, похлопал бы ее по руке.

– Вытрите слезы. Давайте начнем заново. Вы сказали, что лорд Томас посещал вас в покоях королевы. Многие бывали в покоях королевы, скажем так, забавы ради. Пели, смеялись. Приходили туда без задней мысли. Спусти много месяцев – там было всегда многолюдно – в случайном разговоре лорд Томас выразил вам восхищение, что неудивительно, и сказал: «Миледи, если бы вы не стояли так высоко...»

– Он – Говард, – говорит Ризли. – Думаю, он полагает, что на свете нет никого выше его.

Он поднимает руку. Сцена так великолепна, что жаль ее прерывать.

– «Если бы вы не стояли так высоко надо мной и не были назначены королем в жены какому-нибудь правителю, клянусь, я умолял бы вас отдать мне вашу руку».

– Да, – говорит Мэри Фицрой, – именно так все и было, лорд Кромвель.

– А вы ответили: «Лорд Томас, моя рука не для вас. Я сочувствую вашим страданиям, но не могу их облегчить».

– Нет, – говорит Мег; ее бьет дрожь. – Нет, вы ошибаетесь. Мы помолвлены. Вам нас не разлучить.

– И, будучи мужчиной, влюбленным мужчиной, и не в силах противиться вашей красоте и желанию обрести столь бесценный дар, он не удержался и посвятил вам стихи, ну и так далее. Но вы остались непоколебимы и не позволили ему даже лизнуть вашу нижнюю губу.

Зря я так сказал, думает он. Следовало обойтись «поцелуем».

Мег встает. Носовой платок зажат в кулачке – усеянный перекрещенными серебряными крестиками Говардов, легкими, как летний снег.

– Я хочу поговорить с королем наедине. Как бы высоко он вас ни вознес, король не позволит вам допрашивать меня и заявлять, будто я не замужем, когда я утверждаю обратное.

Мастер Ризли спрашивает:

– Миледи, вы действительно не понимаете? Лучше бы вас соблазнили, опорочили и распевали о вас непристойные баллады на улицах, чем дать слово мужчине без согласия короля.

Мэри Фицрой говорит:

– Ради Христа, присядь, Мег, и постарайся понять, о чем толкует милорд. Он старается изо всех сил.

– Ему не разделить того, что соединил Господь!

Мэри Фицрой поднимает на нее глаза:

– Уверена, лорду Кромвелю уже говорили такое раньше.

Он улыбается:

– Мы должны спросить себя, леди Маргарет, что есть брак. Это не только обеты, но и постель. Если вы принесли обеты при свидетелях и разделили ложе, вы замужем по закону. Вы будете мистрис Правдивый Том, и вам придется столкнуться с крайним недовольством короля. И я не знаю, какую форму оно примет.

– Мой дядя не станет меня преследовать. Он любит меня, как дочь.

Мег запинается. Она произнесла это собственными устами, она слышит себя и только сейчас понимает: что есть любовь короля к дочери? Две недели назад тонкий лед трещал под Марией. И только Томас Кромвель отвел ее от полыни.

Зовите-меня встает, словно хочет поддержать готовую упасть Мег. Но принцесса аккуратно опускается в кресло.

---

²³ С начала, с азов (*лат.*).

– Король скажет, что я поступила глупо.

– Или вероломно.

Мастер Ризли нависает над ней, теперь почти с нежностью.

Мег спрашивает:

– Мой брак – это ведь не преступление?

– Пока нет, – отвечает он. – Но скоро будет. Мы примем билль до созыва парламента.

Мэри Фицрой спрашивает:

– Вы примете закон против Мег Дуглас?

– Вы же понимаете, леди Ричмонд, дамы порой не сознают собственных интересов. Иногда не знают, как себя защитить. Теперь об этом позаботится закон. Иначе любой поэт не откажется заполучить такой трофей и, если ему улыбнется удача, обеспечить свое будущее. А если не выгорит, что он теряет, кроме уязвленной гордости? Согласитесь, это несправедливо.

– А сами вы стихов не пишете? – спрашивает Мэри Фицрой.

– Не люблю входить на поле, где и без меня тесно, – говорит он. – Мастер Ризли, вы не запишете?

Зовите-меня снова садится за стол и берет перо.

Он диктует:

– «Акт против того, кто, не имея на то королевского дозволения, женится или возымеет намерение жениться на королевской племяннице, сестре, дочери...»

– Может быть, добавить тетю? – спрашивает Зовите-меня.

Он смеется:

– Добавьте тетю. Итак, подобное деяние будет признано изменой.

Мэри Фицрой не верит своим ушам:

– Изменой? Даже если женщина согласна?

– Особенно если согласна.

– Тру-ля-ля, тра-ля-ля, – бубнит Зовите-меня, скрипя пером, – трам-парам-пам-пам, и будет наказан как за измену. Отдам Ричу, пусть сформулирует.

– К счастью, – говорит он, – в данном случае о согласии речи не идет. Я сомневаюсь, что леди Мег действительно может считаться замужней ввиду отсутствия консумации брака, как полагает мастер Ризли.

– Я? – Зовите-меня поднимает песочные брови и оставляет на бумаге кляксу.

Мэри Фицрой говорит:

– Мег, отношения между тобой и лордом Томасом никогда не переходили границы пристойности. Ты подтвердишь это и будешь на этом настаивать.

– Леди Маргарет, ваша подруга дает вам весьма ценные советы. – Он оборачивается к Мэри Фицрой. – Вы должны быть рядом с мужем. Я прикажу сопроводить вас в Сент-Джеймский дворец.

Мэри говорит:

– Я не нужна Фицрою. Я ему даже не нравлюсь. Он не считает меня своей женой. Мой брат Суррей снабжает его шляхами.

Прямолинейна, совсем как ее отец.

– Миледи, – говорит он, – вы немало поспособствовали этой интриге. Однако, поскольку мы еще не определили рамки нового билля, я не знаю, какое наказание грозит вам. Впрочем, едва ли король станет преследовать жену своего сына, если застанет ее у постели больного. Не тревожьтесь о леди Маргарет, в Тауэре она ни в чем не будет знать нужды. Но если не хотите последовать за ней, советую вам отправиться в Сент-Джеймский дворец и оставаться там.

Мег снова на ногах, снова заливается слезами, цепляясь за спинку кресла. Мастер Ризли встает и берет дело в свои руки. Он тверд и холоден:

– Леди Маргарет, вас не бросят в подвал. Не сомневаюсь, лорд Кромвель устроит так, чтобы вас поместили в апартаменты покойной королевы.

Он собирает бумаги.

– Идемте, миледи, – умоляет Мэри Фицрой, – вспомните о вашем королевском достоинстве. Не заставляйте их выводить вас силой. И благодарите лорда Кромвеля – я ему доверяю, только он способен отвратить от вас гнев короля.

И направить его на Правдивого Тома, думает он. Генрих не простит ему. Он стоит у стены, пока женщины проходят мимо, не проронив ни слова. Но шотландская принцесса не унимается.

– Что плохого, если я расскажу правду? – слышится с лестницы ее звонкий голос, затем они уходят.

Зовите-меня говорит:

– Я думал, она не примет вашу протянутую руку.

– По природе она не глупа, просто влюблена.

– Хорошо, что мужчины от этого не глупеют. Посмотрите на Сэдлера.

А ведь правда. Влюблен в жену, но ничуть не утратил остроты ума.

Настроение мастера Ризли поднимается. Теперь, когда Мег в тюрьме, он доведет дело до конца.

– А вы были когда-нибудь влюблены, сэр?

– Обошлось.

Он вспоминает, как расспрашивал Рейфа: каково это? Хотя Уайетт предупреждал его о симптомах. Жаркие вздохи, холодная грудь. Или наоборот?

Он думает, нужно исхитриться помочь Бесс Даррелл. Я тут разбираюсь с новым коварством Говардов, а в ней тем временем дитя Уайетта растет.

– Мне нужен Фрэнсис Брайан. Он здесь или за границей?

– Хотите требовать услугу за услугу? – Зовите-меня взволнован, нетерпелив, так что не развивает эту тему. – Кто сообщит королю, что Мег замужем?

Он вздыхает:

– Я.

– Не хотел бы я оказаться на месте Норфолка. Племянница опозорила его весной, брат – летом. Теперь вы легко его свалите. – Зовите-меня бросает на него косой взгляд. – Если захотите.

Я сам не знаю, чего хочу, думает он. Если Норфолк задумал этот мезальянс или просто скрыл его от короля, то дело серьезное. Однако не серьезнее прежних, которые я ему якобы простил.

– Допустим, шотландцы перейдут границу? Кто, если не Норфолк, даст им отпор?

– Суффолк, – отвечает Ризли.

– А если французы постучатся в другую дверь?

– Когда-то вы были солдатом, сэр.

– Много лет назад. – Я нес пику. Или прислуживал тому, кто ее нес. Мы сражались как единое целое. Я был мальчишкой. А сейчас мне пятьдесят. Пожалуй, я сумею постоять за себя в уличной драке, но предпочту уладить ссору миром. – Я так стар, что за мной нужен уход, Зовите-меня. Как вы заметили, все в прошлом. Но что толку было спасать королевскую дочь, если теперь он обратит свой гнев на племянницу и казнит ее?

– Но почему, если, как она уверяет, они давно любят друг друга, обеты были принесены только через год? Думаю, его страсть вспыхнула, когда малышку Элизу объявили незаконнорожденной и Мег стала ближе к трону.

– Или устал посвящать ей стихи без надежды. Думаю, после помолвки они разделили ложе.

– Определенно. Но неужели они не думали о последствиях?

Он пожимает плечами. Мег пришлось положиться на удачу. А еще бывает, что женщина теряет ребенка раньше, чем кто-либо еще узнает о ее беременности. И только потом, лет двадцать спустя, у нее развяжется язык.

Зовите-меня говорит:

– Король захочет, чтобы на нее надавили, захочет знать, когда именно это случилось, имена свидетелей.

– Тогда мы надавим на Правдивого Тома. Он уже думает, что мне известно больше, чем на самом деле.

– Так думают многие, – замечает Ризли.

– Том боится, что из его виршей всем понятно, куда ему удалось засунуть своего петушка. Однако у дочери Норфолка храброе сердце. Ей следовало бы заседать в королевском совете. Помните, как она не хотела пускать меня в покои Анны после коронации?

Ризли не помнит, да и откуда? Зовите-меня досталась бурлящая толпа, рев труб, стяги, фыркание лошадей и топот копыт. Анне, хрупкой, на сносях, пришлось выдержать три дня на палящей жаре под враждебными взглядами толпы. Цвет английской аристократии с неохотой нес ее шлейф. У алтаря под весом короны ее тонкая шейка согнулась. Ее лицо блестело, но не от пота – от сознания своей судьбы. Ее рука, которая давно чесалась, уверенно сжала скипетр. Архиепископ Кранмер помазал ей лоб миром.

После церемонии королева удалилась, подальше от взоров города и его богов, в покои, где сняла с себя торжественные одежды. Он последовал за ней. Он видел, что ее глаза остекленели от усталости, но ему надо было поднять ее и сопроводить на пир в Уайтхолл. Если бы это ему не удалось, пришлось бы срочно переговорить с королем, ибо слухи распространяются, как огонь по соломенной крыше: не появившись Анна на публике, сказали бы, что у нее выкидыш.

У двери он наткнулся на дочь Норфолка, четырнадцатилетнюю упрямицу, возмущенную до глубины души: «Королева не одета!» Анна ответила ему раздраженным голосом, и он, отодвинув девушку, вошел. Королева лежала на громадной кровати, как покойница, тонкая сорочка обтягивала живот, тонкая рука словно успокаивала принца внутри. Волосы разметались вдоль тела, как черные перья. Он смотрел на нее с жалостью, изумлением и каким-то даже аппетитом, воображая, что у него самого есть сейчас женщина на сносях. Она повернула голову. Прядь волос упала с кровати. Под влиянием странного порыва – что это было, страсть к аккуратности? – он поднял прядь, задержал на мгновение между большим и указательным пальцем, затем уложил рядом с остальными и разгладил.

– Нет! Не трогайте королеву! – взвизгнула Мэри Норфолк.

Мертвая женщина сказала:

– Ему можно, он заслужил.

Она открыла глаза. Оглядела его и одарила странной, замедленной улыбкой. Тогда я понял (скажет он после), что Анна не удовлетворится королем, а поглотит еще многих мужчин: молодых и старых, богатых и бедных, благородных и простых. Но по крайней мере, она не поглотила меня.

Он вспоминает ее распухшие ступни, босые, с синими венами. Жалкие, беззащитные, ледяные даже среди июньской жары.

По велению короля для Правдивого Тома готовят помещение в Тауэре. Комендант Кингстон является лично, предлагает верхний этаж Колокольной башни, где хороший камин. Будем надеяться, говорит Кингстон, что король проявит милосердие и молодой человек доживет до зимы.

Он спрашивает Кингстона:

– Вы знаете Мартина, надзирателя?

– Знаю, один из ваших единоверцев.

– Пусть Мартин присматривает за лордом Томасом, – говорит он. – Он уважает стихотворцев.

Кингстон недоуменно смотрит на него:

– Они все писали стихи. Все покойные джентльмены.

– Джордж Болейн, несомненно, – говорит мастер Ризли. – Полагаю, Марк. Но вообразите Уилла Брертона, жонглирующего терцинами! Что до Норриса, он был занят подсчетами прибылей и активов.

Кингстон говорит:

– Они все баловались стишками. Я не судья. Но покойная королева говорила, что только Уайетт знал в этом толк.

– Сэр Уильям, попросите жену составить леди Маргарет компанию, как некогда покойной королеве. Я должен знать, о чем она говорит. – Он добавляет: – Я не утверждаю, что все кончится, как в прошлый раз. Пусть леди Кингстон поддерживает в ней веру, что впереди ее ждет долгая счастливая жизнь, если она осознает, в чем состоит ее долг.

– Говорят, вы хотите принять новый закон, – замечает Кингстон. – Это слишком жестоко – заставить их совершить преступление задним числом.

Они пытаются объяснить коменданту Тауэра, в чем суть. Правителя не сдерживают пути времени: прошлое, настоящее, будущее. Он не вправе извинять прошлое тем, что оно позади. Не может сказать: «былое не воротить», ибо прошлое просачивается сквозь почву, сочится ручейком, за которым не уследишь. Порой истинное значение событий раскрывается только задним числом. Воля Господа, к примеру, явлена в наши дни более искусными переводчиками. Что до будущего, то желания короля меняются стремительно, и закону приходится за ними поспевать.

– Не забывайте, какое выдающееся предвидение проявил его величество во время суда над покойной королевой. Он знал, каким будет приговор еще до объявления вердикта.

– Все так, – соглашается Кингстон. – Палач уже пересекал море.

Кингстон давно в советниках. Он должен знать, как устроен королевский мозг. Если Генрих говорит: «Я так хочу», его желание все равно что уже исполнено. Король выражает свою волю и ждет, чтобы она осуществилась.

– Но вы же не собираетесь ее казнить? – спрашивает Кингстон. – Шотландскую принцессу! Что скажут ее соплеменники?

– Не думаю, что она им дорога. Они давно считают Мег англичанкой. Тем не менее я молюсь за благоприятный исход. Что до лорда Томаса, думаю, герцог Норфолк замолвит за него словечко.

– Норфолк? – удивляется комендант. – Генрих спустит его с лестницы.

Несомненно, думает он. Хотел бы я это видеть.

– Будьте готовы, сэр Уильям. Больше посоветовать ничего не могу. Не хочется, чтобы вы снова оплошали.

В конце концов, с казни королевы прошло уже два месяца. Вполне возможно, внутренняя машинария, которой ведает Кингстон, успела заржаветь.

– В любом случае, – говорит Кингстон, – я полагаю, мы не станем приглашать его снова?

– Француза? Нет. Бог мой! Я не так богат.

Нет, только старый добрый топор. Говарды – приверженцы традиций. Чтобы умереть, им не нужны новомодные штучки.

– Следует отдать ему должное, – говорит Кингстон, – справился он превосходно. Отличный меч. Он мне показывал.

Мы все убили Анну Болейн, думает он. В любом случае все представляли, как это будет. Скоро я услышу, что король сам спрашивал у палача: «Господин палач, можно на пробу замах-

нуться вашим мечом?» Как сказал Фрэнсис Брайан, Генрих непременно убил бы Анну Болейн, но в данном случае это сделал за него другой.

Его руки помнят тяжесть, когда француз дал ему меч. Он видел, как свет играет на острие, прочел слова на лезвии, провел по ним пальцем. «Зерцало справедливости». *Speculum justitiae*. Моли Бога о нас.

В Остин-фрайарз все восхищены мастером Ризли: его упорством, его убежденностью, что не бывает дыма без огня. И Мег Дуглас повезло, что он не стал медлить.

– Вообразите, – замечает Ричард, – если бы кто-нибудь застал ее голышом в объятиях Правдивого Тома.

Ричард Рич говорит:

– Оскорбив короля подобным образом, я бы не рассчитывал прожить долго.

Рич трудится над новым законом. Новые статьи не помешают лицам королевской крови делать глупости, но пропишут формальный порядок действий, буде таковое случится. Нужно решить, кто замешан в преступлении Мег? Он запросил расписание дежурств: кто из фрейлин прислуживал покойной королеве в марте, апреле и в те дни мая, когда она была жива. Но надменные знатные старухи, ведающие этими делами, – леди Рэтленд, леди Сассекс – удивленно поднимают брови, намекая, что сие есть тайна. В то же время, по словам Рейфа Сэдлера, в покоях короля есть список: знаешь, кто там должен быть и когда.

Впрочем, это не обязательно работает. Нынешней весной все перемешалось.

Приближаясь к королю с дурными вестями, он находит Генриха в толпе архитекторов. Король вознамерился потратить деньги.

– Милорд Кромвель? Который?

В руках у Генриха макет фриза с иониками – орнаментом из яиц и стрелок, который нравится ему чуть больше, чем лавровые венки.

– Венки, – говорит он. – Я должен кое-что вам рассказать.

Архитекторы сворачивают эскизы. Он глазами провожает их до двери.

Поняв, о чем речь, король начинает орать во всю глотку, что дело надлежит сохранить в тайне. Фриз до сих пор у него в руке; будь Мег Дуглас рядом, он бы разбил яйца о ее голову и утыкал ее стрелками.

– Я не желаю повторения того, что было в мае, – особа королевской крови перед открытым судом. Европа будет возмущена.

– Так что мне делать?

Генрих понижает голос:

– Найдите более тонкий способ.

Что касается Правдивого Тома:

– Предъявите обвинение в измене – пусть в обвинительном акте будет указано, что он действовал по наущению дьявола. Или это был милорд Норфолк?

Он молчит. Тем временем, как сказано в одном из Томовых виршей: «и как трава растет молва». Ходят слухи, что лорд Томас арестован, предполагают, будто он был одним из любовников покойной Анны.

В Колокольной башне они с Ризли идут к Правдивому Тому через нижнее помещение, где тень Томаса Мора сидит на корточках в темноте при закрытых ставнях. Он прикладывает ладонь к стене, словно надеется прочесть в дрожи каменной кладки, что произносил здесь Мор: шутки, истории и притчи, библейские стихи, афоризмы, банальности.

Кристоф шагает позади с доказательствами. Это не запятнанные простыни, а кое-что похуже. Стихи – Правдивого Тома и Мег в числе других – дошли до него в великом множестве: что-то нашлось, что-то передано через третьи руки. Листки загнуты по краям, некоторые мно-

гократно складывались, записаны одной рукой, прокомментированы другой, неразборчиво, с кляксами, они сомнительны с точки зрения поэтического мастерства, но не содержания. Я ее люблю, она меня не любит. Ах, она жестокая! Ах, я умру! Интересно, не затесались ли среди них стихи, сочиненные Генрихом? Покойным джентльменам вменяли, что они смеялись над королевскими виршами. К счастью, почерк Генриха не спутаешь ни с каким другим. Он узнает его даже в темноте.

В верхнем помещении Правдивый Том глядит в стену:

– Я все гадал, когда вы появитесь.

Он – лорд Кромвель – снимает джеркин.

– Кристоф?

Юноша подает бумаги. Они кажутся еще более помятыми, чем раньше.

– Жевал ты их, что ли?

Кристоф ухмыляется.

– Я всеяден, – сообщает он Тому.

Когда он, лорд Кромвель, расправляет листки, готовясь читать вслух, Том подбирается, как любой поэт, в ожидании вердикта, который вынесут его стихам.

Дни без нее уж сочтены,
Мои намеренья честны.
Ничто мое не скрыто от нее,
Ей сердце ведомо мое.

Он смотрит на Тома поверх бумаг:

– «Ничто мое не скрыто от нее»?

– Вы с ней сношались? – спрашивает мастер Ризли.

– О, бога ради, – говорит Правдивый Том. – Когда? Вы с нас глаз не спускали.

Всевидящий Аргус. Он держит бумаги на вытянутой руке.

– Вы не продолжите, мастер Ризли? Я не могу. Дело не в почерке, – обращается он к Тому. – Язык отказывается повторять.

Мастер Ризли берет бумаги за край:

О как мне счастье обрести,
И не обречь себя беде...

– Может, их лучше напеть? – спрашивает Ризли. – Не позвать Мартина с лютней?

Когда надежде нет пути.
И нету счастья нигде.

– Здесь остановитесь, – просит он Ризли. Он забирает бумаги, держа их большим и указательным пальцами. – Итак, вы открыли свои чувства, даже рискуя получить отказ. «Ничто мое не скрыто от нее». Она не была готова ответить на вашу страсть. Впрочем, это ведь обычная вежливость, уверять даму, будто ваша любовь куда сильнее, чем ее?

– Это проявление учтивости, – подтверждает Ризли.

– Однако она подарила вам алмаз – знак любви.

Правдивый Том спрашивает:

– Тогда зачем мне это писать?

– Вы забыли, – говорит он. – Как любой разумный человек. Хотя в пятой строфе вы пишете: «Навеки ваш Правдивый Том». К несчастью, «Том» рифмуется с «влеком».

Кристоф хихикает:

– Я и то лучше умею, хоть и француз.

– При дворе много Томасов, – отвечает обвиняемый, – и не все из них говорят правду, хотя утверждают обратное.

– Он смотрит в нашу сторону, – обращается он к Томасу Ризли. – Надеюсь, вы не станете утверждать, что это написано кем-то из нас?

Зовите-меня говорит:

– Всему свету известно, что это ваше прозвище, и вы от него не отказывались. Вы связали себя обетами, ее слуги признались.

Правдивый Том открывает рот, но он, продолжая листать, перебивает:

– Вы просите ее избавить вас от боли.

– В яйцах? – спрашивает Кристоф.

Взглядом он велит юноше замолчать, но не может удержаться от смеха:

– Вы были влюблены – «Я весь горю, горю давно», – затем принесли обеты. Ради чего, если не с целью убедить ее разделить с вами ложе?

Ризли говорит:

– Дама призналась, что есть свидетели вашего брака.

Когда молчание затягивается, он замечает:

– Я не заставляю вас отвечать в стихах.

Правдивый Том говорит:

– Я знаю, как вы действуете, Кромвель.

Он поднимает брови:

– Я действую, как велит король. Без его указания я и мухи не прихлопну.

– Король не позволил бы вам дурно обращаться с джентльменом.

– Вы правы, но не советую вам испытывать терпение лорда Кромвеля, – замечает Ризли. – Он как-то сломал человеку челюсть одним ударом.

Я? Он потрясен.

Он говорит:

– Мы готовы потерпеть. Со временем вы признаетесь, что замыслили недоброе, пусть и не достигли желаемого. Вы покаетесь перед королем в своей ошибке и будете молить о прощении. – Хотя сомневаюсь, что вы его получите, думает он. – Я понимаю, что вас подвигло. Вы происходите из древнего рода, но младшие Говарды бедны. Как представитель столь знатного семейства, вы считаете зазорным марать руки любым трудом. Чтобы обеспечить свое будущее, вам приходится ждать войны или выгодно жениться. И вы сказали себе, вот я, такой неотразимый, и пусть мои карманы пусты и никто со мной не считается, только путают со старшим братом, я знаю, что делать, – женюсь-ка я на королевской племяннице. Авось когда-нибудь стану английским королем.

– А до тех пор буду жить в долг, – добавляет Ризли.

Он вспоминает строку из «Покаянных псалмов» Уайетта: «И без защиты неможен и чист». В стихах Уайетта борьба в каждой фразе. Стихи лорда Томаса беззубы, один гладкий идиотизм. Впрочем, надо отдать ему должное, держится он стойко. Не рыдает, не просит пощады. Просто спрашивает:

– Что вы сделали с леди Маргарет?

– Она здесь, в покоях королевы, – отвечает мастер Ризли. – Вероятно, ненадолго.

Они уходят, оставляя его размышлять над двусмысленным ответом. Безобидная правда в том, что Мег, скорее всего, переведут куда-нибудь еще, если король поспешит с коронацией, ибо по традиции Джейн должна провести ночь в Тауэре перед тем, как отправиться в Вестминстер. Король говорил о середине лета, но город полнится слухами о чуме и потовой лихо-

радке. Опасно собирать толпы на улицах и забивать людьми закрытые помещения. Сеймуры, разумеется, убеждают Генриха рискнуть.

Они спускаются по ступеням. Сражались как единое целое. Ему не хватает Рейфа справа. Но ничего не поделаешь, если король в нем нуждается.

Он спрашивает:

– Я? Сломал челюсть? Кому?

– Кардинал любил об этом рассказывать, – довольно замечает Ризли. Они выходят в солнечное сияние. – Иногда это был аббат, иногда мелкий лорд. Где-то на севере.

Когда все закончится – каким бы ни был конец, – он вернет стихи владельцам, хотя они не оставили имен. Он представляет, как в ветреный день швыряет их в воздух и стихи парят над Уайтхоллом, перелетают реку и приземляются в Саутуорке, где шлюхи, похихикав над ними, подотрут ими задницу.

Вернувшись домой, он говорит Грегори:

– Никогда не пиши стихов.

Бесс Даррелл присылает ему восточку: приходите в Л’Эрбе. Неудивительно, что Поли предложили ей свой кров, она – наследие покойной Екатерины. Но ей придется скрывать, что она носит ребенка. Старая графиня не потерпит бастарда Уайетта под своей крышей.

Он находит Бесс и леди Солсбери мирно сидящими рядом, словно Пресвятая Дева и святая Анна из молитвенника. На коленях – отрез превосходного льна, украшенный райской вышивкой – цветущим летним садом. Он приветствует графиню изысканным поклоном – куда ниже, чем при предыдущей встрече. Замечает, что Бесс еще не расшнуровала корсаж. Она деликатного сложения; сколько ей удастся скрывать свою тайну?

Графиня показывает на вышивку:

– Я знаю, что вы в своей доброте всегда замечаете женское рукоделие. Видите, я нашла себе в помощь молодые глаза.

– Должен выразить вам восхищение. Хотел бы я, чтобы цветы в моих садах расцветали так же быстро.

– Ваши сады разбиты недавно, – сладко замечает леди Солсбери. – Господь не торопится.

– И все же, – говорит Бесс, – Он создал мир за неделю.

Он наклоняет голову, обращается к графине:

– Говорят, вашего сына Рейнольда вызвал к себе папа.

– Правда? Первый раз слышу.

Он и сам услышал только что, и это вполне может оказаться ложью.

– Интересно, что замыслил Фарнезе. Не стал бы он гонять Рейнольда в Рим, чтобы перекинуться в «Сдайся-смейся».

Графиня смотрит вопросительно.

– Это карточная игра, – объясняет Бесс. – Детская.

Графиня говорит:

– Мы знаем о планах моего сына не больше вашего.

– Меньше, – еле слышно выдыхает Бесс, теребя пальцами лепестки.

– А вам известно, что король требует его возвращения?

– Это дело Рейнольда и его величества. Я уже объясняла – и его величество принял мое объяснение, если вы не знали, – что ни я, ни мой сын Монтегю не знали заранее, что Рейнольд пишет книгу против короля. И нам неизвестно, где он сейчас.

– Но он написал вам?

– Написал. Его письмо глубоко задело мое материнское сердце. Он считает, что тем, кто соблюдает законы этого королевства и этого короля, не видать рая, даже если их принудили к подчинению обманом или угрозами.

– Но ведь вас не обманывали и не принуждали? Ваша верность происходит от благодарности.

– И это еще не все, – продолжает Маргарет Поль. – Мой сын просит меня не вмешиваться в его дела. Говорит, что я бросила его в детстве, что я в нем не нуждалась. Я действительно отослала его учиться. Но я полагала, что отдала его Господу. – Она поднимает подбородок. – Рейнольд разрывает родственные связи. Он считает, что мы прокляты из-за того, что покорились Генриху Тюдору.

Печально, что Рейнольд написал такое письмо, думает он. Впрочем, весьма удобно для всех. Графиня делает аккуратную петельку и втыкает иголку в ткань.

– Вы хотели поговорить с мистрис Даррелл. – Вставая, она перекладывает работу на колени Бесс и бормочет вопрос, не предназначенный для его ушей.

Бесс отвечает вслух:

– Нет, я доверяю милорду хранителю малой королевской печати.

– Тогда и я ему доверяю, – говорит графиня.

Он улыбается:

– Это обнадеживает.

Леди Солсбери подбирает юбки. Мое обаяние на нее не действует, думает он. Бесс Даррелл сидит, опустив голову, и не поднимает глаз, пока они не остаются одни. Дверь тем временем приоткрыта. Ее гейбл скрывает то, что имел возможность лицезреть Уайетт, волосы цвета чистого золота. Он воображал, что Уайетт преследовал только бегущую дичь, что его волновала погоня, а не добыча. Впрочем, Бесс выглядит не просто пойманной, но и укрощенной. Женщина в ловушке злой судьбы. Он смотрит вслед леди Солсбери:

– Можете судить, насколько она мне не доверяет. Даже дверь оставила открытой.

Бесс говорит:

– Она не думает, что вы повалите меня на пол и изнасилуете. Скорее, боится, что вы станете нашептывать мне на ухо плохие стихи, склоняя к замужеству.

Выходит, она знает о Мег Дуглас. Неудивительно, все только об этом и толкуют.

Он говорит:

– Я нашел для вас пристанище. Как и обещал Уайетту. Семейство Куртенэ просит вас составить компанию миледи маркизе.

– Гертруде? – Она складывает ткань на коленях, складывает снова и снова, пока не получается квадрат с иглой внутри. – Но она вас не любит.

– Зато она у меня в долгу.

– Верно. Вы могли уничтожить ее семейство два года назад. А вы терпеливы. Думаю, вы отложили это до лучших времен. Королева Екатерина всегда говорила: «Кромвель держит слово, к добру или к худу». – Она отводит глаза. – Я знаю, что вы исполнили обещание присмотреть за Марией. Я была в Кимболтоне, когда вы его дали. Все, что я могу сказать, милорд, остерегайтесь благодарности.

Неудивительно, думает он, что Уайетт к вам так привязан. Загадочные колкости слетают с ваших уст с той же легкостью, что у него.

– А что до вашего положения, сами решите, как его объяснить. Куртенэ понимают, чем вам обязаны. Вы были с Екатериной в ее последние часы. Вытирали смертный пот с ее лба. Сейчас они бахвалятся тем, что для нее сделали, а на деле они не сделали ничего. Они не станут пытать имя мужчины. А если станут и им не понравится ваш ответ, придется смириться.

– Понравится, – говорит она. – Они обязаны Уайетту его признаниям. Он сотворил это. – Она разводит руками. – Страну, в которой мы живем. Англию без Болейнов.

– Уайетт ничего не сотворил. Его показания не понадобились.

– Как скажете. Вы любите утешать, милорд. Торите свой путь через поле сражения, с молитвой для раненых и водой для умирающих.

– Так и есть, – просто соглашается он. – Я вернул ему бумаги, и он может порвать их. Он рассказал мне о вашей связи, и я обещал найти вам убежище... Думал предложить свой дом, любой из своих домов, но мои советчики – домашние, которым дороги мои интересы, – решили...

Она смеется:

– Нет, лорд Кромвель, я не стану делить с вами кров. Незамужняя женщина, отвергнутая собственной семьей, – ваши враги только обрадуются такому подарку, а вы, викарий короля по делам церкви, будете выглядеть как похотливый епископ или римский кардинал.

Он говорит:

– Куртенэ не догадываются о моем участии в вашем деле. Пусть так и остается. За вас замолвил словечко Фрэнсис Брайан. Он ваш избавитель. Он любит Тома Уайетта и восхищается им.

– Думаю, Фрэнсису не впервой избавляться от женщин, – говорит она. – Нет-нет, во мне не сомневайтесь, я поступлю, как вы скажете. И буду вечно вам благодарна. Вы спасли Тома Уайетта, когда он сам бы себя не спас.

– Я просто отпер дверь, – говорит он, – но это вы заставили его выйти из темницы. Если бы не дитя, которое вы носите, он не стал бы бороться за жизнь. Мальчик или девочка, этот ребенок обладает великой силой. Он уже спас отца от плахи.

– Ребенок? – говорит она. – Кажется, я ошибалась.

– Так ребенка нет?

– Нет.

– И не было?

– Я не уверена.

– Уайетт знает, что вы его обманули?

– Он знает, что до сих пор дышит! – взрывается она.

Они молчат. Бесс разматывает ткань, белизна распускается цветами на фоне ее юбки. Найдя иголку, пробует острие указательным пальцем, словно хочет пустить кровь. Говорит:

– Вы понимаете, почему я пошла на обман.

– Мне нравится ваш обман, – говорит он. – Он поднимает вас в моих глазах.

– Вы правы, идти мне некуда. Я никому не нужна, кроме Уайетта, а он не может быть рядом. Я поклялась ему кровью своего сердца и считаю себя замужней, как любая женщина в Англии, только у него уже есть жена.

«*Amor mi mosse*», – думает он. Меня ведет любовь, я говорю любя.

– Возможно, вы захотите остаться здесь, с леди Солсбери.

– Здесь найдется и другая пара глаз. К тому же, думаю, в этом доме у вас уже есть шпионы.

Что я должна буду делать у Куртенэ?

– Жить.

– Но чем мне отплатить вам, лорд Кромвель?

– Пишите мне. Держите связь через слугу, который сам к вам подойдет. Я даже пришлю вам бумагу.

– И что я должна буду писать?

– Кто навещает их. Кто в отъезде. Кто из дам задумал рожать.

– У меня нет денег.

Пару раз он уже оплачивал ее карточные долги. Набожная Екатерина даже в дни изгнания играла на крупные суммы и ждала, что приближенные заплатят.

– Я все улажу, если Уайетт не сможет.

Она говорит:

– Я буду следить за тем, что происходит в семействе Куртенэ, но не стану писать о личном, а лишь о том, что угрожает общественному благу. Обо всем, что может представлять для вас интерес.

– Спасибо. – Он встает. – Но имейте в виду, мои интересы весьма разносторонни и обширны.

– Прежде чем уйти, не хотите посмотреть вышивку?

– С удовольствием.

Она поднимает вышивку, показывает, как символ Полей – виола, или анютины глазки, сплетается по краю с цветами календулы.

– Это их способ поддерживать друг друга, они раздают эти вышивки своим сторонникам. Цветы вышивают на алтарных облачениях, делают украшения для шляп. На прошлой неделе такое украшение подарили послу Шапюи. Календула, или, как ее еще зовут, мэригольд, золото Марии, означает... – да, вижу, вы уже поняли – означает леди Марию, этот образец сияющей добродетели. А теперь смотрите, – она показывает острием иглы, – как они сплетаются. Так и Рейнольд обовьет ее тело и душу.

– Выходит, сегодня леди Солсбери солгала мне *in toto*²⁴ или только частично?

Она бросает взгляд на дверь:

– Рейнольд действительно написал ей письмо.

– Очевидно, они состряпали его всем семейством. Это уловка, способ отвести подозрения.

– Кажется, она потрясена до глубины души.

– Равно как и король. Он чувствует себя одураченным, смятенным, обманутым. Своими письмами Рейнольд добился, чего хотел. Удивляюсь, что он не написал мне. – Он дотрагивается до ее руки. – Благодарю вас.

Трудно представить, что Ричард Рич пишет билль против вышивания, но в этом нет нужды. Для того чтобы охватить все, что у Полей на уме, хватит существующих законов, особенно подойдет последний, направленный против тех, кто замыслил жениться на королевской дочери. Он не узнал о мечтах леди Солсбери ничего по-настоящему нового, однако лишнее доказательство, вышитое стежками на ткани, не помешает.

– Надеюсь, когда вышивка будет закончена, – говорит он, – ее спрячут подальше от света. Как сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют.

Она говорит:

– Интересно, где сейчас Анна Болейн?

К такому вопросу он не готов. Он воображает, как Анна мечется по продуваемым сквозняками залам потустороннего мира, где стены сделаны из треснутого стекла.

Отправляясь к королеве Джейн, он берет с собой Ризли:

– На случай, если женщины вновь что-нибудь замышляют. Отныне я доверяю только вам. Если увидите, что кто-то вступил в непозволительный брак, тут же укажите мне на них. Не миндальничайте. Доколе мы будем терпеть?

Ясное летнее утро. Дамы только что вернулись с молитвы. Бесс Отред, вдовья сестра королевы, сидит рядом с Джейн. По другую руку – жена Эдварда Сеймура Нэн, до замужества Нэн Стенхоуп. Разумеется, это не та, что грешила со старым сэром Джоном. Та умерла, и ее имя никогда не упоминают в Вулфхолле. Шотландской принцессы словно и не было. Дамы трудятся над тем, что занимает их досуг уже много недель, – спарывают букву «А» с атласа и дамаста, заменяя ее на «Д», чтобы Джейн могла носить платья покойной королевы.

---

²⁴ В целом (*ит.*).

– Неужто эту прелюбодейку невозможно извести? – сочувственно мурлычет мастер Ризли.

– У нее было много платьев, – говорит Бесс Отред. – Я помню, как перешивала их. – Голос низкий и сосредоточенный, мелкие жемчужины дождем сыплются под ее ножницами в шелковую коробочку.

– Хвала Господу, припуски довольно большие, – бормочет Нэн. – Ее величество будет пошире старой королевы. – Она подбрасывает рукав Джейн. – А скоро, даст Бог, станет еще шире.

Джейн опускает голову. Нэн поднимает глаза, откладывает ножницы:

– Мы рады визиту любезного мастера Ризли.

Зовите-меня вспыхивает. Джейн обращается к сестре:

– Мастер Ризли теперь... этот, личной королевской печати. Я хотела сказать, хранитель. И разумеется, вы знаете государственного секретаря. Хотя теперь он лорд – хранитель малой печати.

– Вместо чего? – спрашивает Бесс Отред.

– Вместе со всем прочим, миледи, – кланяется он.

Джейн объясняет:

– Он отвечает за все в Англии. Я не понимала, пока мне не объяснил один посол. Его изумляло, что один человек может занимать столько постов и иметь столько титулов. Такого никогда не было. Лорд Кромвель и правительство, и церковь в одном лице. Посол сказал, когда-нибудь король загоняет его до того, что ноги у него подломятся, он рухнет в канаву и умрет.

Зовите-меня решает сменить галс:

– Миледи Отред, надеюсь, теперь вы будете жить при дворе?

Бесс мотает головой:

– Семья моего мужа хочет видеть меня на севере. Они не отпускают маленького Генри, хотят вырастить из него настоящего йоркширца. И как бы я ни желала видеть сестру в зените славы, мне не хочется, чтобы малыши меня забыли.

Джейн трудится над собственной вышивкой. У женщин свои правила, которых мужчинам не понять. Не подобает королеве отпарывать инициалы предшественницы. Джейн поднимает вышивку – орнамент из жимолости и желудей.

– Неплохо для деревенской простушки, – замечает она.

Прав Норфолк, думает он, скоро я научусь управляться с иголкой.

– Ваше величество, у меня есть просьба, но, возможно, вам она придется не по душе. Мне нужно встретиться с фрейлинами покойной королевы. Нам придется пригласить их ко двору. – Внезапно он чувствует страшную усталость. – Я должен расспросить их. Возможно, имело место недоразумение. Нам придется пересмотреть обстоятельства, о которых я надеялся забыть.

– Бедная Мег Дуглас, – говорит Бесс Отред. – Королю следовало давно найти ей мужа. Оставьте без присмотра нежное создание, и Говарды налетят, словно мухи.

– Кого вы хотите расспросить? – спрашивает Нэн.

– А вы как думаете?

– Мистрис Мэри Шелтон.

Шелтон была составительницей сборника, она решала, какие стихи оставить, какие выбросить, знала, что в них зашифровано.

– И, – продолжает Нэн, – вдову Джорджа Болейна.

– Леди Рочфорд дама весьма деятельная, – замечает мастер Ризли. – Она помнит все, что видела.

Дальнее, смутное воспоминание проплывает перед его мысленным взором: мягкой походкой Джейн Сеймур движется в покоях Анны, в руках – сложенные простыни. Анна еще не

королева, но живет надеждой, и прислуживают ей, как королеве. Он вспоминает белые сгибы, легкий аромат лаванды. Вспоминает Джейн, чье имя едва ли знал тогда, лавандовые тени на белом склоненном лице.

Нэн говорит:

– Думаю, именно леди Рочфорд была свидетельницей брака Мег. Ей в радость погубить другую женщину.

Бесс Отред удивлена:

– Но не она ее погубила. Не она их выдала.

Это правда. Но, как заметила другая Бесс – Бесс Даррелл, – настоящий, бесповоротный крах готовится долго и тщательно. Бесчестие Мег, раскройся оно раньше, стало бы бесполезной кодой к тому, что случилось с покойной королевой, – пропало бы зазря.

Нэн говорит:

– Мег, Шелтон и Мэри Фицрой вечно шушукались по углам. Мы-то думали, это все ради... – Она прикусывает губу.

Бесс говорит:

– Мы думали, они защищают тайны Болейнов. – Она серьезнеет. – *De mortuis nil nisi bonum*²⁵.

Он изумлен:

– Вы знаете латынь, мидели?

– В отличие от сестры я не пренебрегала уроками. Много же хорошего это мне принесло. Джейн поднялась высоко, а я бедная вдова.

Королева только улыбается. Она говорит:

– Я не против, если Мэри Шелтон вернется ко двору. Она не завистлива и не зла.

А еще, думает он, для короля она давно прочитанная книга, так что одной заботой у вас будет меньше.

– Но, Джейн, – говорит Бесс, – ты же не приблизишь к себе леди Рочфорд? Она издевалась над тобой вместе с Болейнами. И она жена изменника.

– Она в этом не виновата, – замечает мастер Ризли.

– И что с того? – Бесс возмущена. – Я удивлена, что король решил обратиться к Джейн с такой просьбой.

– Это не он, – говорит королева. – Король никогда не позволяет себе сделать что-нибудь неприятное. Лорд Кромвель старается за него. – Джейн поворачивает голову, бледные глаза словно брызги прохладной воды. – Я уверена, леди Рочфорд будет рада вернуться ко двору. Лорд Кромвель в долгу перед ней за некий совет, в котором когда-то нуждался.

Нэн говорит:

– Если Рочфорд вернется, то уже навсегда. И мы никогда больше от нее не избавимся.

– Не важно, – говорит Джейн. – Вы будете ей достойной противницей.

Это комплимент? Нэн не уверена.

Бесс резко бросает:

– Сестра, не будь такой смиренной. Не забывай, что ты английская королева.

– Уверяю тебя, я об этом помню, – бормочет Джейн. – Но коронации еще не было, так что никто не знает.

– Все королевство знает, – говорит он. – Весь свет.

– О вас знают даже в Константинополе, мадам, – говорит Ризли. – Венецианцы отправили туда послов с новостями.

– А им что за дело? – спрашивает Джейн.

– Правителям важно знать, что происходит в семействах других правителей.

---

²⁵ О мертвых либо хорошо, либо ничего (лат.).

– У каждого турецкого султана по дюжине жен, – говорит Джейн. – Будь король их веры, мог бы стать мужем покойной королевы, упокой Господь ее душу, Екатерины, упокой Господь ее душу, и моим. А еще Мэри Болейн, Мэри Шелтон и матери Фицроя. И папа ничего бы ему не сказал.

Мастер Ризли робко замечает:

– Вряд ли король намерен стать турецким султаном.

– Много вы знаете, – говорит Джейн. – Если вы пойдете к нему прямо сейчас, то увидите его в любимом костюме. Королю показалось мало надеть его один раз на свадьбу. Притворитесь удивленными.

Нэн говорит:

– Лорда Кромвеля ничем не удивишь.

Джейн оборачивается к ней:

– Иногда, отрываясь от забот, лорд Кромвель приносил нам пирожные. Апельсиновые тарты в корзинках. Когда королева бывала им недовольна, она швыряла их на пол.

– Так все и было, – говорит он. – Но покойная королева делала много чего похуже. Впрочем, *nil nisi*... – Он встречает взгляд Бесс Отред и улыбается.

Когда они выходят из покоев Джейн, он замечает:

– Нэн ошибается. На свете еще есть такое, что может меня удивить. Например, вдова Отреда с ее латынью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.